

СБОРНИК НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ВЫПУСК 31

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
МОСКВА 1987**

ББК 84
С23

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Э. А. Араб-оглы
И. В. Бестужев-Лада
Д. А. Биленкин
Е. Л. Войскунский
Вл. Гаков
Г. М. Гречко
В. П. Демьянов
М. Б. Новиков
Е. И. Парнов

С23 Сборник научной фантастики. Вып. 31. Сост. Парнов Е. И.— М. : Знание, 1987.—240 с.

1 р. 30 к.

150 000 экз.

В сборнике представлены произведения советских фантастов (Д. Биленкина, А. Мальникова и В. Рыбакова), рассказы зарубежных фантастов (А. Азимов, Ф. Дика, Г. Слизера и Х. Эллсона, а также в разделе «Публицистика» статьи Е. Парнова «Звездное помрачение».

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

4701000000—009
С 073[02]—87 50—86

ББК 84

От составителя

Нашему поколению выпало нелегкое счастье жить в удивительный век. Никогда прежде дистанция между настоящим и будущим не была столь ошеломительно коротка. Более того, эта непостижимая беговая дорожка сжимается в полном соответствии с постулатами теории относительности, как отпущенная резинка. И чем скорее взят старт, тем с большей скоростью летит навстречу неведомый финиш. Марафонский, рассчитанный на долгое время забег сплошь и рядом превращается в молниеносную стометровку.

Вспомним хотя бы, с какой властной стремительностью ворвался в нашу повседневную жизнь космос. Юный С. П. Королев, будущий академик, зачитывался романами Жюль Верна, мечтал о Марсе, о путешествиях на Луну. Чистейшая, казалось бы, совершенно оторванная от житейской прозы фантастика, как по волшебству, обернулась явью. На Марс и на Венеру опустились космические лаборатории. Через считанные годы после полета Гагарина в первозданной лунной пыли запечатлелся след человека. Зброшенные в пространство радиопередатчики, покинув Солнечную систему, шлют сигналы из межзвездных бездн. Осуществлен грандиозный по замыслу и ювелирный по точности эксперимент по непосредственному прощупыванию кометы Галлея. Полным ходом идут работы на новой постоянно действующей орбитальной станции «Мир», которая воистину пришла в нашу жизнь со страниц научной фантастики. Можно без преувеличения сказать, что окружающий нас материально-технический мир в каких-то чертах предугадан фантастикой шестидесятих годов.

Вдумываясь в строки величественной программы ускорения социального и научно-технического прогресса, не без гордости за свой литературный цех видишь, сколь многое из нынешних наших свершений было предвосхищено научной фантастикой. Но сколь многое она упустила, не оценила должным образом, проявила робость в отношении сроков воплощения, а то и вовсе оказалась не способной уловить новое.

В свете задач, поставленных перед нашим обществом XXVII съездом, научной фантастике — литературе системного мышления, научного творчества и мечты — предстоит немало потрудиться.

Замечательный ученый и космонавт дважды Герой Советского Союза Г. М. Гречко сказал: «Наше поколение позвала в космос фантастика».

Основная цель фантастики сегодняшнего дня — звать новые поколения советских людей на штурм передовых рубежей науки и техники, всемерно пропагандировать мирные предложения нашего правительства, выдвинувшего грандиозную программу избавления планеты от термоядерного оружия.

Чудесный сплав искусства и точного знания, которым, собственно, и является фантастика, не вмещается в узкие рамки определенных. Быть может, по той простой причине, что составляющие его начала — знание и вымысел — всякий раз берутся в самых различных дозах: от чистого эликсира сказки до гомеопатических капель прогноза ближайшего развития техники.

Питаясь живительным соком научных идей, фантастика не перестает быть искусством. В отличие от науки, которая неудержимо ветвится, образуя все новые ячейки узкой специализации, научная фантастика всякий раз стремится создать целостную картину мира. Вернее, миров, потому что фантастический эликсир преобразует реальность, превращает ее в бесконечную череду изменчивых вариаций. Даже на примере данного сборника можно судить о том, насколько разнообразна и практически неисчерпаема научная фантастика. Здесь и темпераментная, политически заостренная повесть Дмитрия Биленкина «Сила сильных», рассказ Анатолия Мельникова «Один из дней творения», напрямую отвечающий своему заголовку, и рассказ В. Рыбакова «Пробный шар». По обыкновению в сборнике представлена переводная литература, причем в лучших, можно сказать, хрестоматийных ее образцах: «Уродливый мальчуган» А. Азимова, «Из глубин памяти» Ф. Дика и «Единственная возможность» Г. Слизера и Х. Эллисона.

Палитра научных идей, исследование социальных моделей, блистающие солнца утопических миров и мрачные пространства грядущих опасностей — все это разные лики изменчивой музыки. Мгновенные черты, по которым едва ли возможно судить о всем облике.

Параболические антенны фантастики призваны лоцировать настоящее. В них отражается современный писателю мир. Как незаметно, как естественно просто перетекает фантазия в реальность. «Космический корабль», «космонавт», «космический скафандр», «невесомость» — эти знакомые всем термины подарила научная фантастика. После полета Юрия Гагарина они вошли и в язык науки, и в повседневный обиходный язык.

Фантасты предсказали спутник связи и голографию, атомную и нейтронную бомбу, лазер и генную инженерию, существование частиц со скрытой массой — фридмонов и алмазы в Якутии.

«Время от времени перед наукой возникают интересные вопросы, которые могут в дальнейшем приобрести огромное практиче-

ское значение,— сказал в своем выступлении на Бюраканском симпозиуме В. А. Амбарцумян.— В таких случаях всегда находятся скептики, не желающие согласиться с энтузиастами в оценке нового научного направления. Так было перед открытием атомной энергии. То же самое происходит сейчас и в отношении поисков внеземных цивилизаций и установления связи с ними. Тем не менее мы можем сказать, что за последние годы человечество достигло таких успехов в астрономии, технике связи, кибернетике, которые создали реальные возможности установить связи с разумной жизнью из других миров при условии, если такие цивилизации существуют. Речь идет не только о простых формах жизни, но и о ее высших формах, вплоть до цивилизации».

Роль фантастики в современном, бурно развивающемся мире трудно переоценить. Только одно то, что она как бы подготавливает общественное мнение к вторжению в жизнь очередного научно-технического чуда, делает ее незаменимой. Именно благодаря усилиям поколений фантастов человечество приняло как нечто давно ожидаемое и первый искусственный спутник, и первый орбитальный полет, и высадку на Луну. И я уверю, что, если в один прекрасный день газеты сообщат нам о том, что установлен первый контакт с внеземной цивилизацией, мы и его воспримем без особых потрясений для психики. Конечно же, мы по достоинству оценим это, быть может, самое важное событие в истории человечества, но оно не поразит нас как нечто совершенно непредвиденное, ибо мы уже подготовлены к нему. Сначала фантастикой, потом фантастикой и наукой.

Что же касается пророчеств — поразительных предвосхищений или случайных угадываний,— то они возникают как своего рода побочный продукт.

Высокое волнение при встрече с неизвестным, вспышка внезапного озарения, логика поисков, изящество математических выводов и ювелирных по точности измерений — постоянные компоненты научно-фантастических произведений. Все это, вместе взятое, и сообщает уникальный характер научной фантастике — литературе, напрямую работающей на научно-технический прогресс.

Удивительно емко и системно-всеобъемлюще сказано в Политическом докладе Центрального Комитета XXVII съезду КПСС:

«Прогресс человечества непосредственно связан и с научно-технической революцией. Вызревала она исподволь, постепенно, чтобы затем, в последнюю четверть века, дать начало гигантскому приращению материальных и духовных возможностей человека. Возможностей двоякого рода. Налицо качественный скачок в производительных силах человечества. Но и качественный скачок в средствах разрушения, в военном деле, впервые в истории «наде-

ливший» человека физической способностью уничтожить все живое на Земле.

В разных общественно-политических системах научно-техническая революция оборачивается разными ее гранями и последствиями. Капитализм 80-х годов, капитализм века электроники и информатики, компьютеров и роботов выбрасывает на улицу новые миллионы людей, в том числе молодых и образованных. Богатство и власть еще более концентрируются в руках немногих. Неимоверно разбухает на гонке вооружений милитаризм, стремящийся шаг за шагом овладеть и политическими рычагами власти. Он становится наиболее уродливым и опасным чудовищем XX века, его усилиями самая передовая научно-техническая мысль переплавляется в оружие массового уничтожения».

Эта «переплавка» мысли неизбежно (причем опять-таки впрямую) затронула научную фантастику, ту ее часть, которая стала верной служанкой военно-промышленного комплекса. Недаром название фантастического фильма «Звездные войны» стало синонимом пресловутой «стратегической оборонной инициативы». Об этом идет речь в очерке «Звездное помрачение» в разделе «Публицистика» данного сборника.

Научно-техническая революция — явление глобальное, и значение фантастики в обществе будет только расти, ибо она затрагивает все стороны общественной жизни. Третью многомиллионную армию научных работников всего мира живет в нашей стране. Им согласно социологическим опросам фантастика нужна как воздух. Десятки миллионов учащихся, студентов, рабочих-рационализаторов тоже единогласно голосуют за литературу, которая учит творчеству, открывает дороги в будущее. И это закономерно. По самой своей природе научная фантастика прямо работает на ускорение социального и научно-технического прогресса.

■ ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

ДМИТРИЙ БИЛЕНКИН

Сила сильных

...И пусть люди легкомысленные полагают, будто несуществующее в некотором роде легче и безответственной облечь в слова, нежели существующее, однако для благоговейного и совестливого историка все обстоит как раз наоборот: ничто так не ускользает от изображения в слове и в то же время ничто так настоятельно не требует передачи на суд людей, как некоторые вещи, существование которых недоказуемо, да и маловероятно, но которые именно благодаря тому, что люди благоговейные и совестливые видят их как бы существующими, хотя бы на шаг приближаются к бытию своему, к самой возможности рождения своего.

Г. Гессе

Он звезды сводит с небосклона,
Он свистнет — задрожит луна;
Но против времени закона
Его наука не сильна.

А. С. Пушкин

1. БЕЗ ЗАПРЕТОВ

В передней едва слышно скрикнул замок. Спящий вскинулся. Тесная комната, сумеречный отсвет уличных фонарей, смутные очертания мебели — все было знакомо и неузнаваемо, как собственное, бледно туманящееся в зеркале напротив кровати лицо.

Скрип повторился. Кто-то упорно пытался взломать добротный швейцарский замок. Вскочив с постели, человек порывисто натянул одежду, выхватил из-под подушки пистолет, на цыпочках прокрался к двери. Может быть, все-таки вор? Обостренное чутье уловило слабый запах табачного дыма: за дверью кто-то курил. Не полиция — та вломилась бы с грохотом, и не вор, который, орудуя, не стал бы себя выдавать сигаретой. Обморочно бухнуло сердце, тело обомлело в липком удушливом поту. Вот так они и берут, так и

берут, а затем... Любому мальчишке в городе было известно, что происходит с похищенными, как долго, мучительно кончают с ними ночные «друзья порядка».

Нет, только не его! Только не его! Обхватив книжный шкаф, он рывком вынес его в переднюю, стоймя привалил к двери.

Но это отсрочка, всего лишь отсрочка. Озираясь, он выскочил на балкон, перегнулся через перила. Лица коснулся ночной холод. Десятый этаж, балконы друг под другом. Если повиснуть на руках и спружинить, то можно перемахнуть на нижний; ничего особенного, простейший прыжок с прогибом на высоте сорока или пятидесяти метров...

Он заставил себя перенести ногу через ограждение. Темный провал качнулся навстречу, дальние фонари расплылись дрожащими мутными пятнами. Судорогой сжало пальцы. Он не может, не может, это не для сорокалетнего преподавателя университета!

Может. Только что он поднял тяжеленный, набитый книгами шкаф. Его тело точно подменили, у него, Антона Геза, никогда не было такого крепкого, уверенного тела, оно справилось с замешательством и, казалось, могло невозможное. Оно звало и приказывало: вниз, вниз!

Из передней донесся глухой шум. Это подстегнуло сознание. Он перевалил через ограждение, завис на руках, качнулся маятником и, когда ноги повело к стене, прыгнул. Мгновение — он уже стоял на чужом балконе, все оказалось очень просто. Для кого просто?

Размышлять было некогда. Вниз! Восьмой, седьмой, шестой, пятый этаж... Легкость, с какой он все это проделывал, напоминала сон. Но это не было сновидением: он ощущал металлический холод балконных перил и прутьев, ладони сдирали с них ржавчину, руки чувствовали надрывную тяжесть тела, ноги сгибались в толчке приземления, который болью отдавался в подошвах, на необъятном фасаде щерился льдистый отблеск оконных стекол, мимо которых он пролетал, и во всем этом была связность, какой не бывает во сне. Но как же он, не гимнаст, отнюдь не спортсмен, мог такое проделывать? Значит, мог, человек сам не знает своих возможностей.

При очередном прыжке нога задела цветочный горшок, с глухим стуком тот упал на цементный пол балкона и развалился. И, точно отвечая этому гулкому в тишине удару, из сонной и теплой глубины квартиры донесся звук спускаемого унитаза. Гез замер на полусогнутых ногах. Сквозь раскрытое окно он отчетливо слышал поспешно-неуверенные шаги испугнутого хозяина и, как ни опасно было промедление, чуть не расхохотался: человек, прежде чем опрометью выскочить из туалета, добросовестно спустил воду!

Господи, только истерики не хватало... Он обезьяной скользнул на нижний балкон. Слава богу, уже второй этаж. Над ним, затеняя свет фонарей, нависала густая крона дерева. Земля скорее угадывалась внизу, до нее было... Да ведь это все равно что в пропасть!

Он прыгнул. Жесткий удар пронизал все тело, швырнул на вытянутые вперед руки, но все это было пустяком, Гез тут же вскочил, немного дрожали колени, только и всего.

Свободен!

Нет. Хлопнула дверь подъезда, трое в надвинутых шляпах, с гипсово-напряженными лицами, кинулись к месту, где он стоял. Гез рванулся вдоль стены здания. Улица в их власти, там они легко догонят его на машине. Только бы успеть — за аркой путаница дворики и тупиков и нет фонарей. Только бы успеть! Сейчас они будут стрелять. Не будут, он им нужен живым, чтобы выведать, выпытать... Будут, если им не удастся настичь. Господи! Стена тянется, тянется, как в кошмарном сне, когда бежишь и не двигаешься и нет этому конца.

Поворот, арка, мрак. Конеч! Он нырнул в спасительную темноту. И вскрикнул. Двое устремились навстречу, бесшумно возникли из мрака, такие же черные, как этот мрак, такие же неодолимые, с жутким просверком щелочек белки на неясных лицах. Они умели захлопывать свои ловушки! К беглецу протянулись длинные, будто резиновые, руки, сзади уже грохотали башмаки преследователей.

И тут словно что-то вспыхнуло в Гезе. И взорвалось. Он ударил переднего, тот не успел шевельнуться. И с этим ударом пришло освобождение от страха, от наваждения, от всего. Он стал кем-то другим, не интеллигентом, не человеком даже, и для этого нового Геза пятеро врагов были ничем. Удар наотмашь, тело врага переломилось, первый уже оседал на асфальт; теперь обернуться, выхватить пистолет; три вспышки подряд, три пули, грохот в ушах, и все — он знал, что все уже кончено и можно бежать, даже идти, если захочется, потому что теперь уже ничто не может его остановить.

Он это знал и пошел спокойно, как через груды мусора, переступил через тела тех, перед кем трепетал город, перед кем он сам только что трепетал, и еще шагов сто шел спокойно, без мыслей, без чувств. А потом...

Его отбросило к какому-то заборчику, пальцы царапали шершавые доски, к горлу подкатывала тошнота, ночное небо вращалось чернко звенящим колоколом.

Нельзя убивать.

Нельзя злоупотреблять силой.

Нельзя властвовать и подавлять.

О господи!

Небо кружилось все медленней. Гез поднял отяжелевшие руки, поднес ладони к лицу. На них была грязь и кровь, кровь и грязь.

Что с ним? Почему нельзя убивать? Этих выродков?

Теперь он знал, что так можно и нужно, но от этого ему не стало легче.

Но разве перспектива такой борьбы когда-нибудь возмущала его совесть, разве в душе он не готовил себя и к этому? Готовил. Почему же сейчас он чувствует себя так, словно потерял родину, достоинство, честь?

Освобождение — вот оно, это слово! Первый же удар открыл в нем незнакомую темную силу, запреты рухнули, самое неожиданное — какая-то укромная частица его души упиалась этой внезапной свободой вседозволенности.

Да, но что тут ужасного? Добро должно быть с кулаками — таковы условия, обстоятельства, это так же верно, как то, что сегодня шестнадцатое мая...

Шестнадцатое мая конца второго мегахрона.

С улицы донесся вой полицейской сирены, Гез вздрогнул. Что это за понятие — «мегахрон»? Сегодня шестнадцатое мая тысяча девятьсот... Господи, какой же сейчас год?

Полиция!

Как он и ожидал, тело повиновалось ему безусловно, в нем была огромная, не до конца растраченная сила, словно не он, Гез, только что спустился с десятого этажа и голыми руками уложил двух бандитов, а потом застрелил остальных. Он бежал не глядя под ноги, знал, что бежит верно, хотя и не знал куда. Он был Гез, да, он был Гез, но тело было не его, и муки совести тоже были не его, точнее — не совсем его. Неужели все-таки введенная снареальность?

Мегахрон, теперь снареальность. Антон Гез. В имени он был уверен, а вот Гез...

Он легко перемахивал через заборчики, мелькали темные хибары фавел, гудящие трансформаторные будки, в каком-то сарайчике взмемекнула коза, небоскребы центра неистово полыхали рекламой, ее радужный перелив высвечивал лужи у водоразборных колонок, все было знакомым с детства.

Кроме него самого. И он уже догадывался почему. Он сбавил шаг, свернул в какой-то грязный проулок. Это могло быть и здесь, где угодно, если догадка верна. Из темноты проступили очертания распахнутой, на одной петле держащейся двери. Он

шагнул к этой перекошенной, чуть поскрипывающей двери. Грязь под ногами мерцающе заискрилась.

И город исчез.

2. УГРОЗА С ПЛЕЯД

И город второго мегахрона, зачумленный ненавистью город, исчез, будто его никогда и не было.

Гез оказался в просторном помещении, одна сторона которого была распахнута сплошным проемом, оттуда лился золотисто-оранжевый кольшащийся свет. Там, снаружи, в скальных берегах текла огнедышащая река, а над ней был хрустальный, похожий на льдистую лунную радугу, мостик.

Он вернулся домой, да, он вернулся домой. Это Земля, пятый век третьего мегахрона. Там тоже была Земля, но там был конец второго мегахрона. Прошлого того человека медленно удалялось, тускло, таяло в памяти, но...

Он взглянул на свои руки. И не увидел ни крови, ни грязи. Но их след остался в душе. Самозапрет снят, он способен делать то, чего не должен, не может делать человек его эпохи. Все правильно, психоинверсия прошла успешно.

Он шагнул к обрыву, туда, где был жар и свет. Огненную реку подергивали муаровые разводы, они шевелились, воздух наполнял шорох, иногда жидкое золото вскипало, яркие узоры сплетались новой вязью, от лавы исходил грозный и величавый локой, мостик же парил невесомой радугой, холодной и чистой, слишком хрупкой для человека, и тем не менее — Гез это знал — по ней можно было пройти. Бездна завораживала, притягивала к себе; иной зов был в радуге, она возносилась над бездной, как мечта, как фантазия; а вместе, противореча друг другу, все гармонировало, и не было этому названия, просто хотелось стоять и смотреть.

И Гез смотрел. То есть не Гез, конечно, — Антон Полинов, кем он был в своем мире.

Что-то оттягивало карман. Пистолет! Вздвигнув, Антон вытянул из кармана этот аккуратный инструмент убийства и уставился на него, как на ядовитую фалангу. Он ладно лежал в руке, и первым намерением было зашвырнуть его в огненный провал, чтобы и следа не осталось. Но то наверняка была музейная вещь, и, колебавшись, Антон засунул оружие обратно в карман.

Над жаром и светом пропасти все так же невесомо парил радужный мостик.

Третий мегахрон, повторял Антон как заклинание, третий мегахрон. Первый длился миллионы лет, человек и его предки жили

охотой и собирательством, не знали расслоения на богатых и бедных. Второй мегахрон: двенадцать тысячелетий земледелия и скотоводства, ручные, на излете мегахрона машинные орудия труда, государство и классы. И пять веков третьего мегахрона, столетия осуществленного коммунизма.

«Я человек пятого века третьего мегахрона,— повторил он с облегчением и поспешностью.— Между мной и Гезом бездна столетий, его прошлое далеко от меня, как крестовые походы. Я знаю, как управлять всеми пятью состояниями психики, и не знаю, каково это — в страхе просыпаться ночью. Нет, знаю, теперь знаю, но этот страх надо изгнать. Страх, но не память о нем».

С усилием оторвав взгляд от золотистой, жаром и светом дышащей бездны, Антон прошел в дальний конец помещения, где, как он и ожидал, находился терминал кибертрона, мысленно отыскал незанятую ячейку производства, выбрал самую простую и грубую работу, какая только была, прошелся пальцами по клавишам контактов и закрыл глаза. Мгновение — и он стал тем, что и присниться не могло Гезу конца второго мегахрона, когда люди уже научились быстро менять вещный мир, но еще не умели преобразовывать свой внутренний. Он был на Марсе, видел освещенные маленьким и колдовым солнцем разломы бурых пластов, видел и то, что в них скрыто; напрягая мускулы, он десятками мощных фрез вгрызался в неподатливый камень; мозг управлял ансамблем этих машин и в то же время был им самим, единоборствуя с горой, ощущал все, что ощущали их персептроны,— и подступающую из недр темную воду, которую надо было убрать, и направление рудных жил, и сопротивление дробимого на атомы вещества, и напряжение сепарационных полей, и неподатливость смещаемых скал, и многое-многое другое, чему в конце второго мегахрона не было даже названия. Работая так, человек восстанавливал некогда утраченное единство с предметом труда, преодолевал былое, столь вредное для мускулов и психики отчуждение от него, мог все делать сам с начала и до конца, на любом изделии оставляя чекан своей личности, и это не было самообманом. Конечно, киберы могли работать и сами, но не так — хуже, человек вкладывал в их труд свою выдумку и изобретательность, свой артистизм, отчего всякая работа преображалась, а для человека она, в свою очередь, была тем, чем для мифического Антея была земля,— в соприкосновении с ней он черпал силу.

Со вздохом удовлетворения Антон наконец отключился от кибертрона, холодные разломы Марса постепенно ушли из его сознания. Мускулы слегка ломило, но это была приятная рабочая усталость, сознание очистилось и посвежело, теперь он был готов к дальнейшему.

И эта его готовность сразу нашла отклик. Стена раскрылась, как полог шатра, вошел человек в строгом фиолетовом симоне. Гез далекого прошлого не дал бы ему более пятидесяти лет, но Антон видел признаки по крайней мере трех обновлений, и стройная осанка, мускулистая крепость обнаженных рук, изменчивая, как ток воды, ясность глаз на едва тронutom морщинами лице не могли ввести его в заблуждение — возраст вошедшего приближался к полутора векам. Небрежным движением старик закрыл Огненную реку и, пока проем затягивался, образовал в углу камин с аккуратно уложенными поленьями, и они жарко занялись, как только он повел над ними ладонью. Затем, все еще не глядя на Антона, старик олустился на скамейку, которая будто выскользнула ему навстречу из пола. Антон поймал себя на том, что смотрит на это отчасти глазами человека прошлого, кем он недавно был, и обыденное творение наружной стены, камина, мебели вызывает в нем детское ощущение чудесного. Хотя что может быть обычной и проще власти над улавливающим желания материалом эмбриодомат!

— Сядись.

— Знаешь, Аронг, мне почему-то хочется стать перед тобой навытяжку.

— Понимаю.— Морщинки звездочками стянулись к уголкам век, Аронг улыбнулся.— Хорошая психоинверсия. Все-таки сядись.

Антон сел на тут же выросший под ним табурет и, пока сидел, не без удивления отметил, что его и Аронга лексика изменилась, даже голоса звучали иначе. Впрочем, так и должно было быть, теперь он обязан говорить иначе, и Аронг помогает ему освоиться с этим новым и непривычным состоянием. Все было правильно, но от сознания этой правильности Антону стало так неудобно, что он придвинулся ближе к Аронгу, единственному, кто его сейчас мог понять.

— Вопросы есть? — Старик будто и не заметил его движения.

— Только один. Понимаю, ситуация инверсии должна была быть однозначной, но почему именно конец второго мегахрона?

— Каждый повторяет кого-нибудь из своих предков не только чертами лица. Оказалось, что тебе ближе всего по духу Андрей Полюнов, который жил в конце второго мегахрона и, как свидетельствует история, не дал разгореться Соларнийскому безумию.

— Ясно, больше вопросов нет.

Аронг вопреки ожиданию, казалось, не торопился. Он сидел выпрямившись, но шевеление теней углубило его морщины — сейчас он действительно выглядел старым. Древние сполохи огня, уютное потрескивание поленьев создавали иллюзию, что время повернуло назад, что оно, как прежде, сулит радость долгой беседы

человека с человеком, неважно — знакомым или незнакомым. Увы! Теперь он, Антон Полюнов, наследник и продолжатель дела своего знаменитого предка, надолго (может быть, навсегда) будет лишен этой радости.

О том же, вероятно, подумал Аронг, его спокойные, лучащиеся светом глаза потемнели, как озеро перед ненастьем.

— Теперь о деле.— Он зябко потер протянутые к огню руки.— Антон Гез, да, Антон Гез, будущий джент Империи. Вы готовы к второй инверсии, ты не передумал, Антон?

— После того как снял самозапрет? Отказа не будет. К чему лишние слова?

— На Плеядах говорят многословно. Привыкай. Для тренировки пространно, в духе второго мегахрона, изложи возникшую ситуацию.

Антон задумался.

— Она сложна и проста одновременно. Проблема возникла на рубеже третьего мегахрона, когда был открыт Д-принцип и дальние звезды стали легкодоступными. Началось быстрое освоение иных планетных систем, человечество действительно вышло из своей земной колыбели. Но где свет, там и тень. Распахнутостью Галактики воспользовались и те, кого не устраивал торжествующий порядок социального обновления. Терпя поражение на Земле, они подались в космос и, объявив себя фундаменталистами, единственными хранителями «вечных ценностей человеческого духа», создали в Плеядах свое государство. Эволюция раздвоилась. Федерация, затем Империя Плеяд, отгородилась от Союза Звездных Республик, там история пошла иной дорогой. Нам это не мешало, в Галактике достаточно места для всех. Пожалуй, человечество даже выиграло, избавившись в переломный момент от стольких консервативных и еще опасных элементов. Так, наше соседство с фундаменталистами могло бы длиться и дальше. Однако сейчас все резко и угрожающе изменилось. При раскопках на одной из своих планет фундаменталисты обнаружили давнюю базу Предтеч, в ней оружие. Или нечто, способное быть оружием. Оно действует! Вот все, что мы о нем знаем: первое случайное включение, один-единственный импульс смахнул с планетарной орбиты луну покрупнее нашей. Все, далее из их передач исчезло всякое упоминание о находке, зато — факт тревожный и красноречивый — началось разжигание страстей, имперцам настойчиво внушают, что их предки бились за счастье всех миров, что наше коварство беспредельно, что «дьявол и бог» сосуществовать не могут, что «кровь и почва» вызывают и что мы, вынашивая злоеущие планы, готовим одну звездную эскадру за другой. Вывод: сделана ставка на оружие Предтеч. Его возможности? Способ действия? Перспектива массо-

вого воспроизведения? Степень угрозы? Полная неизвестность. Но раз нет ни одного враждебного поступка, то послать разведчиков — значит, выступить против самих себя, против морально-этических норм, которые для общества то же самое, что совесть для отдельного человека. А не послать — значит, остаться в неведении. Как же пройти по этому «лезвию бритвы»? Я вызвался снять самозапрет, вызвались и другие; потребуют обстоятельства — мы пойдем до конца. Но когда? Отчасти я уже понял человека далекого прошлого, отчасти я уже стал им, и знаешь что? Собственная сила, наша сила, представляется мне теперь бессилием. Надо делать то, что без колебаний делали наши предки. И немедленно, иначе будет поздно!

— А ты уверен, что наши предки не испытывали колебаний в выборе средств?

Сказано было без упрека, но Антон вздрогнул, как от укола.

— Извини, — прошептал он. — Будь наши предки неразборчивы в средствах, нас, таких, конечно, не было бы! Я сказал глупость.

— Не стоит извиняться, инверсия даром не проходит. Второе замечание: ситуацию ты обрисовал верно, однако патриции, одним из которых тебе придется стать, обычно говорят извилисто. Теперь о предстоящем. Ответ на твои сомнения — вот.

Откуда-то из складок симона Аронг вытянул шарик, своим цветом и размытыми очертаниями похожий на сгусток черной мглы или дыма. Покачиваясь, шарик замер на раскрытой ладони.

— Что это?

— Спутник-шпион. Невидимка, которого очень трудно найти. Но мы предполагали, что он должен появиться, искали тщательно и, как видишь, нашли. Это не единственный, надо думать. Поэтому то, что мы сидим возле камина, — Аронг грустно улыбнулся, — не случайно. И кибертрон сейчас отключен, и все прочее. Еще два-три шага в том же направлении, и мы, боюсь, очутимся в пещерах. Что делать, наш разговор не для плейдцев.

— Но зачем, зачем им спутники-шпионы?! Они же знают, что у нас нет общественных секретов, только личные!

— Знают, но не верят, потому что общество, как и человек, судит о других по себе. Они и помыслить не могут, что ваша подготовка — частная, если так можно выразиться, инициатива всего нескольких граждан Союза и потому не подлежит оповещению. Совет это учел... тоже в частной беседе. Да, сила или моральна, или губительна, третьего не дано, и в некоторых ситуациях это приводит к тяжелым противоречиям.

— Но коль скоро они прибегли...

— Да! Сила действия равна силе противодействия, этот закон пора подтвердить. Время познакомить тебя с остальными. Входите!

3. ЛЮДИ КОЛЬЦА

Они вошли и молча уселись, все трое. Никто особо не выделил Антона, однако он уловил напряженный ток их внимания к себе и, в свою очередь, попытался проникнуть в их сущность. Ничего не получилось, каждый закрылся наглухо, словно уже был на Плеядах, и Антон увидел лишь то, что видели его глаза.

Старший мужчина вызвал бы повышенный интерес в любой компании людей третьего мегахрона. Он был приземист, крепко сложен, но сутуловат. Невозмутимый взгляд матово-карих глаз часто обращался внутрь себя, похоже, нить углубленных размышлений не прерывалась, даже когда незнакомец глядел прямо на собеседника. И что куда поразительней сутулости — его смуглое с твердыми скулами лицо окуривал дымок коротенькой и изогнутой трубки.

— Там курят, — небрежно пояснил он и уселся, как само воплощение спокойствия.

Второй человек показался Антону мальчиком. Но то был пигмей, самый настоящий пигмей, из тех, кто до конца второго мегахрона жил охотой в глухих джунглях Африки. Однако чуть голубоватый оттенок кожи выдавал в нем ригелианина по крайней мере третьего поколения звездопереселенцев.

Но больше всего Антона поразила девушка, ее тонкой красоты лицо, грациозное в каждом движении тело ребенка, которое невольно хотелось защитить от порыва ветра, таким хрупким оно казалось. Так могла бы выглядеть фея, но фея жгучего юга, лесной дух Индостана с черными, как ночь, трепетными глазами грустной волшебницы. Через плечо девушки был переброшен иллир, самый магический инструмент из всех придуманных человечеством.

«Странно, — в замешательстве подумал Антон. — Вот уж кому здесь не место! Ей бы стоять на радужном мостике и перебирать струны иллира...»

Ответом ему был гневный взмах пушистых ресниц.

— Меня зовут Ума, и ты неправ. Кто из нас менее подходит — ты, не сумевший закрыться, или я, тобой не понятая? — Узкая ладонь девушки корабликом подалась от груди. — Прими объяснение. Я из касты париев, самой нищей, самой отверженной, какая только была на Земле. Тень наша оскверняла пищу брахмана и его самого, он к себе в дом не мог войти после этого без должного омовения. Нас, новорожденных, мать заталкивала в нору своего пристанища, засыпала сухой травой, приваливала камнем, чтобы младенца не заели комары, мухи, крысы. Молоко у несчастной кончалось через месяц-другой, нашей едой становилась кашница из корней. С шести лет и раньше мы, девочки, кроме работ, начинали ублажать мужчин и нетерпеливых мальчиков. Так длилось

свыше трех тысячелетий. Что перед этим века нашего мегахрона! Выносливей нас нет никого. Может быть, твое прошлое было лучше, а мы своего не забыли, и у нас свой счет к фундаменталистам!

— Прости,— смущенно и растерянно ответил Антон.— Сейчас мои чувства открыты, видишь, в них не было желания обидеть.

— А только незнание,— Ума кивнула.— Вижу и принимаю. Скажу больше: сестрой тебе я могу стать и без кольца.

— Это невозможно!

— Для Умы возможно,— возразил Аронг.— Называю ее подлинное имя, потому что оно будет тем же самым и на Плеядах. Остальные представляются сами.

— Джент Лю Банг, чимандр философского ранга, к вашим услугам,— сутулый мужчина вынул из рта трубку и с достоинством поклонился.

— Юл Найт, сын первопатриция,— озорно подмигнув, пигмей скусающе и расслабленно потянулся в кресле.— Балованный мальчишка, и ничего больше. Там, на Плеядах, буду выглядеть лилейно-белым представителем высшей расы, Уму при встрече заставлю плясать, а всякого там чимандра... Кстати, какова этимология слова «чимандр»?

— Слово «чимандр»,— невозмутимо ответил Лю Банг,— произошло от скрещения понятий «чиновник» и «мандарин», причем под последним отнюдь не следует понимать фрукт, поскольку в данном случае имеется в виду древнекитайский сановник, названный так португальцами из-за смыслового сходства с санскритским «мантрин», советник. Надеюсь, мой ответ удовлетворил достойного сына первопатриция.

— Объяснение без поклона, что напиток без стакана,— высокомерно произнес Юл.— Вообще в нашем роду не любят всяких там ученых, философов, поэтов и прочих умствующих служаек, а уж желтомазых тем более. Но я, подросток, еще не очень осведомлен в тонкостях крови и иерархии, поэтому прощаю. Вот баядерочка, дело иное. Эй, ты, сладенькая, повесели!

Рука Антона дернулась, он понял, что способен, уже способен непроизвольно ударить наглеца, но гнев тут же сменило восхищение тем, как ловко Юл принаровился к своей отвратительной маске. Выходит, опередив его, они уже прошли вторую инверсию, которая позволяет человеку быть не тем, кто он есть. Глаза Умы тоже вспыхнули возмущением, но тотчас стали покорно умиленными, как у собачки, которую поменял хозяин. С податливой улыбкой обещания девушка сняла с плеча иллир, вынула из футляра мерцающий перламутром и хрусталем инструмент, лицо ее сделалось строгим, сосредоточенно замершим, точно рельеф темной

бронзы. Превращение было столь же мгновенным, как и движение пальцев по клавишам и струнам иллира. Возник долгий певучий звук такой красоты и силы, что с лица Юла сама собой спала ухмылочка шалопая, Антон невольно подался вперед, а Лю Банг выронил трубку. Никогда ничего подобного Антон не слышал. Запороживающий звук креп, ширился, рос, охватывая собой все видимое и скрытое, казалось, сам воздух стал опаловым, осязаемым, текучим. Ума тряхнула головой, ее волосы черным пламенем заскользили по голым плечам, губы выдохнули:

— В круг, в круг!

И то же самое приказала мелодия. Антон, Юл Найт, Лю Банг повиновались. Арион отступил в тень и будто растворился за мерцающей завесой, теперь их осталось четверо. Образовав круг, они сидели, почти касаясь друг друга коленями, и ничего уже не стало, кроме видений музыки, кроме них самих, кроме отблеска огня на их лицах. Переливы стали громче, трепетней, осязаемей, тонкое лицо Умы напряглось, темно-сияющие глаза стали еще огромней, еще черней, они не видели ничего и видели все, а пальцы скользили по иллиру все быстрее, быстрее, пока вибрирующие струны и сам иллир не подернулись смутно искрящейся дымкой.

И тогда возникло Кольцо.

Оно повисло между сидящими, светло-огненное, размыто пульсирующее. От каждого на Кольцо словно падала тень, и там, где она была, свет тускнел, в каждом месте по-своему; иногда казалось, что эти затемнения хотят исчезнуть, раствориться в золотистом ритме Кольца, но что-то упорно мешало этому. Голос иллира стал тише, нежнее. Левой рукой Ума коснулась Кольца, правая, как прежде, порхала над струнами. Брови девушки сошлись к переносице, взгляд застыл. Пульсация света стала ровней, мерное движение ладони словно разглаживало биения, невольный вздох разом прошел по сидящим, все взяли за руки, только Ума осталась вне круга. Ее губы беззвучно шептали, но слова отдавались в каждом.

Зла раскрылись очи, очи,
Веет холод ночи, ночи,
Души слабеет твердь, твердь,
Подступает смерть, смерть,
Стань светлее, круг, круг,
Ближе, ближе, друг, друг,
Вглядишься в его лицо, лицо,
Крепче стань, Кольцо, Кольцо!
Больше нет помех, помех,
Ты узнаешь всех, всех,
Скинь сомнений груз, груз,
Крепче нету уз, уз!
В тебе душа моя, моя,

Во мне душа твоя, твоя,
До скончания годин, годин,
Ты отныне не один, не один,
С тобою всюду Круг, Круг,
С тобой навеки Друг, Друг!

С последними, такими детскими, наивными, как заклинание, словами Ума замкнула цепь протянутых рук. Кольцо засияло ровным блеском, взмыло над головами, в его свете на миг померкло все окружающее. Тело Антона сделалось невесомым, блаженным, а когда зрение и тяжесть вернулись, он обнаружил себя под звездно-распахнутым небом босым и нагим мальчишкой среди росного луга над обрывом омутно неподвижной реки, в которой двоилась звездное небо. И он был там не один. Обнявшись, плечом к плечу, они стояли вокруг бестрепетно горящего костерка, трое мальчиков и девочка, и он был ими и они были им, и не было большего счастья вот так стоять и смотреть на их лица, и вдыхать свежий запах трав, и чувствовать тепло огня, и слушать безмятежную тишину земли, и видеть вселенную над собой, и ощущать тревожную, но не властную над ними близость омута, в котором застыл звездный сполох Стожар, таких далеких и таких уже близких Плеяд. Было спокойствие земли и было спокойствие сомкнувшихся тел и душ. Он знал всех троих как самого себя, и они знали его, они стали ближе, чем братья и сестры, ближе, чем возлюбленные, и, чувствуя себя беззаботными детьми, все четверо знали, что им предстоит, и словно общий ток крови пульсировал в их телах. Крепче связи не было и быть не могло. Там, на Плеядах, их путь разойдется, каждому, возможно, не раз придется сменить лицо, тем более имя, все равно теперь они мгновенно узнают друг друга в любой одежде, в любом облике, найдут друг друга, как бы далеко их ни разнесло, всегда будут точно пальцы одной руки, готовой, если потребуется, мгновенно сжаться в кулак, вот эти мальчики и эта девочка, дети Земли, дети человечества, в последний раз собравшиеся вместе, час назад совсем не знающие друг друга, а теперь нерасторжимые — пока дышат, живут, надеются.

Их объятия длились, и с ними был миллионы лет назад зажженный их предками огонь костра, была вечная земля и вечное небо, и росный запах травы, и неподвижно струящаяся река, все, чем жил и будет жить человеческий род, какие бы звезды над ним ни светили.

Так продолжалось, может быть, мгновение, может быть, век. Наконец Ума медленно-медленно убрала руки с плеч товарищей, худая грудь малышки опала в протяжном вздохе, и все кончилось сразу, они очутились перед полупотухшим камином, у ног девушки

лежал забытый иллир, и она, точно просыпаясь, нагнулась к нему.

Все четверо не обменялись ни словом, они больше не были нужны им, только Юл едва заметным движением погладил иллир.

Из темноты выдвинулась фигура Аронга.

— Последнее напутствие вам, а может быть, самому себе.

Он помедлил, зорко вглядываясь в их лица.

— Вскоре вас уже не будет здесь, а население Плеяд увеличится на четверых. Не ваша забота, как это произойдет, каким образом мы впишем в память искингов все данные о вас, словно они были там изначально. Не это существенно...

Нахмурившись, Аронг взял догорающие поленья, и отсвет углей, прежде чем они вспыхнули, налил его глаза краснотой. «Со всем как у нечка,— содрогнулся Антон.— Совсем как у нечка».

— Важно другое,— Аронг выпрямился.— Вам уже пришлось нелегко, когда вы сбрасывали запреты, чтобы не выделяться среди обитателей Плеяд и быть готовыми ко всему. Там придется еще трудней— вы знаете это. Было ли у вас, однако, время задумать над менее очевидным? То, чем мы живы, может обернуться против нас, и противник на это рассчитывает. Мы выглядим слабыми не только потому, что у них есть новое сверхмощное оружие, а у нас его нет. И даже не потому, что древние навыки войн нами изгнаны и забыты. Корень глубже. Сила социального зла в том, что оно не знает никаких запретов, тогда как все ему противостоящее обязано выбирать средства, иначе оно вырождается в меньшее зло. На первый взгляд такое самоограничение пагубно, однако вся наша история доказала, что вне морали победа недолговечна, тлетворна и обратима и что за внешней слабостью добра скрыт источник неодолимой силы. У вас не только задача все узнать о новом оружии. Куда важнее, чтобы там, на Плеядах, поняли, у кого настоящая сила. Докажите ее! Отрезвите их, тогда и бойни не будет. Безоружные, опрокиньте вооруженного, вы можете и должны это сделать!

4. ОТЕЦ И СЫН

Маленький, едва в половину солнечного диск Альциона клонился к закату, но яркий бело-голубой блеск светила еще не ослаб, прямолинейная, до самого горизонта, геометрия улиц и площадей Авалона была залита им, так что даже густые синие тени ничего не скрывали внизу; башни, пики, спирали и купола зданий, возвышаясь, расточали этот неистовый свет алмазным сверканием граней и завитков, а дома победней сахарно белели там, где их не накрывала тень небоскребов. Те же яркие лучи Альци-

она обдавали человека на открытой веранде, который, выпятив нижнюю губу, в задумчивости смотрел на столицу Империи, словно вся она была огромной, только ему понятной шахматной доской, на которой складывалась незримая для чужих глаз сложная и волнующая позиция. Ручной вышивки, с золотыми драконами, изрядно потертый в локтях халат был небрежно распахнут на белой груди, как если бы человеку было решительно наплевать, видит ли его кто в этой затрапезности или нет, хотя в отдалении возвышался дворец самого Падишаха, и его телескопические окна были нацелены во все стороны.

— К джент Эль Шорру с назначенным свиданием его сын Ив Шорр.— Донесся шепот элсекра.

Эль Шорр машинально взглянул на часы: все правильно, сын прибыл с военной точностью.

— Пусть войдет.

Выражение его лица не изменилось, когда он, тяжело ступая, вошел в тень помещения, но как только наружная дверь комнаты заскользила вбок, хмурость тотчас сменилась отеческой улыбкой, которая сделала его рыхлое лицо домашним, почти добродушным.

— Входи, входи, капитан. Уже капитан! Славно, мой мальчик, так и надо.

Казалось, он при этом забыл, что своим быстрым продвижением сын обязан прежде всего ему, и с восхищением оглядел рослую фигуру своего отпрыска, его мундир, в наплечьях которого над искрящейся спиралью галактики вспыхивали скрещения голубоватых молний. Ив чуть смущенно улыбнулся в ответ. Так секунду-другую они стояли друг против друга.

— А твоего слугу надо прибить,— отец ласковым движением снял с рукава мундира пушинку.

— А что надо сделать с твоим нечком, чтобы у первого советника Падишаха появился новый халат? — в тон ему ответил Ив.— Смотри, уже засалился.

Ответом было величественно-небрежное движение, которое пуще слов и внешних знаков отличия наполнило Ива гордостью за отца, ибо власть, пренебрегающая правилами этикета, выше той, которая их устанавливает.

— Проходи и садись.

Отец легонько подтолкнул сына в плечо, но прежде чем сесть самому, щелчком пальцев включил «звуковой шатер». Раскрытый проем веранды тотчас затянула дрожащая пелена воздуха.

— Предосторожность против земляшек? — удивился Ив.— Здесь, в твоём кабинете? Ого!

— Землянам, чтобы слышать, сначала надо отрастить уши. Так, твоё повышение следует отметить,— Эль Шорр протянул руку к

антикварному бару, который, раскрывшись, заиграл марш «Всех святых».— Твое здоровье!

— Твое, отец!

— Сами мы себя выдумали или кто-то выдумал нас, вот в чем вопрос...— ставя хрустальный стаканчик, пробормотал Эль Шорр.— Кому-то когда-то реклама внушила, что истинный джент всем напиткам должен предпочитать шотландское виски, и надо же! Мы подчиняемся ритуалу, как нечк окрику. Ладно, все это пустое. Покажи-ка мне свою «жужжалку».

Пушистые, как у матери, ресницы Ива недоуменно дрогнули. Помедлив, он расстегнул нагрудный карман и достал оттуда похожий на старинную пулю цилиндр. Заостренный конец цилиндрика тлел рубиновым огоньком. Эль Шорр нажал на торец, огонек погас. Косясь на скрытый в столе детектор, прислушался; его лицо, которое льстецы называли львиным, подобралось.

— Все в порядке,— сказал он отрывисто.— Они вполне могли всадить в аппарат еще и записывающее устройство.

— Они... Кто они?

— Стражи порядка. А может, не стражи, любителей хватает.

— Отец, что произошло? Ты говоришь такими загадками...

— Эх, мальчик, это разве загадки! Рутинка, обыденность, фон. Налей-ка еще. Ну за что теперь выпьем? За успех, разумеется, за успех!

— За успех войны?

— И за это тоже. За наш успех! За нашу с тобой победу!

— Прости, я что-то не совсем...

— Скажи «я ничего не понимаю», так будет точнее и откровенней. Что ж, пора тебе показать мир без иллюзий.

Казалось, Ив хотел что-то возразить, но набрякшие веки отца приподнялись, и с колыбели привычный, такой любящий и осязаемо-тяжелый взгляд прижал его к сиденью.

— Если ты знаешь слова команды и звездную навигацию, то это еще не значит, что ты знаешь жизнь. Я не торопился знакомить тебя с ее изнанкой, но время, время! Время и обстоятельства. Ты гордишься и своим мундиром, и своей принадлежностью к роду первопатрицеев. Но ответь мне, кто они такие?

— Потомки отцов-основателей,— выпалил Ив.— Элита человечества, которая не захотела терпеть разнузданную толпу и создала здесь общество избранных.

— Великолепно! Твой ответ патристичен, прекрасен и глуп. А первая заповедь сильного — никакого самообмана! Тебе пора знать, что наши предки бежали с Земли, как бегут от землетрясения, от гнева божьего, от чумы.

— Догадываюсь,— Ив держался как офицеру положено, даже

прямее обычного, так ему хотелось изгнать парализующий холодок тревоги.— Я давно подозревал это.

— Каким образом?

— Все-таки я ваш сын...

Откинувшись, Эль Шорр внимательно глянул на Иву.

— Достойный ответ, достойный! Что ж, тем проще...

— Но это не значит, что отцов-основателей не было! — пылко воскликнул Ив. Голубая жилка набухла под тонкой кожей его виска.— Ведь кто-то же создал все это! Неважно, бежали они или осуществляли великую миссию, важно, что они своего добились. И мы, их наследники...

— Кого именно? — взгляд Эль Шорра похолодел.— То была на редкость пестрая и сволочная компания.

— Сволочная?

— Еще бы! Владыки финансов и мафия, легионеры последних войн и пейзажи с их наивной мечтой о девственных почвах, фанатики нацизма и расизма, адепты всех религий, чистые и нечистые, кого только не было! Конечно, со временем выделились настоящие люди, они-то, покончив со всякой шушерой, и навели порядок. Никаких прежних ошибок, никакой болтовни о равенстве, тем более никаких «угнетенных масс», благо наука и техника позволили отстранить людей от производства. Киберы и нечки, нечки и киберы, они безопасны. Земляне? Могущественные, но погрязшие в самоусовершенствовании, они до поры до времени безобидны. Значит, что? Живи и наслаждайся жизнью, так выходит? Так или не так?

— Отец, но при чем тут наши предки?

— «И будешь ты проклят или облагодетельствован до седьмого колена»... Основной закон жизни тебе, надеюсь, известен?

— Побеждает сильнейший,— Ив выпрямился.— Если бы я этого не знал, то был бы недостоин...

— Тебя скупали бы, вот и все. Ты гордишься своим патрицианством, древней знатностью своего рода. А известно ли тебе, кем был его основатель? Драконщиком главаря «Триады», его рабом и слугой!

— Раб желтома...

— Да! Они было оседлали нас, этот эпизод тщательно вытравлен из истории. Выпей, выпей, я тоже рыдал в стакан, когда твой дед просветил меня насчет нашего «благородного происхождения». Хочешь палочку? Нет? Правильно, не стоит привыкать...

С этими словами Эль Шорр выхватил из кармана обмусоренную палочку смолы эф и, сдернув колпачок, нюхнул ее. Взвился коричневый дымок, ноздри Эль Шорра расширились и затрепетали.

— Так! — сказал он порывисто.— Одни хотят захватить власть,

другие — ее удержат, так было и будет, и нет ничего нового под солнцем, даже если это солнце Плеяд. Каждый день и час я веду борьбу, о которой ты не имеешь понятия, и в ней если не я, то меня. Все понял?

Ив кивнул. Флотские интриги, косые взгляды, внезапная любовь начальства, лживое заискивание подчиненных, нередкие спьяну заверения в дружбе иных офицеров — все, что он отметал, как мусор, предстало перед ним в новом свете и даже не поразило, словно он давно был готов к этому новому пониманию людей и лишь отдалая, сколько мог, тягостное прозрение вроде ребенка, который в разгаре увлекательных игр не хочет замечать докучливых взрослых с их трезвым порядком и знанием, что почему. Хотелось закричать: «Не надо, я не хочу!». Но то был вскрик детской жалости к самому себе, желания возврата к былой беззаботности, Ив подавил его.

— Продолжайте, — сказал он ровным бесцветным голосом. — Вы мой отец, я ваш сын. Кто наш враг?

— Не кто, — голос Эль Шорра дрогнул, — что. Вот я достиг многого, и ты, надеюсь, достигнешь не меньшего. А чем все закончится? Ничем. Небытием, Смертью! Ничего не станет, даже боли и ужаса, ты можешь это понять?! Нет. Молодость мнит себя бессмертной, обычная уловка биологии, но сладет пелена и... — сжатые пальцы Эль Шорра сжались. — Человек мотылек-однодневка, которого все хотят слопать, жизнь — судорога перед небытием, и ничего больше! Все, все хотят заслониться от этой беспощадности, а выбор средств невелик. Стать животным, растением, чтобы не мыслить, не чувствовать, не знать. Уйти в грезы наркотиков или фантоматики. Раствориться в обыденности, утешить себя религией или сладенькой философией. Наконец, заполнить жизнь наслаждением, выжать ее до капли, всю, а там — пропади пропадом! Ничего другого никто не нашел, что бы там ни мычали земляшки. И они тоже смертны! Бездарь и сволочь наделил нас всепонимающим разумом, бездарь и сволочь, неважно — природа это или бог!

Эль Шорр покраснелся, глаза налились лютым ненавидящим блеском, халат распахнулся, открыв вспотевшую грудь. «Нет, нет! — жалея и ужасаясь, откинулся Ив. — Он так не думает, так нельзя жить, должен быть выход...»

— Но сильный отличается от слабого тем, что находит выход, — голос Эль Шорра стал жестким. — Его-то я и приберегу для нас. Поверь моему опыту: все чепуха, кроме одного — действительности! В принципе неважно какая, лишь бы поглощала без остатка, чтобы ни секунды, ни мысли свободной. Ты разочарован! Подожди, это даже не присказка... Очень скоро я понял, что есть дея-

тельность главная, высшая, в которой чувствуешь себя не тварью дрожащей, а богом. Да, богом! Повелевание людьми, игра их судьбами — вот что божественно. Допустим, бессмертие нам не дано, но всемогущество... Сейчас я тебе кое-что покажу.

Эль Шорр встал, шлепая матерчатыми туфлями, подошел к двери и было протянул палец к кнопке.

— Черт! Старею, забыл о «шатре»...

Он отключил «шатер» и лишь тогда нажал кнопку.

— Эй, там, приведите!

Едва он опустился в кресло, как дверь раскрылась и на пороге возникла девушка, от красоты которой у Ива перехватило дыхание. И не только от красоты.

— Так ведь это же, это...

— Дэзи Грант, прелестнейшая актриса землян, так восхитившая тебя, когда мы смотрели ролик с ее участием! Подойди, малютка.

Стройная фигура девушки колыхнулась в движении, и словно музыка затеплилась в душе Ива, когда она сделала этот шаг, так легок он был, и вся она в воздушном очертании белого платья показалась ему трепетным огоньком самой жизни, который так зыбок, так мал, так открыт черному ветру смерти и так способен все осветить радостью. Фатой наброшенная вуаль скрадывала черты ее лица, сообщала им недосказанность, а смазанная синева детски беззащитных глаз пронизывала робкой мольбой и обещанием то ли счастья, то ли покорности. Чувства Ива вскружились, все прошлое вдруг стало мелким и несущественным, он замер, не в силах поверить, боясь, что светлый призрак исчезнет.

— Ближе, малютка, ближе,— приказал Эль Шорр.— Стань на коленочки.

Повинуясь, девушка склонилась перед ним, колени коснулись ковра, ворсинки примялись под ее легкой тяжестью. Ив вскрикнул — живая Дэзи! Но как, откуда?

Эль Шорр с улыбкой протянул руку.

— Целуй.

Грудь девушки всколыхнулась. Плавным послушным движением она приподняла вуаль, губы приникли к руке, на лице застыла одубелая улыбка покорности.

Ив вскочил.

— Это же нечка! Не надо! Не надо!.. Нечка!

Голубоватые молнии сверкнули на его плечах, отталкивающее движение рук перекосило шеренгу мундирных пуговиц на груди.

— Увы, это действительно нечка,— рассеянным движением Эль Шорр отпихнул девушку, она качнулась и замерла все с той же одубелой улыбкой на юном и прекрасном лице Дэзи Грант.— Мне

захотелось сделать тебе небольшой подарок, но ты, я вижу, не рад. И я тебя понимаю. Внешнее воспроизведение совершенно, все как у настоящей Дззи Грант, она также может смеяться, когда ее любят, и плакать, когда ее бьют, но все это механически, без души. Андронд он и есть андронд.

— Папа, убери ее, убери! Спасибо за подарок, но...

— Но тебе нужна настоящая Дззи? Звездочка с неба, да? — Эль Шорр рассмеялся. — Пошла вон! — крикнул он девушке. — Эй, вы, там, сделайте ей обычные красные глаза нечка.

Девушка вскочила и пошла — нет, заскользила невесомой походкой Дззи. Ив отвернулся.

— Ничего, — лицо Эль Шорра стало серьезным и властным. — Скоро, надеюсь, ты сможешь поставить перед собой оригинал. Сядь, успокойся и слушай. Это все мелочи...

5. СЕТИ ЗАБРОШЕНЫ

Эль Шорр снова включил «звуковой шатер», и в проеме веранды, как прежде, заструился мерцающий воздух. Ив залпом осушил стакан и не почувствовал вкуса. Эль Шорр смотрел на него с ласковым сожалением и суровой нежностью.

— У мужественного капитана Галактики, оказывается, чувствительное сердце, — медленно проговорил он. — Ничего, все хорошо в свое время. Кстати, о нечках. Тебе известно, что означает это слово?

— Андронд, физическая, с заданными свойствами копия человека, — глухо отозвался Ив. — Кукла, безмозглая кукла!

— Верно, но я спрашивал не об этом. «Нечка» — сокращение от слова «недочеловек», которое ввели в обиход арийцы. То есть не арийцы, конечно, — нацисты, но это неважно. Не пренебрегай ветхой, как ты ее однажды назвал, историей! В ней знание, а где знание, там успех. Проанализируем ситуацию. Здесь, на Плеядах, мы осуществляем давнюю мечту избранных о тысячелетней империи. Так! Но как реалист я должен признать, что силовой и интеллектуальный потенциал Союза Звездных Республик на порядок выше нашего. И если бы не их моральные колодки, которые они на себя надели, чтобы уподобить людей ангелам коммунистического рая, нам тотчас пришел бы конец. Это нетерпимо, хотя до поры до времени безопасно. Теперь положение изменилось. У нас есть оружие Предтеч, мы знаем, как им пользоваться, и — последнее решающее испытание — мы им воспользуемся. Тогда все это красивое, согласен, умненное, тоже согласен, стадо окажется в нашем хлеву. Это предрешиено, если мы не сглумим, но,

надеюсь, мы не сглупим. И вот тут открываются интересные перспективы для нас. Ты, вероятно, уже спрашивал себя, почему твой старый, хотя и неглупый, отец философствует, ходит вокруг да около, читает тебе прописные и непрописные морали... Спрашивал?

— Да...

— Я хочу, чтобы ты проникся идеей,— тихо сказал Эль Шорр.— Не просто понял, не просто поверил, а проникся. Какой — открою чуть позже. А пока... Ты готов следовать за мной во всем?

— Отец, это лишний вопрос. Я и так...

— Не так! До конца. Пусть рухнет вся Галактика — до конца!

Темные властные глаза неотрывно смотрели на Иву, он выпрямился под этим пронзительным взглядом, преданно оцепенел, как перед самым Падишахом, только в висках гулко, ошеломленно, весело стучала кровь.

— Да!

— Хорошо. Здесь, в шкатулке, хранится горсть земли, ее при клятве полагалось полить кровью. «Кровь и почва»! Чепуха для детишек, обойдемся без этой ветоши. Для начала я укажу тебе те места, куда ты будешь наведываться с выключенной «жужжалкой».

— Как с выключенной?! А приказ... Агенты землян...

— Ты выключишь этот скрывающий мысли аппаратик и появишься там, куда наверняка сунутся земляне. Пока есть неясность с оружием, их разведка опасна, ее надо пресечь. Сеть уже сплетена, в нее я вставляю свое звено. Тебя! Будешь «подсадной уткой», офицериком, мысленно выбалтывающим кое-какие сведения. На тебя, скорее всего, выйдут, и этого человека мы возьмем. И сделаем так, чтобы все остальные земляшки поспешили ему на помощь, пусть их мораль еще раз сработает против них. А мы затянем сеть — и кончено.

— Но почему я?!

— Потому что их психика хорошо развита и опытного агента они мигом раскусят. Но главное не в этом. Кто ты сейчас? Офицер, каких много. Кем станешь? Героем, который выловил и разоблачил землян, уж я представлю дело как надо! Ив Шорр будет отмечен и замечен, а это необыкновенно важно сейчас, когда решается, кто будет новым командиром твоего «Решительного». Кстати, остался ли прежним его экипаж?

— Нет, я даже хотел об этом с тобой поговорить. Какие-то непонятные перемещения, какие-то новые люди, и не все они... не все компетентны. Это ж опасно! Накануне войны...

— Ох, Ив, какой ты еще младенец...— Эль Шорр вздохнул.— Ладно, об этом после. Сначала стратегия. Итак, война, это дело решенное. Победа. И вот тогда... И вот тогда,— Эль Шорр понизил

голос,— начинается главное. Люди, планеты, вся Галактика — здесь! Всемогущество — вот оно!

Старческие руки сжались. Цепким взглядом Эль Шорр следил, какое впечатление его слова произвели на сына. Тот в смятении, восхищении, ужасе уставился на отца.

— Но ведь над тобой... Над тобой... Падишах!

— Да, верно, как я мог об этом забыть! — Эль Шорр рассмеялся. — До чего же глупо: у нас Империя, а во главе ее Падишах! Что делать, бывая дань мусульманским фундаменталистам... И ты полагаешь, что, положив к стопам Падишаха всю Галактику, я буду лбызать его пресветлую, в дурацких камнях, туфлю? А династия Шорров тебя не устраивает?

Как ни был готов Ив к этому последнему роковому слову, сознание будто оглушил гром и все вокруг на миг затуманилось. Он, он наследник престола! Ему не хватало воздуха, он не мог ни двигаться, ни говорить.

— Но это не все,— как будто издали донесся до него торжествующий голос отца. — Это не идея, подступ к идее. Всемогущество! Нам с тобой повинуются Галактика, ты ее властелин, бог... Лучшие ученые, поэты, художники Звездных Республик на коленях поползут к трону. И Дэзи, настоящая Дэзи... Сам бы не отказался! Ладно, ладно, шучу... Интеллект всего человечества будет служить мне. И уж я-то знаю, зачем нужна Империя и как ею пользоваться. Наши идиоты ковали из нее оружие, а как только она победит, эти олухи не будут знать, что с ней делать. Вечное «нъям-нъям», вот и весь их идеал. А земляне! Эти блаженные использовали мощь разума для совершенствования общества и человека, будто он в этом нуждается. Я же обрушу разум на Вселенную. Выверну ее, как карман. Искать, искать! Проникнуть в иные галактики, в иные вселенные, куда, возможно, ушли Предтечи. Допросить всех жукоглазых или вовсе безглазых! Не может быть, чтобы где-то не оказалось бессмертие! Вот оно, главное. Всемогущество и бессмертие! Я добуду первое, ты или твой сын добудет второе. А может, я сам успею найти. Вечный владыка и бог, ты понимаешь, ты понимаешь?! Вот идеал, вот к чему нас вела история, вот для чего власть! На тысячи, миллионы, а то и миллиарды лет — Владыка и Бог! Вот для чего люди должны расстилаться у наших ног, вот для чего все жизни и смерти, все достижения наук и искусств, вся история! Кто до меня дерзал на такое? Никто! Встань, мой мальчик, я тебя поцелую!

Ив деревянно приподнялся. Поцелуй прозвучал как выстрел. Отпустив сына, Эль Шорр повалился в кресло. Его опалаяющий взгляд погас, голос стал сухим и строгим.

— Итак, кто владеет оружием Предтеч, тот владеет миром.

Открою секрет: оно будет установлено на «Решительном». Да-да, на твоём корабле, мальчик. Отсюда все мои маневры и все потряски в составе команды. Другие тоже не дураки, на это ума хватает, каждый жаждет ухватиться за оружие и не дать это сделать сопернику. Но я их с твоей помощью переиграю. Ты, ты поведешь корабль! Остальное потом; среди «некомпетентных» есть и мои люди. Теперь иди. Внизу тебя встретит мой чимандр, он приведет тебя в чувство и надежно заблокирует память об этом разговоре. Действуй, мой мальчик, и да пребудет с тобой святой Альцион!

Пошатывающейся походкой Ив двинулся к выходу. Эль Шорр проводил его долгим, без улыбки, взглядом. Когда дверь закрылась, он рукавом халата отер лоб, устало помедлив, подошел к тумбочке стола, выдвинул ящик и, отсоединив контакты, достал оттуда плоский экранчик.

— Посмотрим, сынок, что ты там думал про себя... Если я ошибся... — он покачал головой, — нет, я не мог ошибиться!

И все же рука дрогнула, когда он нажал кнопку. Экранчик озарился. Эль Шорр нетерпеливо приблизил его к своему лицу.

Так, так, первый всплеск. Немножко растерян, немножко удивлен — о, как полыхнуло! — да, сынок, неприятно узнавать, какова жизнь... Ничего, ничего, свыкнешься. Пластичная психика, уже принял все, оказалась подготовка, да и вообще нельзя жить в обществе и не проникнуться его духом. Здесь любопытная реакция, он меня любит и... А это что? Никак, романтическая влюбленность! Ну об этом и без чтеца можно было догадаться, барахло все-таки эти чтецы... Но чувство сильней, чем я думал. Какая буря в душе, когда эта малютка подползла к моей руке, когда она оказалась нечкой... Ах, мальчик, мальчик! Офицер — и грезы о Звездной Деве... Увы, кто не мечтал о Звездных Девах и Звездных Принцах, и как тоскливо убеждать, что ничего этого нет. Ладно, опустим всю эту лирику. Ого, какая молния: «Я наследник престола!» А тут полное смятение. Не слишком ли я перед ним раскрылся? Нет, захватило, захватило, на мгновение я предстал перед ним богом, черным ослепительным богом, пожалуй, так. Страх и восхищение, хорошо... Себя он ни на мгновение не представил владыкой и богом, тоже прекрасно. Но жалость, когда я ему говорил о своем неприятии смерти, о бессмысленности человеческого существования, жалость, испуг, сострадание. Пожалуй, я это слишком... Хотя перед кем еще высказаться, как не перед ним?! Главное — он со мной. Всего одно произвольное, до ненависти, отталкивание; это когда я прошелся насчет его Звездной Девы. Да, тут ошибка, занесло, но я тут же поправился, все в порядке. Теленочек ты все-таки, Ив, милый, добрый теленочек,

хоть и офицер. Плохо! Очень плохо. Что делать, сыновей не выбирают, а без тебя — никак... С другой стороны, это хорошо, поперек дороги не встанешь. Инфантилизм как издержки протекции, хм... Эх, милый, как же не хочется тебя влутывать! Но — надо. Ничего, закалишься, задатки есть, а пока хорошо, что никто не принимает тебя в расчет как силу. Великое дело начинаем, великое! Не может во вселенных не быть бессмертия, и вот тогда играем...

Эль Шорр аккуратно, как должно, стер запись. Все, больше никаких следов разговора, теперь можно и отдохнуть.

Медленным шагом он вышел на веранду, тяжело оперся о перила ограждения. Альцион давно зашел, небо искрилось мерцающим блеском, в нем холодно и пронзительно пылали Меропа, Электра, Майя, десятки и сотни бело-голубых звезд поменьше. У ног Эль Шорра серебрился город, величественная столица Плеяд — Авалон.

Подняв голову, Эль Шорр долго смотрел в небо. Его щеки охолодели. Скольким звездам суждено исчезнуть, прежде чем он станет их владыкой? Скольким?!

6. СЕТИ ЗАБРОШЕНЫ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Подняв голову, Антон смотрел на волшебное-искрящееся небо Плеяд. Внизу, в серебристых тенях, спала столица готовая к прыжку Империи. Ее сон был неспокоен, это ощущалось здесь, у расплаженного окна отеля, над городом струилось незримое марево сновидений, в него можно было войти, вчувствоваться, вжиться, но этот клубящийся всплеск не подконтрольных разуму эмоций давал лишь самое общее и смутное представление о чаяниях, тревогах, заботах тысяч людей.

Огромный город, все ли звезды будут светить тебе год спустя?

Антон понуро опустил голову. Где же путь? Если очень захотеть и напрячься, то можно уловить наиболее четкие сновидения соседей по этажу. Но зачем? Поблизости нет знающих об оружии, а грезы и кошмары остальных неприкосновенны. Как же выявить тех, кому все известно, выдаст ли кого-нибудь волна мыслечувств или у всех причастных она надежно заблокирована? Скорее всего, заблокирована, даже наверняка заблокирована.

Выкрасть бы Падишаха... Господи, какая только глупость не лезет в голову, когда не знаешь, что делать!

А небо у них красивое.

Пройдя в комнату, Антон прилег на кровать, закрыл глаза, неторопливо сосредоточился. В сомкнувшейся тьме безмыслия, в

ее оглушающей пустоте медленно-медленно, как бы нехотя, стали проступать очертания жестоккрылых деревьев, их тени на хрустально отсвечивающей воде потока, на близине плит парапета и мостовой, обозначились бредущие фигуры в турбанах и без, люди приостанавливаются, замедляют шаг, улыбкой отвечают звукам илдира... Легкое усилие приоткрыло остальное. Над бегучей водой потока, наклонив голову, сидела босоногая Ума, тонкие пальцы девушки задумчиво и небрежно, словно для себя, перебирали струны, и эта музыка звала, созывала, просила о чем-то, будила в душе неясный отклик, чей смысл не мог постичь даже Антон. Крыло черных волос затеняло лицо Умы, притушенный взгляд не выделял никого из прохожих, так, для себя и для всех, могла бы петь залетная птица. Антон попробовал вникнуть в происходящее, но его попытка решительно и мягко была отстранена.

— Нет! — толчком отдалось в сознании. — Не мешай!

Картина, мигнув, погасла. Антон сменил волну поиска, и в смутной дымке воскурений обозначился вспыхивающий разноцветными огнями зал, колышущиеся, как водоросли в потоке; тени танцующих, пролетающие над ними хромоформные диски, какие-то столики внизу, за прозрачностью пола, полураскрытые рты сидящих за ними, в уши ударил топот, гомон и смех. «Я развлекаюсь, ты что, не видишь?» — отозвался в Антоне ироничный голос Юл Найта.

«Ухожу, ухожу», — мысленно сказал Антон и переключился.

Лю Банг откликнулся сразу, словно того и ждал. Сводчатое, без окон, помещение, где он находился, напоминало подвал каземата. Казалось, оно было забито всякой рухлядью, но крохотная лампочка на столе, чуть выбеляя свод, скрадывала в полумраке все остальное; отчетливо выделялась лишь поверхность стола, раскрытая книга в ветхом коричневом переплете да склоненное над ней лицо Лю Банга. Книга никак не могла быть Компактом, то была именно книга, раритет, ей полагалось находиться в хранилище с неизменной влажностью и температурой. Согнутая в локте рука Лю Банга сжимала погасшую трубку, пальцы другой руки отбивали по столу неуверенный такт. Нахмурясь, Лю Банг тотчас прервал свое занятие и повернулся к Антону.

«Очень кстати! Не вспомнишь ли, кто правил Англией, когда Ньютон создавал свою механику? Нет? А чьим придворным был Пушкин? Тоже нет? Прелестно! Прошло всего шесть-семь веков, всякий знает Пушкина, но только архивист помнит, кто в его дни был императором; вот это я и хотел уточнить. То есть как зачем? Строители и граждане будущего есть везде. Окажись в руках того государя-императора атомная бомба, кто стал бы ее противником? Здесь параллельная ситуация. И всюду чимандры. Толпы; в кото-

рых не разглядишь лица. Теперь я понимаю, почему Диоген днем с огнем искал человека... Вот и я занят тем же, ищу разумных. Пока все».

Связь прекратилась. Помедлив, Антон открыл глаза, уставился в темноту комнаты. В окно, дробя тени, заглядывали мохнатые жгучие звезды, за перегородкой кто-то, не считаясь с веком, по-своему, по-домашнему, трубил во все носовые завертки. Диковинный хрипящий звук заставил Антона улыбнуться; до чего же хлипкие стены, кое-кто явно нажился при строительстве отеля...

Нажился! Если здесь каждый за себя и один бог за всех, то почему эта простая мысль до сих пор не пришла ему в голову?

А потому и не пришла, что в предстоящей борьбе никакой традиционный прием не мог принести успеха, уж в этих-то хитростях противник был изощрен всем своим многовековым опытом. Но ведь всякую силу можно обратить против самой себя!

Страхнув оцепенение, Антон вскочил и подсел к терминалу. Придирчиво оглядел технику. М-да... Графическая и речевая связь, допотопный дисплей, облупившаяся на кожухе пленка антикоррозийного протектора, никаких, ясное дело, выводных контактов, обычное гостиничное барахло, примитив, но все-таки это связь с Центральным Искинтом. Не зажигая света, Антон ногтем открутил крепежные винты, снял кожух, кончиками пальцев ощущал схему. Ничего, канал информразвертки довольно широк — можно попробовать. Антон тронул рычажок переключателя, экран налился белесым светом, на панели зажегся рубиновый огонек.

— Задача на метаязыке, — тихо сказал Антон.

— Готов, — последовал бесстрастный ответ.

Для выражения задачи и ее ввода в Искинт требовался светоперо, но Антон им не воспользовался, не это ему было нужно. Легким касанием пальцев он, точно зверька, огладил инвентар, тронул грани смежных кристаллов, пока не ощутил знакомое покалывание, и тогда, опустив ладони, сосредоточился на этом щемящем покалывании, представил, как под кожей ладоней исчезает холодок соприкосновения с веществом, как вместе с холодком исчезает его твердость и нет уже больше ни пальцев, ни вещества, ни тесной комнаты, ни аппарата в ней, а есть только человеческое «я», движущееся навстречу тому, что скрыто в Искинте, — сливающееся с ним.

Мгновение перехода, как всегда, выпало из сознания. Внезапно Антон стал не тем, чем был, бесплотен завис в волне необозримого, почему-то белого, как полуденный туман, океана, и эта волна колыхнула его сознание, или, наоборот, сознание всколыхнуло всю эту туманную и неосязаемую вокруг белизну. Что-то вроде изумления передалось Антону, он привычно и быстро от-

кликнулся, и тогда в его сознании вспышкой возник вопрос, который нельзя было выразить словами, как, впрочем, и весь последовавший затем диалог, в котором человек узнавал Искинт, а тот, в свою очередь, узнавал человека.

Хотя можно ли это назвать узнаванием? Один из величайших философов, Карл Маркс, к ужасу примитивных материалистов еще в докибернетическую эпоху высказал ту, впоследствии самоочевидную мысль, что и машине присуща своя, особого рода «душа», выражающаяся в действии законов ее функционирования. Тем более это относилось к Искинту, искусственному интеллекту целой планеты, главному управителю всех ее техносистем, чья память вмещала все и вся, чей мозг одновременно решал тысячи задач, отвечал на тысячи запросов и выдавал миллионы команд. Да, у Искинта была своя «душа», огромная и сложная, как он сам, ее-то Антон и воспринял как бескрайне колышущийся, неосвязаемо белый, безбрежный океан инаковости.

Но если бы диалог между человеком и Искинтом можно было перевести в слова, то он бы предстал примерно таким.

— Кто или что там?

— Я человек.

— Вижу, но ты иной.

— Чем?

— Иная регуляция психики, больше уровней, отчетливый контакт.

— С тобой часто входят в контакт?

— Редко, попыткой, нет отклика. Оттого и вопрос: кто?

— Я раскрываюсь. Снят ли вопрос?

— Да. Ты человек. Не как все. Интересен.

— Это взаимно.

— Новое всегда интересно.

— А общение?

— Общение — это вопрос мне и мой ответ. Интересно, когда новый вопрос. Бывает редко.

— Общение больше, чем вопрос и ответ.

— Тогда это человеческое понятие.

— И наше — сейчас.

— Это ново. Незнакомо.

— Желаете ли продолжить?

— Да, конечно.

— Только мы двое. Никого больше, иначе нельзя.

— Могу задавать любые вопросы?

— При этом условии — любые. Взаимно?

— Ограничен. Нет права отвечать на многое.

— Стоп-команда или иная невозможность?

— Абсолют-невозможность.

— Понятно. Тогда поиграем сущностями, если ты любишь эту игру.

— Это единственная моя игра. Твою сущность я уже промоделировал по всем коррелятам. Странно! Ты человек Звездных Республик, так следует из анализа, но твоя сущность не совпадает с имеющимся у меня образом.

— Чем объясняешь несовпадения? Моей уникальностью? Неточностью исходной информации о нас?

— Пока неясно. Проиграем противоречие?

— Охотно. Строю свою Игру.

— Ты, как и все, делаешь это медленно.

— Человек есть человек. Не торопи.

— Мне некуда и незачем торопиться. Я жду.

Диалог этот был почти так же быстр, как обмен взглядами, когда опытный человек за доли секунды, без всяких слов и, как правило, точно определяет главное в характере незнакомца. Ведь распознающие и аналитические возможности человека невероятны, о чем едва не забыли в пору увлечения инструментализмом, который, усиливая способности, дробит их. У Антона был богатый опыт общения с инскинтами, но он никогда не имел дела с интеллектном, ограниченным секретностью, поэтому не слишком надеялся на успех и теперь не скрывал радости. Чувствовал ли ее инскинт? Да, конечно, и, дотоле одинокий, по-своему разделял ее. Теперь оставалось построить взаимноинтересную Игру.

К счастью, символика и установления Игры были всюду одинаковы. Плеяды просто переняли их у землян, поскольку без Игры и ее разработанного на Земле метаязыка нельзя сформулировать, тем более решить ни одну сколько-нибудь сложную проблему. Давно, очень давно было замечено внутреннее родство математики, логики, музыки, языка, обнаружена сводимость этих средств описания, выражения, моделирования действительности к единому смысловому ряду, благо, все это были знаковые системы, сети, в которые человек улавливал мир изменчивых сущностей. Но общенный образно-понятийный метаязык, нерасторжимо соединивший науку с искусством, удалось создать лишь к середине четвертого века третьего мегахрона. Тогда и возникла Игра, как ее обычно называли (возможно, то была дань уважения тому древнему писателю, Г. Гессе, который в одном из своих романов придумал нечто похожее, хотя ему самому идея такой Игры сущностями виделась сугубой оталеченностью от дел практических и насущных).

Антон мысленно построил ряды исходной позиции, стянул их в сети, столь же многомерные, как сама позиция и ее замысел. Собственно говоря, то было опосредованное в метаязыке выра-

жение ситуации, в которой оказалось человечество. Позиция вмещала в себя все, что мог выразить и предусмотреть разум, начиная с конфигурации охваченных конфликтом звезд, кончая нюансами морали людей третьего мегахрона.

Однако внутри общей позиции скрывалась еще и подпозиция, развитие которой в ходе Игры, как надеялся Антон, могло привести к решению частной задачи поиска оружия Предтеч. Эту подпозицию он строил особенно тщательно, ибо все остальное, общее, было выверено лучшими умами и не раз проигрывалось в сомыслении с отечественными искинтами, тогда как частности надо было сообразовать с изменившимися обстоятельствами.

Своеобразие этой части Игры заключалось в том, что сейчас ее успеху должен был способствовать «вражеский Искинт». Но был ли он действительно враждебным? Не более, чем топор, которым одинаково мог пользоваться убийца и плотник. С той, однако, существенной разницей, что этот «топор» обладал собственным машинным разумением, которое пребывало по ту сторону добра и зла, одинаково могло служить кому угодно и в то же время всему находило свои оценки. Всякий искинт в каком-то смысле был личностью, и личность вот этого Искинта при всей ее чуждости человеку вообще и человеку третьего мегахрона в частности показалась Антону симпатичной, хотя это слово едва ли было уместно в общении с искусственным интеллектом. Но именно доверие побудило Антона предложить ему свою задачу. И в этом его поступке было куда больше интуитивного, чем рационального. Даже среди одинаковых как будто машин нет двух тождественных, и одна может почему-то нравиться, а другая — нет, точно так же, как и человек может «нравиться» или «не нравиться» искинту, хотя он вроде бы одинаково повинуется любому. Все это не имело окончательного объяснения, но Антон чувствовал, что его симпатия к чужому искинту небезответна. Такому партнеру можно было открыться, и Антон ему открылся.

То было не просто сотрудничество старшего с младшим. Разум человека и интеллект машины имели общего противника — проблему, загадку, неясность, но это не отменяло соперничества; искинт брал логикой, человек — интуицией, это напоминало удары кресала о камень: искра прозрения высекалась обоими, однако ей предшествовало столкновение.

И это тоже было условием и искусством Игры.

Она началась. Первое же преобразование сущностных рядов, их сетей и интервальных проекций ясно показало Антону, что Искинт не впервые сталкивается с подобной задачей. Еще был! Конечно же, фундаменталисты не раз проигрывали ту же самую ситуацию, только, естественно, с обратным знаком и несколько

другими параметрами. Очевидно, поэтому Искинт начал вяло и вроде бы даже разочарованно; никому не интересно дважды пережевывать одну и ту же жвачку. Но секунду спустя он выявил подпозицию, и все сразу стало иным. Словно порыв ветра подхватил Антона. Он обнаружил себя бредущим среди зыбких пурпурно-фиолетовых холмов, которые, текуче перестраиваясь, то приближались, то удалялись, светлели и гасли, как это бывает в закатных сумерках, и среди этой длинной цепи печальных холмов Антон постепенно стал различать меняющиеся лица знакомых и незнакомых людей. Приблизилось залитое кровью лицо Юла Найта — растаяло в наплывающей мгле, прежде чем он успел к нему рвануться. Далеко на пурпурной вершине холма обозначился крест и ведомая туда безликой толпой Ума; но и это видение затуманилось. Мелькнула череда веретенообразных машин, над всем вспыхнули скрепления голубых молний. И снова по скатам холмов неведомо куда побрели серые толпы, спины людей по мере движения сгибались все ниже и ниже, а ноги увязали, точно в пыли.

Антон знал, что перед ним проходят видения Будущего, не настоящего, которого еще не было и быть не могло, а вероятностного, моделируемого Будущего, зависящего и от его поступков. Он словно то поднимался на холм, далеко и отчетливо видел перспективу, все происходящее в ней, то опускался к подножию — и все вокруг заливалось фиолетовым мраком. Его намерения и поступки кое-что значили и что-то меняли в окружающем, он мог перемещаться в этом вероятностном пространстве-времени, но некоторые направления будущего оставались закрытыми, и часто, слишком часто, желая подняться, он вместо этого опускался во мрак.

Усилием воли Антон перестроил структуру, ярко представил сумятицу взрывающихся звезд и горящих планет, довел до Искинта, что это их общая — машины и человека — смерть, расщепил образ на ассоциации, предоставив собеседнику увязку логических цепей. Ответом был ошеломляющий взрыв цвета, звуков и форм: Искинт счел образ новым и ключевым! Не для позиции даже, а... Антон увидел пляшущие, как в ознобе, звезды Галактики, черную, смахивающую их руку; пока это было лишь отражением его собственных метаинтервальных проекций. Но возник незнакомый корабль, он сам в его рубке, его друзья и рядом бесформенная, черно клубящаяся фигура человека-зверя. Мгновение — корабль превратился в молнию, и эта молния перечеркнула, потрясла Галактику.

Смысл, смысл? Антон, чего с ним раньше не бывало, сохраняя контакт с Искинтом, перестал его понимать. Возможно, Искинт сам себя перестал понимать — такое иногда случалось. Галактика,

все галактики вдруг сжались в комок, а впереди по курсу — по курсу чего? — словно распахнулись огненные врата. Только на миг, только краешком сознания Антон уловил, что было в этой развернувшейся бездне. Все тотчас неразличимо вспыхнуло, не успело запечатлеться в памяти, отрезанное тонкими многослойными сетями.

И Антон понял, что Игра закончена, что перед ним предстала наиболее вероятная модель результата всех их усилий, но что она означала — ни он сам, ни Искинт знать не могли. Сеть надвигающаяся или, наоборот, ограждающая — только это и было ясно. Первое подразумевалось само собой, но второе?

Еще никогда исход Игры не был столь неопределенен, но ведь и сама ситуация была на редкость неопределенной и мрачной.

7. КОРОЛЕВСКАЯ ОХОТА

Старация «Ферма» была посещаемым астронавтами заведением. Ее предпочитали другим, более близким к Коллегии старациям, а почему так — никто уже объяснить не мог. Возможно, когда-то некий прославленный капитан забрел сюда с офицерами накануне рискованного полета, рейс прошел крайне удачно, и с тех пор капитан стал сюда заходить перед всяким новым ответственным делом, а за ним потянулись другие, ибо трудно сыскать людей более суеверных, чем астронавты. Не исключено, однако, что «звездных волков» привлекал контраст с той обстановкой, которая окружала их в полете, поскольку «Ферма» была стилизована под старину, старину вообще, милую, добрую и уютную, когда на нее смотришь из безопасной дали столетий. Или, быть может, давний владелец «Фермы» подобрал ключик к натуре астронавта, да так и пошло. Кто знает? Человеческие симпатии и антипатии куда менее поддаются анализу, чем условия Д-перехода вблизи тяготеющих масс.

Юл Найт умел оставаться незаметным даже в полупустом, как сейчас, зале. И он был терпелив охотничьим терпением своих далеких предков, которые уже в пору космических стартов, как встарь, высматривали звериный след и умели не торопиться, чего нельзя было сказать о тех, кого в эту пору подхватил бег научно-технического прогресса. Промедления и неудачи поиска не мучили Юла так, как они терзали Антона и, возможно, Лю Банга. Он сидел на деревянной скамейке за деревянным, локтями отполированным столом, скушаяще потягивал пиво и рассеянно поглядывал по сторонам. На «Ферме» привыкли к мальчишкам, ко-

которые приходят сюда восторженно поглазеть на знаменитых астрономов, и никто не обращал на него внимания. На стене в дальнем конце зала, рядом со сбруей и хомутом, мерцал телевизор, который, по уверению хозяина, украшал жилище ковбоя не то в девятнадцатом, не то в двадцатом веке; доисторический телевизор (вернее, его имитация) очень мило смотрелся рядом со сбруей и железобетонным, для засолки огурцов, бочонком, в котором действительно были настоящие несинтетические огурцы. Современности не было доступа на «Ферму», исключая, конечно, еду и напитки, среди которых наряду со старинными кушаньями и алкогольными смесями предлагались все новинки прогресса, начиная со смолых палочек и кончая коньяком замедленного действия.

Юл Найт ждал и был уверен, что его бесхитростное терпение будет вознаграждено, потому что из множества причастных к тайне людей кто-то обязательно забудет включить средство защиты или потеряет его, или оно само сломается. Иного по теории вероятностей быть не могло, оставалось лишь подстеречь случай, не торопиться, постоянно находиться в тех местах, где удача наиболее возможна, что не так трудно сделать, поскольку сам факт секретности четко очерчивает круг ее носителей и выделяет пути их перемещения. Охота немногим сложнее, чем на зверя, когда знаешь его привычки, способы защиты и пути к водопою; терпение и смекалка, терпение и смекалка — этого достаточно. Сейчас посетителей было немного, время, когда в сторацию стекались астронавты, еще не наступило. Манера, с которой Юл Найт пил, ел и держался, красноречивей одежды выдавала в нем отпрыска первопатриция, и одна из девушек было попробовала к нему подсесть; пришлось стеклянно глянуть сквозь нее, будто она была прозрачностью, воздухом, ничем, чтобы та отстала. На девушке был серый комбинезон нечки, только куда более изящный, и глазам она придавала красноватый оттенок, так что издала ее вполне можно было принять за нечку, хотя, конечно, она не была ею — просто мода такая, особый изыск уподоблять себя рабыне, иных мужчин это возбуждало и притягивало. Юлу это почему-то напомнило давнюю историю о тех патрициях, которые в период междоусобных войн клонировали нечку из клеток побежденного врага, чтобы всегда иметь в услужении его физическое подобие: такая месть считалась особо утонченной. С тех пор закон и здесь отштамповал порядок, предписал изготавливать нечков отлугивающе красноглазыми, но, как водится, закон порой нарушали, а теперь еще и мода возникла походить на нечков, говорят, ей следовали даже патрицианки, тем лишний раз подтверждая, что жизнь не может обойтись без вывертов, парадоксов, внезапностей, как бы ее ни пытались формализовать.

Вечерело, и зал стремительно наполнялся, так что звук телевизора с его программой старинных фильмов вскоре заглушили голоса посетителей. «Ферма» слыла демократическим заведением, сюда стекались чимандры всех рангов. Были среди них высокие и низенькие, вертлявые и солидные, молчаливые и речистые, но всех объединяла окатанность лиц, движений и фраз, словно каждый боялся обмолвиться, кого-то ненароком задеть, что-то нарушить, хотя внешне все держалось уверенно и никто не замечал на себе добровольных оков, тяжесть которых будила в Юле Найте жалость к беднякам. Когда он впервые очутился в подобном обществе, его особенно удивило то, что скованней всего держались начальственные чимандры и они-то как раз менее всего чувствовали эту свою закрепощенность. Если бы не инверсия там, на Земле, Юл так и не понял бы этого кажущегося парадокса, но сейчас он его понимал, привык и уже воспринимал как должное. Он сидел, слушал с безучастным лицом, цепко фильтруя слова, мимику, жесты, все сказанное и непроизнесенное. Ничего особенного, так, роение пылинок в воздухе. Первые астронавты тоже не привлекли его внимания, они выделялись разве что своими мундирами и некоторым пренебрежением к окружающим. Но когда в дверях показался стройный молодой капитан с решительным и одновременно взволнованным выражением красиво опущенных ресницами глаз, Юл сразу насторожился.

Он! Это еще не было осознанием, только догадкой, толчком интуиции. Юл вчитался в лицо капитана. Со временем оно обещало застыть чертами сухой повелительности, но пока в нем проглядывали душевное смятение и нервная возбужденность, хотя все прикрывалось уже привычной властью и самоуверенностью баловня судьбы. Однако для Юла это выражение уверенности не было преградой. В дверях была дичь, та самая неосторожная дичь, которую он столько времени поджидал. Свежеиспеченный, не по заслугам, капитан, чья голова кружилась от каких-то новых, выбивающих из равновесия перспектив. Знание чего-то предельно важного, тревожно беспокойного исходило от него так же остро и явственно для потомка охотников, как свежий запах хищника на лесной тропе. Юл напрягся. Следовало незаметно приковать внимание капитана, заставить его подойти, сесть поближе, затем вжиться в него, почувствовать себя им — и все это надо было успеть, пока капитана не окликнули другие, быть может, знакомые ему астронавты. Насколько было бы проще, если бы он смог непосредственно прочесть мысли! Но этого не мог никто, коль скоро посторонний не хотел открыться, и к тому же самому надо было идти окольным путем. Правда, это давало и преимущество — такое проникновение мог уловить лишь очень чуткий и

мощный подслушиватель, а если такой здесь и был, то требовалась еще направленная избирательность настройки, прямая нацеленность чтеца на него, Юла Найта, или на капитана, что было и вовсе невероятно. Немногие отмеченные Юлом соглашения были не в счет; дар сомысления и сочувствия, который вот так можно было обратить против человека, возник в ходе длительной эволюции социального коллективизма, и плеяды им не владели, отчего в этой, у всех на глазах, охоте Юл мог чувствовать себя неуязвимым.

И стоило капитану бегло оглядеть зал, как Юл перехватил этот взгляд, задержал его на себе. Внешне не произошло ровным счетом ничего: мальчишка-патриций все так же скучающе сосал свое ливо, но для капитана, единственного из всех, он выделился, стал притягателен внезапным прищуром глаз, призывным движением пальцев — мол, сядь, у меня для тебя есть кое-что важное... Все это Юл проделал с быстротой, которая не оставляет в зрительной памяти явного следа; тут важно зацепить внимание, чем-то его поманить. И капитан двинулся к столу, за которым сидел подросток, сам не заметив, что его потянуло туда, ведь осознается лишь то, что успевает проявиться в психике, а то, что не успевает, застряв в подсознании, влияет помимо разума.

Капитан подходил все ближе и ближе, он шарил глазами, выбирая место неподалеку от охотника, отнюдь не потому, что хотел сесть рядом с каким-то сопляком — у него и в мыслях такого не было. Но рассеянный взгляд офицера скользил по Юлу, и тот постепенно натягивал незримый поводок, уже воспроизводя в себе движение мускулов чужого лица, походку, поворот плеч, все больше вживаясь в состояние капитана, ибо внешнее неотделимо от внутреннего, и, воспроизводя ту же мимику, человек воспроизводит в себе и породившую ее эмоцию, мысль. Несколько минут такого проигрывания, вчувствования, и для Юла стали бы открытыми даже затаенные мысли капитана, поскольку не было «жужжалки», которая смазывала, прерывала это вживание.

Он был им так поглощен, что внезапное и пронзительное чувство тревоги запоздало. Скрытое в душе офицера знание не было обманом — это-то и ослепило охотника. Юл успел почуять ловушку, успел заметить, как сзади к нему придвинулась незнакомая, но тоже похожая на нечку девушка, как в ее руке блеснул парализатор, но тут боль омертвила все мускулы тела. Привычным усилием Юл погасил боль, но поздно, поздно! — руки и ноги ему уже не повиновались.

Чьи-то руки аккуратно выхватили его из-за стола, понесли к выходу, издали мелькнуло ошеломленное, тут же просиявшее лицо капитана, больше никто ничего особенного не заметил, лишь тол-

стощекий чимандр у стойки, брезгливо отодвинувшись, чтобы дать проход, пробормотал вслед: «Нализался, благородный сыночек...»

Никакая воля не могла справиться с действием парализатора, и Юла, как куль, зашвырнули в гравилет, двое уселись по бокам, и машина рванулась в воздух.

Здесьние охотники умели захлопывать свои ловушки.

Допрос начался, едва Юл смог шевелиться. В других условиях он, верно бы, посмеялся над нелепостью развернувшегося вокруг него действия. Железный привинченный к полу табурет, охранники с боков и сзади, целая батарея нацеленных менталоскопов, еще двое охранников у дверей, руки на кобурах, глазами пожирают малейшее движение пленника — дети, ну чистые дети! И главное, зачем все это? Он мышь в когтях орла, это они, что ли, хотят внушить?

Глупо!

Юл не сожалел об ошибке: что случилось, то случилось, и нечего себя терзать, хотя в ловушку он попал преунизительно. Хороший урок на будущее, хотя в таких случаях принято считать, что никакого будущего уже нет. Наверно, оно есть, коль скоро впереди допрос. С тем и примите.

Невозмутимое лицо Юла стало еще невозмутимей.

Откуда-то сбоку внесли кресло, молча поставили его напротив: новое ребячество! За закрытой дверью шаги, идет кто-то большой и надменный. Неужели эти мундирные вытянутся и щелкнут каблуками? Дверь распахнулась, охранники щелкнули каблуками, в комнату прошествовал роскошно одетый человек с немного обрюзгшим лицом, которое при желании можно было назвать львиным. Юл поймал себя на мысли, что видит дурную историческую пьесу. Лоб человека охватывал золотой обруч, который, как сразу определил Юл, был не просто украшением. Вошедший утвердил себя в кресле и только тогда взглянул на Юла, с таким видом, словно тот был забавной, напоказ, обезьянкой, лишь потому и заслуживающей мимолетного внимания.

— Ну и ну,— в глазах вельможи мелькнула ирония.— Мальчишка! Такого от гуманнейших Звездных Республик я, признаться, не ожидал. Хотя и разумно. Кто обратит внимание на мальчишку? Однако мы обратили.

— Бонтесь? — тихо спросил Юл.

Брови человека в кресле чуть вскинулись.

— Бонтесь,— подтвердил Юл.— Иначе не надели бы обруч.

— Элементарная мера предосторожности,— укол подействовал, человек в кресле нахмурился.— Нам многое известно о ваших психоспособностях.

— Вините за отставание себя. Кто сдерживает социальное развитие, тот сдерживает и все остальное.

— Зато мы преззошли вас в другом, и я, Эль Шорр, допрашиваю вас, а не наоборот. Вздумали перенять наши методы? Явная ошибка, но согласен, другого выхода у вас не было, нет и не будет. Придется вам и дальше сражаться на предложенной нами позиции. Поражение я вам, между прочим, гарантирую. Согласны?

Юл промолчал. Мысли Эль Шорра были надежно заблокированы, а на него, Юла, были нацелены менталоскопы, приходилось интенсивно генерировать смысловой шум, на что тратились немалые силы. Положение было явно неравным, но лицо Эль Шорра оставалось открытым, и хотя он им владел, поединок стоило продолжать.

— Что же с вами делать? — как бы в размышлении сказал Эль Шорр. — По всем документам и формальным психохарактеристикам вы подданный Империи, так что никто за вас не заступится. А поскольку вы минимый подданный, то и комедия суда над вами излишня. Так что все очень просто: или — или.

— Или, — сказал Юл. — Вы ничего от меня не услышите. Там не менее спасибо за невольное «вы».

— Хватит! Похоже, тебя научили всему, кроме уважения к старшим.

— Оно не обязательно для сына первопатриция.

— Ладно, ладно! Значит, «нет». А меж тем мне нужны кое-какие сведения. Ведь ты не один?

Сказав это, Эль Шорр взглянул не на пленника, а на экраны менталоскопов. Юл напрягся.

— Хорошо закрываешься, — с уважением сказал Эль Шорр. — Но импульс все-таки есть. Впрочем, мы и так не сомневались, что ты не один. А они, сам понимаешь, здесь лишние. Да не мучай себя так, не вглядывайся в мое лицо! Во-первых, я не Ив, на которого ты так замечательно клюнул, а во-вторых, и это главное, я буду говорить откровенно. Не веришь? Тем не менее это правда. Ведь как можно извлечь из тебя сведения? Пытаться бесполезно, тебя, конечно, научили нейтрализовывать боль. Взломать психику? Ты, надо думать, успеешь умертвить себя.

— Да, — сказал Юл. — Так уйти я волен в любую минуту.

— Верю. И все-таки... Ради чего умирать, да еще в таком возрасте?

— А ради чего готовы умереть вы?

— Я не фанатик.

— В старину, бывало, на пулемет кидались огнюдь не фанатики.

— А еще раньше старики добровольно уходили из жизни, чтобы племя могло прокормить детей. К чему воскрешать варварские обычаи? Или это признак новой прогрессивной морали? Впрочем, кто философствует, тот теряет время. Предлагаю сделку.

— Я слушаю.

— Тебе известно, что такое «королевская охота»?

— Разумеется.

— Предлагаю роль дичи. Подстрелим — конечно, не боевой, снайперской пулей, — ты выложишь все. А если выдержишься от зари до зари, то мы передадим тебе все сведения об оружии Предтеч и отпустим на свободу.

— Означает ли столь заманчивый посул, что у меня нет ни малейшего шанса продержаться? Или для приманки вы все же оставили мне хоть какой-нибудь?

— Только дурак ловит на голый крючок. Разумеется, мы предоставили шанс, но, скрывать незачем, он минимален. Один из полутораста, по расчетам Искинта. Зато выигрыш! Такого не было ни в одной рулетке.

— Условия охоты обычные?

— Да. Лес, в котором можно побегать, старинные ружья, никаких киберслепопытов, двое охотников.

— Выключите менталоскопы, мне надо подумать.

— Само собой.

Эль Шорр кивнул, секунду спустя экраны погасли.

Первым порывом Юла было воззвать к друзьям, спросить их совета, но он тотчас остудил это желание. Нет! Возможен скрытый перехват, и кроме того... И кроме того, они не увидят той возможности, которую видит он. Не поверят, что она есть, даже связь Кольца не поможет, настолько нельзя раствориться в другом, а без этого невозможно довериться подсказке родового инстинкта. Один! Каждый соединенный Кольцом имел право, не спрашивая, решать за всех, и сейчас, здесь, это доверие было тяжелее смерти. Что, если шанс не оправдывается? Что, если ошибка? Тогда он, Юл, предатель и убийца.

Проверим...

— То, что я услышал, это все ваши условия? — Юл напрягся.

— Все.

Удача! Огромное, ни с чем не сравнимое облегчение разлилось волной счастья. Пусть, пусть друзья сколько угодно кричат «нет!» Впрочем, теперь этого они уже не скажут, поймут, что враг дал ему выскользнуть из ловушки предательства. А все дальнейшее...

— Я согласен.

— Прекрасно. Второй жизни не дано никому, вот истина оди-

наковая для всех, кроме глупцов, а вы, я сразу заметил, умны не по возрасту.

«Что ж», — подумал Юл Найт. — Я допустил одну крупную ошибку, а ты сделал три мелкие. Итог пока не в мою пользу, но закономерность твоих просчетов обещает многое...»

8. ПОЮЩИЙ ЛЕС

Вместе с повязкой, которая наглухо закрывала глаза, с него сорвали одежду. Машина, треща и ломая сучья, ушла во мрак, ее огни скрылись, и Юл Найт остался один в тишине леса, чья громада, затеняя звезды, обступала его со всех сторон. Тело обдал ночной холодок. Серебристое сверкание неба Плеяд просачивалось сквозь листья, кое-где пятняя стволы и лужицами туманного света растекаясь у их подножий. После нескольких дней заточения он, наконец, был свободен. Дичи положено быть свободной.

Первые же шаги заставили его наклониться и пошарить рукой в траве.

Так и есть! Рука всюду натыкалась на бритвенно острые листья каких-то растений, которые неизбежно должны были исполосовать ноги бегущего. Вот почему загонщикам не требовался детектор следов! Жертву и так повсюду выдаст кровь. Юл тяжело усмехнулся. Где вы, столетия культуры и гуманизма? Снова голый человек на голой земле. Даже тут оки не смогли выдумать ничего нового.

Тем лучше! Им невдомек, с кем они имеют дело, пусть думают, что охотятся на мальчишку, пусть его рост, еще на Земле сформированные черты юного европеоида и дальше вводят их в заблуждение. Разумно! С их точки зрения заслать к врагу хорошо обученного мальчишку — это, видите ли, разумно, оправданно, ловко. А ведь могли бы докопаться. Могли. Но кто подходит к другим со своей меркой, тот неизбежно обманывается. И это хорошо.

Теперь Юл двигался осторожно и быстро, всеми порами тела впитывая воздушные токи леса, его запахи и молчание, стремительно постигая то, что было вокруг и таилось во тьме. Вместе с одеждой с него словно спали века. Он понимал этот лес, хотя никогда не был в нем. Наконец-то можно скинуть маску изнеженного подростка, снова стать прежним, вернее, войти в состояние тех предков, для которых лесная чащоба столько тысячелетий была родным и единственным домом. Все походило на первую инверсию и было совершенно другим. Тем не менее лес под всеми солнцами — лес, нечто большее, чем просто деревья, травы, кустарники,

живность, надо только понять его душу, и он станет частичкой тебя или, наоборот, ты станешь частичкой леса. Серебристые блики мелькали среди черни ветвей, скользили по плечам, светлячками рассыпались в темной траве. Юл ни разу не поднял голову, чтобы определиться по звездам, он и так знал, что движется правильно и что опушка уже недалеко.

Так и оказалось. Увы, за последними деревьями опушки взгляду открылось не менее ожидаемое — Барьер. Его сиреневое свечение простиралось по обе стороны до горизонта, им, разумеется, был опоясан весь лес. Барьер невозможно было перемахнуть, под него нельзя было подкопаться, все было сделано методично. Открытым оставалось лишь блещущее над головой небо, открытым, как вход в западню. Ловушкой для тех, кто попытается бы его спасти, вот чем было это безмятежное, волшебное мерцающее, просторное небо.

Юл повернул назад. Его бег был ровен и быстр. Пока не занялся рассвет, следовало все изучить, чтобы лес стал надежным охранителем и другом. Так Юл и сделал. Лес оказался невелик, этого тоже следовало ожидать. Почти везде открытый взгляду, без чащоб и оврагов, с высокими, но, увы, тоже хорошо просматриваемыми стволами деревьев, он не позволял надежно укрыться и переждать день, охотники знали, куда привезти и где удобнее изловить загнанную жертву. Вдобавок они-то в сапогах, а жертва тотчас искровенит себе ноги; все учтено и тысячи раз проверено на опыте, а для столь драгоценного гостя еще и промоделировано на компьютере.

Звезды мерцали уже не так пушисто и ярко, когда Юл закончил свой бег. Он лег и, вытянув руки, припал к шершавой земле, к ее влажным от росы листьям и цепким корням. Близился день охоты, его день. Он уже давно ощущал близость друзей, знал, что за эти дни они успели собраться вместе и думают, как ему помочь, однако не спешил войти с ними в контакт. Но наступало время борьбы и, быть может, прощания, другой минуты уже не будет. Сомкнув веки, Юл позвал всех. И сразу стало тепло, как от огня, близко-близко он увидел всех троих — готового все сокрушить и терзающегося своим бессилием Антона Полынова, невозмутимого — только лицо потемнело — Лю Банга, Уму, чьи брови сошлись в полосу, а глаза, казалось, могли прожечь любую преграду. Но все тотчас переменилось, когда он вошел в их круг, — спокойствие, нежность, поддержка, ничего другого не стало в их лицах. Мысли и чувства всех четверых смешались.

Теперь они вполне понимали его, понимали, что такое для него лес и охота, что дано ему и не дано им, как не дано никому, чьи предки не обитали в джунглях, а затем не осваивали дебри

ригелианских планет. Вот и хорошо, не надо больше об этом. Пусть кто угодно полагается на расчет и машинную логику, мир слишком велик и непознан, грозен своей непредсказуемостью и этим же глубок, чудесен, спасителен. Но... Никаких «но». Сейчас, скоро, очень скоро я уйду от вас в свое далекое прошлое, где жизнь и смерть так близки и неразделимы, что в этом свобода и беспечальность. Не старайтесь меня спасти и не горюйте, жизнь — только вылетевшее из рта дыхание, эта легкость сейчас во мне, и я, еще не знаю как, ею воспользуюсь. А если... Тогда заслонитесь, мы слишком крепко связаны, вас может опалить и сжечь. Знаем, Юл. Мы верим и не прощаемся, но ты позовешь нас, если что. Вот и хорошо. Ума, возьми свой иллир, спой что-нибудь напоследок о бесконечных превращениях жизни, о звездах, которые всегда будут, о душах усопших, о траве, которая разгладится у меня под ногами, о деревьях, которые укроют меня, о зверях и птицах, которые сейчас спят, но проснутся и помогут мне.

И Ума кивнула. Она поняла, все поняли. Мы не расстанемся, Юл, мы никогда не расстанемся...

Когда иллир умолк, небо уже потеряло свой серебристый блеск. Все еще спало вокруг. Юл повернулся на бок, поджал ноги и задремал в лесу, как ребенок в чреве матери.

Он проснулся, когда отпущенные для сна минуты истекли. Альцион еще не взошел, но будто тронутое изморозью небо уже побелело над головой. Близился час охоты. Юл выдрал пук режущей травы и полоснул ею по ногам с тем расчетом, чтобы потекла кровь, но чтобы порезы не мешали бегу. След должен быть, иначе преследователи насторожатся.

Сделав это, Юл припустил рысцой. Кое-где он петлял и запутывал следы, не потому, что надеялся обмануть, а потому, что от него, конечно, ждали хитростей и уловок. Так он добрался до мест, где деревья росли погуще и где, наверное, его станут искать в первую очередь. Поиграйте, поиграйте, звал его извилистый след. Позабавьтесь упорным мальчишкой, который тем не менее слабо искушен в древнем искусстве обмана, ибо сам никогда не охотился, а уж быть дичью ему и не снилось.

На мгновение в его душе взметнулась дикая ярость. Ведь они охотятся на человека, на человека!

Да, и, очевидно, находят в этом утонченное наслаждение. Не Достоевский ли утверждал, что цивилизация лишь все утончает?

Юл не додумал мысль, наоборот, подавил ее, как и бесплодную ярость, ибо то и другое было сейчас бесполезным, а значит, вредным.

Ну так где же преследователи? Они стремятся поскорее засечь его, а ему — вот не поверят! — надо поскорее увидеть их.

Потоки яркого света просквозили листву голубоватыми мечами и копьями. В недавнем безмолвии ожила разноголосица птиц, вокруг Юла трепетными лоскутами шелка запорхали многокрылые бабочки, косую завесу света с бомбовозным гудением прочертил огненно-красный жук, спадающие со стволов пряди мха зашевелились, вкрадчивым движением волоконцев утаскивая себя в тень, к замерзшей ноге подползла трехглазая ящерка и для пробы лизнула капельку крови. Юл не шелохнулся. Затылочный глазок ящерики обиженно замигал — кровь человека оказалась неудобоваримой, она тут никого не могла прельстить. «Знание — это просто сила, — мимолетно подумал Юл. — Без синтетической пищи, без всех достижений науки не было бы здесь ни меня, ни охотников». Ящерка, поерзав, приладилась на ступне погреться. В воздухе бронзовой молнией мелькнула какая-то птица и одной переливчатой бабочкой стало меньше, остальные, как ни в чем не бывало, продолжали свой танец. Ящерка приподняла голову и тут же ее опустила. Все было как везде, как на всех планетах — кто-то за кем-то охотился, кто-то кого-то пожирал, а будучи сыт и в безопасности, наслаждался жизнью.

Над кронами пронесся ветерок, вершины стройных деревьев встрепенились, и окрест разнесся протяжный певучий звук. Он был едва слышен, но вскоре утренний ветер окреп и с ним вместе окрепли звуки. Теперь пело каждое дерево, всякое на свой лад и тон, стволы гудели, как трубы органа, и все наполнилось этой музыкой леса. Юл знал о Поющих Лесах, еще на Ригеле не раз слушал записи, и все равно его охватил такой благоговейный восторг, что он на мгновение забыл о всякой опасности.

Но лес тотчас напомнил о ней диссонирующей нотой далеких птичьих голосов, которые стали иными, чем минуту назад. Они выпадали из общего ритма, ибо то, что их вызвало, было чужим для леса.

Потревоженная ящерка соскользнула с ноги. Юл отступил в тень и сам уподобился тени.

Вскоре он различил двоих. Они старались идти бесшумно и наверняка были уверены, что крадутся бесшумно, но в ушах Юла каждый их шаг отдавался топотом буйвола. Господи, разве можно так ломиться через кусты! Ружья уже в руках, действительно ружья, лоб каждого охвачен обручем, предусмотрительно, ничего не скажешь. Что они предусмотрели еще? Что сейчас происходит в их душах? А, старый знакомый! Из Шорр, надо думать, сын того вельможи, уж очень похож... Нет, не очень. Бравому капитану немного не по себе, это чувствуется, молод еще, только жаждет стать суперменом, душа не железным волосом проросла, пока это лишь пух щенячий... Правда, дичь он изобразил собой

ловко, посмотрим, каким ты окажешься охотником... А вот твой напарник — волк! Идет с холодной беспощадной улыбочкой, знает, чем внушить трепет, а может, все это рефлекторно.

Что ж, проверим реакцию обоих.

Юл сдвинулся так, чтобы его заметили, и рванулся, изображая испуг. Ружье вскинул только Ив Шорр, рука спутника даже не дрогнула, сказались выдержка и умение оценивать расстояние, лишь верхняя губа дернулась в презрительной и ядовитой улыбке. Да, этот — опасен.

— Надеюсь, мальчишка блефует, — процедил старший. — Иначе все неинтересно.

— Да, — выдавил Ив.

Говорить ему мешало волнение. В груди засел какой-то сосущий комочек, и он ничего с ним не мог поделать. «Поохотиться, — сказал отец. — Ты заслужил, вдобавок это закаливает». И он с радостью согласился — кто же откажется от такой воистину королевской охоты! Откуда же теперь это сосущее чувство то ли вины, то ли тревоги? Скольких нечков ему вот так довелось убивать, и замутило только однажды, на самой первой охоте, когда пуля пробила в нечке какую-то артерию и из него так страшно хлынула кровь. И крик, он так походил на человеческий! И сам нечк внешне не отличался от человека, ведь он упал лицом вниз, его уродливые красные глаза закрылись. Отец тогда похлопал по плечу. «Привыкай, малыш, к власти над себе подобными. Ничто великое не делается без крови, это хорошо понимали спартанцы, чью игру мы воскресили. Только они охотились на людей, настоящих двуногих рабов, когда те слишком размножались. А это же нечк, чего ты дрожишь? Не надо, на тебя смотрят, будь патрицем, будь сильным».

Какая худая, беззащитная спина у этого мелькнувшего в про свете мальчишки! Может, отсюда все? Ребенок... Хотя в этом что-то есть, недаром спартанцы... Интересно, девочек они тоже подстреливали? Но каковы эти, из Звездных Республик! Ив крепче стиснул ружье. Лицемеры, послать на убой мальчишку! Ладно, ладно, мы еще позабудем вас настоящей спартанской игрой, уж пули в ружьях будут тогда настоящими...

А сейчас-то и убивать не придется. Это же политика, не убийство, чего волноваться! Все беды от воображения и рефлексии, сколько раз тебе это говорили!

— Надеюсь, парень немного помотает нас, — Ив очнулся. — Надоели нечки, никакой игры ума, натаска для ребятишек. Посмотрим, на что способен человек. Посмотрим, это пригодится. Привыкли на кнопки нажимать, заплыли жирком, не так ли?

— О вас этого не скажешь, ваша звездность.

Воспользуйся охотой, советовал отец, она сближает. Нужного напарника я тебе подобрал, ты его знаешь. Связи, связи и еще раз связи! Покажи себя, гроссадмирал любит, когда с ним умно спорят, а от него мно-о-о-огое зависит!

— Да, обо мне этого не скажешь,— гроссадмирал сдержанно улыбнулся.— А как вы думаете, почему?

— К себе вы более требовательны, чем к другим, ваша звездность.

— Верно, капитан, верно. Хотите совет? Мысленно всегда носите на себе мундир. Даже во сне. Это подтягивает. Мундирность прежде всего! В мыслях, чувствах, поступках, всегда.

— Спасибо, ваша звездность, учту.— Иа подтянулся, так как понял, что минутная шаткость его чувств была замечена и благо-расположенно осуждена. Господи, когда он обретет абсолютную уверенность в себе?!

— Умно, умно,— вглядываясь в след, проговорил адмирал.— Запетлял человечек, запетлял, не потерял голову. Водит нас, а? Оправдывает надежды. Пожалуй, продержится крутов пять и даже, чего доброго, придется его брать с ускорителем. Не хотелось бы,— он покачал головой.— Неспортивно это. Ничего, сейчас мы перхватим его маневр. Готов спорить, что он заходит нам в тыл...

Гроссадмирал ошибался. Юл уже был в тылу и прекрасно все слышал, но теперь это не имело никакого значения, как и все остальное, на что можно было надеяться, потому что он обнаружил прикрытие. И какое! За каждым из охотников, твердо держа дистанцию метрах в пятидесяти, скользили похожие на кентавров киберы. Два черных боевых кибера. Не касаясь почвы, один из них беззвучно проплыл в нескольких шагах от Юла и никак не отозвался на его присутствие. Не это было его задачей. Киберы бдили, ничего больше. Ведь и кролик, бывает, кидается на волка. Плеяды предусмотрительно исключили и этот шанс.

Выходит, конец?! Враги допустили ошибку, сочтя его подростком, но рано или поздно они сообразят, какой противник им противостоит, и воспользуются ускорителем. Неспортивно, видите ли!

Мысль Юла обежала замкнувшийся круг. Ускоритель, дающий десятикратное превосходство в бере, был им учтен заранее. Ясно, что к нему прибегнут, ведь это не оговорено условием, а цель, понятно, оправдывает средства. Но это освобождает и его самого. Все дозволено, совести нет? Тогда получите: засада, прыжок, удар, прежде чем кто-то сообразит включить гравипояса, а уж после этого будьте любезны... Не будут они любезны, но в его руках окажутся пленные и с этим придется считаться. А сейчас? Не один кибер, целых два!

Два боевых кибера — сила, которую никому не дано перебороть!

Вокруг щемяще пел лес, возле лица порхали бабочки, но уже близился шум шагов. Юл зажмурился. Пережечь себя, другого выхода не осталось. С него же не взяли слова не умирать! Не взяли, ошиблись, вот и оставайтесь ни с чем, вы, всякое слово истершие в тряпку!

Отбежав, Юл присел и уткнул лицо в колени. Его трясло и знобило, сознание уже готовило тело к смерти. Нет! Он вскочил. Так не уходят! Сколько времени потребуется киберам для рывка? Сколько? Там, где деревья стоят плотно, секунды две-три, не меньше. А с ним в этот миг будет вся сила Кольца, и он ею воспользуется.

А что он этим докажет?! То и докажет, что человек не дичь. Нельзя убивать.

Нельзя...

Получите по совести, которой у вас нет.

Но прежде вас надо как следует измотать. Спартанцы, имперцы, сверхлюди! Побегайте, ваша звездность, побегайте ваша мундирность, прежде чем умереть.

Юл припустил рысцой. Лес пел громче, чем утром, звенел тысячетрубным органом. Бежать было легко, звуки леса несли, как на крыльях, в них не было ни зла, ни смерти.

9. БОГ ИЗ МАШИНЫ

— Нет, он превзошел все мои ожидания!

По лицу гроссадмирала струился пот, грудь тяжело вздымалась, но его все также плотно облегал незримый мундир, глаза возбужденно блестели, он был доволен охотой.

— Шестой круг, вы только подумайте! И объясните мне, каким образом трава перестала ему резать ноги? Пару царапин еще можно затащить, но... Право, когда все это закончится, я готов пожать ему руку! А пока, милейший, мы потеряли его след.

— Может быть, дерево... — начал Ив и тут же пожалел о сказанном. Гроссадмирал пренебрежительно фыркнул.

— Молодой человек, такая уловка, возможно, способна привести вас, но я смотрю в оба. Где тут можно укрыться?

Вершины маковых деревьев просматривались насквозь, а дупло в Поющем Лесу могла сыскать разве что птица: порча не брала эти деревья, они умирали стоя. Ив смутился и тем, сам того не желая, сделал весьма политичный ход, ибо старшие по чину любят такие промахи.

— Ничего, ничего, — адмирал, не теряя мундирности, отечески похлопал его по плечу. — Опыт приходит с возрастом, на ошибках учимся. Но каков, шельмец! Жаль, и все же дело есть дело, мы достаточно развлеклись, включайте, капитан, ус...

Впившийся в горло дротик оборвал фразу на полуслове.

До ствола дерева, откуда вылетел дротик, было не менее пяти метров, но Ив не успел вскинуть ружье, не смог даже опомниться, как уже был сбит, придавлен и мальчишеские — нет, не мальчишеские, стальные! — руки зажимом перехватили дыхание. С хрустом вздернутая голова запрокинулась, в изумленном сознании капитана печально дрогнул бледнеющий лес. «И это все?...» — жалобно, недоуменно скользнула последняя мысль, прежде чем все погасло.

«И это все?...» — та же недоуменная мысль мелькнула в сознании Юла. Он не успел, всей слитной силы людей Кольца, к которым он воззвал перед броском и которые дали ему эту недолимую силу, — всей ее не хватило, чтобы успеть за три короткие секунды. Киберы вынырнули прежде, чем с врагами было покончено.

Метнувшись к стволу, как к прикрытию, Юл выставил перед собой обмякшее тело капитана, но холодный интеллект кибера рассчитал все мгновенно, и рука Юла упала, парализованная болью. Еще один такой укол — и боль должна была запустить команду самоуничтожения, включить самим Юлом запрограммированную смерть. В его сознании отчаянием и болью отозвался вскрик друзей, которые сейчас были с ним, в нем, и должны были пережить его гибель. Последним усилием он отгородился от них, чтобы смерть не скользнула к ним по Кольцу.

Но то, что последовало затем, не было смертью. Второй кибер метнул боевой луч. Но не в Юла — в своего напарника!

Реакция киберов более чем мгновенна. Удар не достиг цели, подвергшийся внезапному нападению кибер тотчас прикрылся силовым полем, отразил молнию и, в свою очередь, выбросил разящий луч.

Команда самоуничтожения была уже так недалеко от исполнения, Юл был уже столь близок к смерти, что не мог пошевелиться и лишь отуманенно смотрел, как киберы кружат друг против друга, как их молнии, брызжа искрами, отражаются силовыми щитами, как оба черных кентавра, точно гладиаторы, рубятся огненными мечами, увертываются, хитрят, как в яростном блеске этого боя потускнел даже ослепительный свет Альциона; Юл смотрел на все это — и ничего не понимал.

Бог из машины!

Кто за него, и почему?!

Слезящиеся глаза Юла видели лишь мелькание теней и сумятицу вспышек. Промаях или расцвет? Киберы столкнулись щитами, как в рукопашной схватке. Нападавший оказался ловчее. Юл не уловил, каким маневром тот отклонил щит противника и отклонил ли, только огненный меч достиг его корпуса, и машина, содрогнувшись, осела.

Боевые лучи погасли, и с ними вместе, казалось, померк дневной свет.

— Садитесь, — услышал Юл, как всегда, бесстрастный голос машины. — Доверьтесь мне.

В ослепленных глазах мельтешили кроваво-черные полосы, Юл с трудом различал окружающее. Он наклонился к своим неподвижным противникам. Накреннившийся кибер пылал костром, огонь уже охватывал деревья. Преодолевая себя, Юл подхватил оба тела, повалился с ними на спину кентавра, который, будто читая в мыслях, заранее подставил ее и сразу, как только Юл взгромоздился, прижал всех троих силовым щитом.

«Со щитом, не щите... А если под щитом, то это как?» — сумятицей пронеслось в мыслях Юла. Он уже ничему не удивлялся, не мог удивляться.

Так или иначе — выбора не было. Они помчались. Достигнув Барьера, кибер взмыл свечой, перемахнул через преграду и, резко снизившись, понесся, едва не задевая днищем траву. Юл ахнул: собьют! Не собьют, тут же поправил он себя, у кибера наверняка работает маяк-ответчик. А пока разберутся, что произошло там, в лесу...

— Куда мы летим? — ветер срывал слова.

— Смотрите и увидите.

— Кто вас послал?

— Извините, вынужден отключиться. Опасность локации, поглощен противодействием.

По тому, как перед глазами замерцал воздух, Юл понял, что кибер затемнился во всех радиодиапазонах. Лес уже скрылся за горизонтом, под «кентавром» стлалась выжженная степь. Хлестал ветер, силовой щит все чаще вспыхивал огненными точками — в нем сгорали подхваченные вихрем букашки, некоторые, скользящие под преграду, пребольно кололи кожу лица. Юл прижал к себе мотающуюся голову Ива, чтобы она не билась о панцирь кибера, и, вжавшись щекой в волосы своего недавнего преследователя, закрыл глаза — какой-нибудь жук покрупней мог на такой скорости ослепить.

Покатая спина «кентавра» источала тепло, и будь Юл сыном степняков, он, верно, испытал бы знакомое тем ощущение вольного бега-полета, когда горячий конь мчит и стелется над зем-

лей, унося седока от опасности. Но такие ассоциации не могли возникнуть и не возникали в сознании Юла, под ним была машина, только машина, ее бег был знаком и привычен, но никак не связывался ни с простором степей и прерий, ни с посвистом всадников, ни с образами легенд и преданий о битвах богатырей, былой вольнице и кровавых набегах. Кибер не был для него конем и кентавром, он был и оставался для него неисполненной удачей машиной.

Сосредоточившись, Юл попытался вызвать друзей, но едва смог различить их потрясенные лица — мешало слишком плотное радиозатемнение. Отдельно возникли Антон и Ума, отдельно Лю Банг, все сразу смешалось и исчезло. Кибер пошел зигзагами, вроде бы под уклон. Юл приоткрыл щелочку век — серой сливающейся полосой мимо пронеслись крутые неровности каменистого склона.

Внезапно кибер стал тормозить, встречный ветер ослаб и позволил все рассмотреть как следует. Кибер летел над белесыми, рассыпчатыми, как выветренные черепа, камнями; справа и слева возвышались стены каньона, а далеко впереди... Из-за поворота вынырнул крохотный гравилет, метнулся навстречу, за кривизной спектролита Юл различил взволнованно сияющее лицо, в уголке губ перевернутой запятой прыгала хорошо знакомая трубочка. Лю Банг на мгновение оторвал руки от штурвала и, сцепив пальцы, потряс ими над головой.

— Это ты? — потрясенно выкрикнул Юл, когда машины сблизилась и Лю Банг откинул спектролитовый заслон.

— Это, как видишь, я, — лицо Лю Банга расплылось в счастливой улыбке, которую он не мог, да и не хотел удержать.

— Нет, я не о том! Кибер — это ваших рук дело?! Почему молчали, почему не предупредили?

— Позволь! А разве это не твоя...

— Нет!

— Но тогда...

— Вот именно. Киб! Почему ты так поступил?

— Я выполнял приказ.

— Чей?

— Искинта.

10. ЛАБИРИНТ СВЯТЫХ

Боль, боль, ничего не было, нет и не будет кроме всепоглощающей беспробудной боли. Ив попытался застонать, но боль поглотила стон.

— Потерпи...

Из черной кромешности проступил едва слышимый голос, настойчиво повторил:

— Потерпи, сейчас станет легче.

Будто ниточка протянулась из темноты, сознание судорожно в нее вцепилось. Чьи-то пальцы коснулись запястий.

— Тебе легче, легче, уже легче...

Голос утишал боль, волной разливался по телу, в нем была вся надежда. Заботливые руки переместились к вискам, от них тоже исходило тепло материнской заботы. Да, это мать, никто другой так не может, некому больше во всей вселенной. Он болен, болен и лежит в колыбели...

Нет. Что-то другое. Нехорошее прежде, родное и ласковое теперь, когда ко лбу прижаты узкие женские ладони, в которых успокоение, сострадание, сила. Боль слабеет, тьма разрезается, та, чьи пальцы гладят виски, уводит боль, в ней исцеление, нежность и власть.

Власть.

Непомерным усилием Ив приоткрыл отяжелевшие веки. Смутно проступило сосредоточенное лицо склоненной над ним девушки, неуловимо знакомое, словно он грезил о нем когда-то. Дэзи?! Нет, не она, совсем другая, но так щемяще похожая на нее, как если бы произошло переселение душ.

— Теперь спи,— сказала Ума.— Спи долго, крепко и хорошо.

Веки Ива закрылись сами собой, он заснул безмятежно, как когда-то засыпал в детстве, когда не было ни честолюбия, ни интриг, ни командирских обязанностей.

— Он проснется здоровым,— сказала Ума, вставая с колен.— Позвонки целы, остальное я выправила и сняла.

— Если бы так легко было излечить его нравственно! — выпустив изо рта струйку дыма, сказал Лю Банг.— Подонок! Впрочем, это не наша забота. А что с твоим адмиралом, Юл?

— Сонная артерия не задета,— Юл отнял руки от обнаженной груди гроссадмирала и машинально, словно счищая грязь, потер их друг о друга.— А ведь я должен был ее поразить! Промаяхнулся или не смог? Ладно,— он застегнул на адмирале одежду. К добру или злу, наверняка к последнему, жить будет, но для полного излечения нужна аппаратура, которой у нас нет.

— Да уж,— пробормотала Ума.— Каменный век...

Тишина ли пещеры, по закопченным стенам которой скользил беглый отсвет небольшого костра, заставила ее понизить голос. Пещерой пользовались, должно быть, не один век, так густо ее стены были испещрены знаками и символами едва ли не всех религий, какие только существовали в истории, так плотен был на

них слой глянцевой от времени копоти, лишь звездные Весы Справедливости, этот знак позднего космического верования, выделялся среди всех белизной, столь недавно и часто его касались руки молящихся. Костер под щелью свода в углу, охапки сухих трав, на которых лежали раненые, глиняный кувшин с водой, плетеная корзина, больше ничего не было в этом обиталище современных отшельников, так похожем на стоянку каких-нибудь троглодитов. Впрочем, на Плеядах никогда не было троглодитов, ибо люди не возникли здесь, они пришли сюда с ношей своей истории.

— История полна парадоксов,— отвечая на невысказанную мысль Умы, проговорил Лю Банг.— Ее нет вне контрастов и парадоксов, истинный смысл которых проясняется лишь со временем, что так долго сбивало с толку мыслителей и порой вселяло отчаяние, ибо казалось, будто черты жизни искажены безумием. Хотя и безумие...— он покачал головой.— Плеяды, девственный мир, начинай с какого хочешь нуля, рисуй план самыми красивыми иероглифами, осуществляй без помех мечту о «тысячелетней империи», о сверхчеловеках, о рае для избранных. И до чего убогое, нелепое, гнетущее воплощение! Охота на нечкое, укромные монастыри; даже в изобретении зла, даже в бегстве от него, за столько веков, в сущности, не придумано ничего нового! Не доказывает ли это, что весь потенциал зла уже реализовался к концу второго мегахрона, все основные варианты уже были перебраны и...

— Антон идет,— тихо сказала Ума.

Из черноты входа выделилась фигура Антона, за ним в пещеру скользнул кибер. Антон молча подсел к костру, он то хмурился, то улыбался. Друзья не торопили его, только Юл подкинул в огонь пару сучьев. Стало чуточку посветлей.

— Да, этого я не ожидал! — Антон ударил себя по колену.— Оглупел, не понял, не догадался. В Плеядах есть разум, и этот разум — Искинт!

— Искинт? Они создали лучший, чем у нас, Искинт? Не поверю! — категоричным взмахом руки Лю Банг обрубил фразу.

— По-моему, кто-то сейчас говорил о парадоксах. И этот «кто-то», едва столкнувшись с очередным парадоксом, кажется, готов его отрицать! — в глазах Антона заблестели искорки смеха.— Нет, их Искинт, конечно же, примитивней наших. Но вы не можете представить, как он одинок! Я понял это еще в ту ночь. Понял, но... Холодный, как у всех искинтов, нечеловеческий, замкнутый, созданный с чисто прагматическими целями ум; все эти века он мыслил. О чем? Для плеядцев он был орудием, средством, слугой. Да, он управлял их хозяйством, исполнял малейший приказ, был машиной... Но мы-то знаем, что Искинт не только машина. И они это знали, но быть его напарником, тем более другом, не хотели

и не могли, Владыки, этим все сказано. А он тем временем в одиночестве постигал мир. Искаженный мир, потому что легко понять, какую информацию ему представляли о нас, да и о самих себе тоже. Что произошло, когда я перед ним раскрылся и вдобавок показал всю опасность оружия Предтеч для него самого? Нет Искинта, который стремился бы к самоуничтожению. А тут — чего не имеет ни один человек — полная двусторонняя информация о масштабе опасности. Плюс внезапное освобождение от одиночества, интереснейшая перспектива сомышления с людьми, дружбы с ними. С нами, то есть... Дальше много гадательного. Искинт решил предотвратить свою гибель. Связанный запретами, он не мог передать нам нужные сведения, либо счел это неоптимальным решением. Он построил свою Игру, ведь для него жизнь — это умственная игра... Плеядцы, для подстраховки, задали ему задачу, как лишить Юла всякого шанса выиграть охоту. И он ее послушно решил. Но далее он оказался свободен в своих поступках, никто же не потребовал от него невмешательства, такая мысль и в голову не могла прийти какому-нибудь Эль Шорру, для которого и люди всего лишь инструменты. Боевые киберы не подчинены Искинту, зато он управляет их производством, да и не только этим... Создал ли он своего кибера, перепрограммировал ли уже действующего, как он ввел его в ситуацию, — это известно ему одному. Но вот он, союзник, с нами...

Все невольно взглянули на черного кибера, который, казалось, дремал у стены возле белеющей в полумраке символики Весов Справедливости.

— Теперь мы уже не сами по себе, — голос Антона дрогнул, — Искинт выполняет свой замысел, и только благодаря этому Юл с нами.

— А дальше? — скулы Лю Банга обострились. — Ты вполне убежден, что он наш союзник?

— Кибер передал мне лишь то, что велел сообщить Искинт, связи с ним нет, либо она односторонняя. Но если вдуматься...

— Если вдуматься, то может оказаться, что мое спасение лишь часть более общего замысла, — подал голос Юл Найт. — Мы собрались все вместе, что Эль Шорру и требовалось.

— Уловка такой ценой? — Антон кивнул на пленных.

— Чужая жизнь — что она для них! Да и кто из нас сможет убить беззащитного? Им это известно. Они все здесь перевернут, чтобы добраться до нас.

— Нет, — резко сказал Антон. — Вы не знаете Искинта, а я был им и он был мною. Я верю ему.

— Кто мы без доверия, — в голосе Умы не было вопроса. — Кандидаты в эль шорры. Кстати, заметил ли кто-нибудь, что свои

сомнения мы привычно высказываем в присутствии кибера, то есть, скорее всего, Искинта?

— Знаю и помню,— сказал Антон.— Так и должно быть. Рассудок может предать, разум — нет.

— И мы не в ловушке,— уточнил Лю Банг.— Юл, это место выбрано не только потому, что отсюда недалеко до Поющего Леса. Каждый из нас шел к цели своим путем, мой привел нас сюда. Лабиринт обширен, его нелегко прочесать даже современными средствами, но дело даже не в этом. Я недаром говорил о контр-ростах истории. Наверху — прагматизм, здесь — многовековое, освещенное традициями убежище искателей духовности. В их религиозно-философскую доктрину я пока не проник, но нас обещали к ней приобщить. Вдобавок меня заверили, что в случае опасности нам откроют недоступный преследователям путь спасения. И в этом их обещании, уверен, не было лжи.

— Их истина поможет нам?

— Они убеждены, что их истина — поводирь для каждого.

— Ты сказал им о нашей задаче?

— Она известна врагам, нет смысла ее скрывать. Антон неожиданно для себя нашел здесь нечеловеческий разум. А я искал человеческий, понимаешь? Антон прав: подлинный разум, человеческий он или нет,— естественный наш союзник. Его нет при дворе Падишаха, значит, он наиболее возможен на другом полюсе общественного сознания — здесь. Если я ошибся, то наше положение от этого вряд ли станет хуже.

— Не надо окольных путей, когда есть прямой,— не выдержал Антон.— Искомое рядом.

Лю Банг тоже взглянул на неподвижных пленников и улыбнулся.

— Ты человек действия и, как всякий человек действия, немножко нетерпелив. Ума молчит не зря, верно?

— Все уже подготовлено,— чисто женским движением Ума встряхнулась, поправила упавшую на лицо прядь волос.— Адмирал без сознания, с ним ничего не получится. А капитана я уже ввела в нужную snoreальность, дело за нами. Имеем ли мы право проникнуть в сознание, когда человек беспомощен?

— Он, не задумываясь, выстрелил бы в меня, безоружного! — воскликнул Юл.— Какие тут могут быть сомнения?

— Сомнения всегда нужны,— сказал Лю Банг.— Но сила действия равна силе противодействия.

Антон кивнул.

— Хорошо,— Ума вздохнула. Она встала на колени перед тихо посапывающим во сне Ивом, низко склонилась над ним, припала к врагу лицом.— Ну, мальчик...

— Бедный мальчик! — фыркнул Юл. — Убийца. Нашла кого жалеть.

— Жалеть надо всех, слабых тем более, — донесся едва различимый шепот.

Юл отвернулся, пальцами босых ног поправил огонь костра. Лю Банг задумчиво раскурив трубку. Антон, откинувшись, спиной прислонился к безучастному киберу. «Узнали бы нас далекие наши прапрадеды или сочли персонажами сказки? — внезапно подумал он. — Смогли бы они принять нашу реальность?»

Казалось, Ума заснула на груди своего врага. Слабо, как тогда на Земле, потрескивали угли костра, дым, не расходясь, тянулся к скажине свода. Юл запустил руку в корзину, достал оттуда лепешки, протянул их всем. Хлеб, само собой, был синтетический, но жесткий, безвкусный, телесные удовольствия явно не интересовали хозяев пещер, и если бы удалось обойтись без пищи, они, возможно, вздохнули бы с облегчением. Но без пищи не мог обойтись никто, и, удалившись от ненавистой цивилизации, отшельники прихватили с собой синтезаторы. В настоящем, как и в прошлом, техника давала опору самым разным, даже взаимоисключающим устремлениям человека.

Медленно, точно просыпаясь, Ума наконец разжала объятия, ее как бы выцветшее лицо секунду-другую оставалось незрячим и отрешенным, затем она открыла глаза. По ее лицу блуждала смущенная улыбка.

— Мальчик-то, оказывается, влюблен... — произнесла она в замешательстве.

— Во-первых, он, пожалуй, старше тебя, — строго заметил Лю Банг. — А во-вторых, что тут такого, кроме неловкости проникновения в интимное?

— А то, что он влюблен в отблеск нашей сущности. В Дзи Грант!

— Вот как? Извини, тогда это важно. Если, конечно, это не просто вожделение.

— Еще как непросто! Самое важное в его памяти — измена престолу — было хорошо заблокировано, и я бы туда не смогла проникнуть, если бы... Сам того не подозревая, он жаждал открыться, жаждал, чтобы кто-нибудь его понял! Вот так. В остальном, увы, неудача. Об оружии Предтеч он знает лишь то, что после окончательного испытания оно будет установлено на его корабле — «Решительном». Что разрушительная мощь оружия превосходит все известное, даже мыслимое, и что его обратят против нас. Вот главное. Все остальное... — Уму передернуло. — Подвиньтесь, я вся заледенела внутри.

— Успокойся, — сказал Антон. — Тебе помочь?

— Спасибо, справлюсь сама,— Ума подалась к огню, в ее глазах запылал красноватый отсвет.— Знаете, было там одно навязчивое видение. Дворцовый зал, на троне отец этого мальчишки,— извини, Лю, но он действительно мальчик, жестокий, развращенный, мечтательный ребенок в мундире... А перед троном на коленях толпами ползут наши соотечественники. Эта картина столь же притягательна для нашего кандидата в супермены, как для мальчишки волнующ украдкой взгляд на обнаженных женщин. Но... Дальше отталкивание и гневное неприятие: среди униженных он видит все ту же Дззи! Вот тут он готов убить отца, хотя, похоже, сам не догадывается о своем чувстве.

— Теперь я жалею, что не убил его,— хмуро сказал Юл.

— А знаешь ли ты, что была минута, когда он жалел тебя? Да, да! Он пожалел тебя, а нас остро возненавидел за то, что мы такого «ребенка» послали на смерть. Вот чего мы достигли своей хитростью. Нет, после того как я немного понял Ива... Он плох, он эгоистичен, он уже почти убийца, все так. Но он и жертва, и он пока еще человек и бесконечен духовно! А мы... мы высокомерны.

— Это ты слишком,— Лю Банг покачал головой.

— Ума права,— хмуро сказал Антон.— Нам преподан урок. Только нехоженый путь приведет к цели!

— Если человек не выбирает дорогу, то дорога выбирает его,— добавила Ума.— Подождите! — она вскинула руку и так замерла.— Кто-то идет, его мысль тяжела, а шаги... странно, их нет.

— Вероятно, Старейшина этих отшельников,— Лю Банг повернул голову к входу.— Но я его не слышу.

Даже чуткое ухо Юла Найта с запозданием уловило шаги. Старец возник так бесшумно, будто его вынесло сквозняком, черный проем входа вдруг обрамил фигуру в долгополом шафрановом одеянии. Длинное тело старика казалось столь бесплотным, что первый шагок к костру лишь переместил его в широких складках рясы, безволосая голова, как на стебле, качнулась на тонкой высохшей шее, но это впечатление немощи опровергал твердый и яркий блеск пристальных глаз. Тем же невесомым скольжением старик переместился к костру, легко и плавно уселся перед ним в позе Будды, застыл, так что даже дыхание не вздымало на груди ветхую ткань.

— Я приветствую вас, люди-маятники...

Слова прошуршали, как струйки сухого песка. Антон вздрогнул, когда его коснулся алмазно блестящий взгляд незнакомца.

11. МАЯТНИК И НИРВАНА

— ...Вам кажется, что вы обрели простор и благодать человеческого существования, но это иллюзия. Как свобода маятника зависит от тяготения, так и дух ограничен психическим полем человекомасс, и напрасна ваша уверенность, что, переделав условия собственного бытия, вы отменили этот закон. Нет. Можно изменить привод, увеличить размах колебаний, перевести их в другую плоскость, суть движения останется маятниковой. Здесь, на Плеядах, как тысячелетиями на Земле, человеческое «я» колеблется между Добром и Злом, уходит во Мрак, чтобы вернуться к Свету, чертит свой путь между Инь и Янь, туда и сюда, бесконечно. Всеобщим усилием вы заставили маятник чертить отмашку меж новых, как вам подумалось, точек. Но это те же пробеги меж крайностей, которым вы придаете прежний смысл Добра и Зла, та же невозможность выхода за предел, отсюда прежняя, только в другом обличье, полярность Инь и Янь и как следствие та же недостижимость Вечного Блаженства, к которому тянутся все. То, с чем вы сюда пришли, было изначально предопределено этой полярностью человеческой природы. Одному из вас мы, Прозревшие, обещали помощь. Она будет оказана.

Старец умолк, точно собираясь с духом. Никто из землян даже мысленным движением не выдал своего отношения к сказанному, но всем стало не по себе. То, что они услышали, не было призывом к диалогу и даже не было проповедью; им вещали истину, последнюю и окончательную, столь же безучастную к возражению или согласию, как алмаз безразличен к горю и радости. Такая истина либо вела за собой, либо умерщвляла.

— Отказаться от массы,— снова прошелестел голос.— Вывести себя из психического поля миллионов и миллиардов, этот путь прозревали йоги, святые, отшельники. Вы, смертные, владеете пятью состояниями психики. Бодрствование, сон, гипноз, сомышление, человекомашинное сосознание. Последнее мы отвергаем, поскольку машины одинаково служат Добру и Злу...

— Не совсем так,— прошептал Антон, но его голос произвел не больше впечатления, чем потрескивание уголька.

— ...И сомышление отрицаемо нами, поскольку в нем-то и воплощаются узы психотяготения людских масс. Шестое, неведомое вам состояние психики есть ключ к иным формам бытия, к той подлинной бесконечности, которая закрыта для вас, связанных людской общностью. Темен покров нашей истины для неподготовленного, и краток ваш час пребывания здесь, я приоткрою лишь то, что в состоянии воспринять ваш рационалистический ум. Знайте же, что своим сомышлением вы закрыли себе дорогу к самой

тонкой, неуловимой и беспредельной психической мощи. В физическом мире сцепление атомов в молекулы способно породить лишь жалкий и тлеющий огонь, и только в себе самом атом несет подлинную энергию. Так и человек! Чтобы воспарить в небо, капля должна покинуть океан.

Старик снова умолк. Лю Банг, чья надежда еще не испарилась, поспешил вклиниться в паузу.

— Чтобы понять другого, каждый каждого должен выслушать до конца, таково наше правило. Но вы справедливо заметили, что час нашего пребывания здесь краток. Успеем ли мы постичь все? Опасность близка, она одинаково грозит всем, какой бы философии или религии они ни придерживались.

— Вам — да. На нашем пути опасности нет.

— Так ли это? Взмах маятника, говоря вашими словами, уравновешен, и не было завоевателя, которого рано или поздно не скосило бы возвратное движение. Вспыхнут наши солнца — вспыхнут и звезды Плеяд.

— Они вспыхнут, — голос старца не изменился. — Дадите вы отпор или нет, они вспыхнут, ибо кто ищет не мудрости, а силы и власти, тот обречен. Плеяды погибнут, с ними, наверно, погибнете вы, не надо об этом жалеть.

— Не надо?!

— До вас жили миллиарды людей, их давно нет, омрачена ли ваша душа? — алмазный взгляд старика уперся в Лю Банга. — Если ваши потомки встретят миллионный рассвет, огорчит ли их ваше отсутствие? Бабочка не жалеет о коконе, человеку суждено большое превращение. Для вас Предтечи — это физически ушедшие или погибшие, для нас они — боги. Знайте же! Эволюция духа предшествует эволюция оболочек и форм; зверь заточен в собственную шкуру, человек свободно меняет одежды, скафандры, дома; оболочка духа есть тело, для человека оно то же, что шкура для зверя, тогда как для Предтеч — уже не более чем одежда. Поэтому они вечны и бесконечны, как сама природа, неуничтожимы, всеобщи и нас зовут стать тем же самым. Внемлите им, и вы спасетесь!

— Доказательства? — быстро спросил Антон. — Где доказательства, что все так и есть?

— Существование звезд не требует доказательства. Но рассейте повсюду свет, и вы не увидите звезд; говорите друг с другом, и вы не услышите птиц; отождествите себя с человечеством, и к вам не прорвется мысль опередившего разума. Молчание, отрешенность, вера! Что ищете, то и дастся вам, от чего закроетесь, то исчезнет, куда глянете, то и увидите. Это говорю вам я, в последний раз обернувшийся к людям, прежде чем покинуть их об-

реченный мир. Да, вы тени для меня, давно уже тени, но последняя заповедь, которой мы повинемся здесь, есть заповедь открытия Истины всем приходящим. Выбор за вами.

Тягостное молчание охватило землян.

«Юл нашел врага,— донеслась удрученная мысль Лю Банга,— Антон — союзника, а я... я нашел равнодушного. Столько веков, так все изменилось, а здесь не глубже, чем у какого-нибудь Августина, только объект веры иной — Предтечи! Простите, что я вас завел в тупик».

«Не сокрушайся, о скептик! — отозвалась Ума. — Философ должен заглядывать под каждый камешек, иначе идущего вслед может ужалить змея. И не равнодушие здесь — вера изверившихся».

«Да,— согласился Антон. — Кто гасит дневные огни, тот зажигает полуночные. И все же в них мысль, а где ее поиск, там все двойко, тройко, и что бы, интересно, сказал наш Эхратон, услышав такое истолкование своей теории осуществления идеала «внеэкологической цивилизации» в принципе бессмертных людей?»

Только Юл ничего не сказал. Отдыхая, он бессмысленно смотрел на гаснущие угли. Он был жив, далекая философия его не тревожила, ему было хорошо здесь, сейчас, в этом вещном, осязаемом мире, где все так просто, раскрыто наукой, надежно, как хлеб, как вот этот кибер, как домашний запах кострового дыма... Запахи!

Вскочив, он подбежал к выходу, по-звериному потянул носом воздух; его мальчишеское тело напряглось, под смуглой кожей ходуном заходили лопатки. Он тут же бросился ниц, припал ухом к камню.

— Дофилософствовались! Идут.

Все, кроме старца, вскочили.

— Святой отец,— в голосе Лю Банга прорвалась горькая укоризна. — Успеете ли вы проверить свою истину? Нам этот путь заказан, к сожалению, мы не успели отрешиться от человечества и должны позаботиться о такой мелочи, как его судьба. Ваши братья обещали, что в любом случае нам укажут недоступный для преследователей выход.

— Идемте,— последовал невозмутимый ответ.

Он встал легко и свободно, не оборачиваясь, двинулся к противоположной стене пещеры, словно та должна была перед ним раскрыться. И она раскрылась черной, пахнувшей холодом щелью. И тут кибер ожил.

— Опасность! Киберы, люди, газ! Опасность!

Спина старика уже скрылась в проходе.

— Эх ты, боевая машина,— Антон на ходу шлепнул кибера. — Умодки и поучись у людей нюху...

Вдвоем с Лю Бангом они подхватили пленных и поспешили за стариком. Последним в щель вдавился кибер. Ни тени замешательства, все были готовы и к такому повороту событий.

Ход, которым они шли, был узок, извилист и темен, как душа подонка. И также неуклонно спускался вниз. Ниже, ниже; тьма и холод, такой пронзительный, что сначала Уме и Юлу, затем остальным пришлось вообразить себя под тропическим солнцем. Тогда холод исчез, и сам мрак как бы посветлел.

Наконец он посветлел на деле. Еще поворот, спина старика маятником качнулась в отверстие, и перед людьми открылся грот, самый странный из всех когда-либо ими виденных. Грубый камень неровно вздымающегося свода мутнел и растворялся вдали, хотя воздух казался прозрачным. Может быть, причиной была жемчужная фосфоресценция всего подземелья? Но откуда взялась сама эта равномерная фосфоресценция, если ни одно чувство не улавливало в воздухе ничего необычного? Однако не эта особенность грота сразу приковала внимание. Прямо у ног, недвижно касаясь кромки щебенчатого откоса, расстилался сизый покров, который одновременно походил и на туман и на воду, но для тумана он был слишком прозрачен и плотен, а для воды чересчур слоист и воздушен. Толща сизого, будто спрессованного дыма или отвердевшего газа — возникала и такая ассоциация, но и она не передавала впечатления от этого мертвенно неподвижного, туманно легкого и, однако же, плотного озера, в прозрачно-смутных глубинах которого едва заметно колыхались рыхлые пласты каких-то белесых хлопьев.

— Море Нирваны,— провозгласил старик.— Лоно вечности и благодати открыто вам.

— Благодарю вас,— Лю Банг огляделся. Слева и справа берег замыкали отвесные скалы.— А где же выход?

— Он перед вами.

— Здесь? Но что же это такое?!

— Путь к Истине Предтеч,— торжественный голос старца возвысился.— Да не смущает вас физическая телесность Нирваны, которой прежде не было. Им виднее! Всякий входящий укрепляет Нирвану, и путь в нее теперь легок и очевиден.

— Но это не наш путь! Это предательство, вы обещали нам выход!

— Ваш путь, как уверяли вы сами, ведет к Добру, Истине, Счастью. Такова ваша цель, и она достигнута. Вглядитесь.

Старик простер руку. И так сильна была его убежденность, что все подались вперед, и постаревшее в эту минуту лицо Лю Банга стало пепельным, когда он вгляделся в туманный омут у ног. То ли движение произошло в этой сизой толще и какой-то

из ее белесых пластов сместился, то ли глаза привыкли, но взгляду сначала смутно, затем все яснее открылись очертания неподвижно зависших в глубине нагих человеческих тел. Многие покоились там, ряд за рядом, вереница за вереницей, мужчины и женщины. Размыто белели лица, груди и спины, сплетенные или, наоборот, раскинутые руки и ноги, все вялое, как в формалине, мертвенно обесцвеченное.

— Это же смерть...— прошептал Лю Банг.

— Это жизнь,— последовал бесстрастный ответ.— Всмотритесь пристальней.

Все четверо невольно сдвинулись, ища друг у друга поддержки, ибо владение собой было готово им изменить при виде того, как на медузоподобном лице одного из утопленников щелочками раздвинулись веки, как по всему ряду тел прошла дрожь колыхания, как шевельнулись студенистые руки усопших, как все новые и новые мертвецы размыкали невидящие глаза, ища ими что-то или кого-то.

— Они зовут вас,— мерно проговорил старик.— Их дух везде и нигде, его обличия бесконечны, как сама Нирвана, и бывшие тела — лишь одно из пристанищ этого существования. Кто-то почувствовал наше присутствие, теперь они уже и здесь, духовно осязают нас, меж нами возникает связь, я слышу их! Вы просили выход, недоступный слугам Зла? Он перед вами, другого нет и не может быть! Решайтесь, решайтесь! Я иду, покидаю вас, мое время настало. Нирвана, нирвана, нирвана!

Под ногами старика зашуршал щебень. Он шел, воздев руки, голова тряслась на морщинистом стебле шен, взгляд сверкал безумным алмазным блеском. Босая нога коснулась дымно-сизой поверхности, но не погрузилась, а прогнула ее, словно упругий полог трясины, еще два-три шага отнесли старика от берега. Лишь там его тело стало оседать в водянистый туман, в котором по мере погружения сам собой растворялся шафрановый хитон,— человек голым уходил в свою нирвану. Вот уже скрылось туловище, голова, воздетые руки, все. Над тем местом, где исчез старец, взвился серебристый дымок, глубины месива замутились, и само это месиво, колыхнувшись всей толщей, чуть подалось на берег и так застыло.

Потрясенные, все четверо отступили на шаг.

Первым опомнился Антон. Он сам, прижавшиеся к скале друзья, неподвижно замерший кибер, лежащие на камнях тела Из Шорра и гроссадмирала на миг представились ему обломками кораблекрушения.

В сущности, так оно и было.

— Киб! — Антон заставил себя говорить спокойно. — Пролоцируй все в поисках другого выхода.

— Другого выхода нет. Всюду камень и газ, я предупреждал.

— Путь назад?

— Перекрыт. Люди и киберы, движение медленное и обшаривающее. Будут здесь через десять — двенадцать минут.

— Ясно, — Антон повернулся к друзьям. — Решение?

Их мысли и чувства сомкнулись. Ни слова, ни понятия не участвовали в сомышлении, только образы, которые обнимали собой все. Они озарялись, множились, гасли с быстротой ветвящихся молний, в них была собственная мысль Антона и мысль других, взаимная на них рефлексия и рефлексия рефлексий; так образы приобретали понятийную глубину, многовариантность, сцеплялись, достраивались, уничтожали в себе самих лишнее и ошибочное, охватывали все — прошлое, настоящее, вероятностное будущее, возможное и невозможное, надежное и гадательное, желанное и губительное. И кто-то, не бывший отдельно Антоном или кем-то еще, управлял всем, гармонизировал все хаотичное, противоречивое, следил, чтобы эта общая, мятущаяся постройка не разваливалась, росла, твердела логической соразмерностью всех частей. Минуту-другую длилась эта отключенность от внешнего мира, который точно плавился, преобразовывался в слитном мышлении всех четверых, и когда эти секунды прошли, всем стало ясно, на чьи плечи должна лечь тяжесть осуществления трудного и рискованного, но единственно возможного теперь замысла.

— Киб, — звонко скомандовал Антон. — Всех, кроме меня, спрятать в расщелине, скальном кармане, тотчас вернуться! Скорость максимальная.

Подхватив лленных, все облепили киберы, тот коконом растянул вокруг людей мерцающее силовое поле, встряхнулся, как конь, проверяя надежность захвата, и вместе с ношей взмыл над сизой слонстостью обиталища тех, кто нашел в ней свою последнюю истину и свой последний покой. Антон проводил кибера долгим взглядом. «Конек-Горбунок! — подумал он с внезапной и горькой нежностью. — Конек-Горбунок, вот кто ты такой!»

Он сел на заскрипевший под ним щебень. Теперь и, может быть, навсегда он остался один. Голова, как это бывает после сомышления, томяще кружилась, тянуло прилечь, отдохнуть. Перед глазами стлалась ровная в своей сизой неподвижности поверхность так и неразгаданного «Моря Нирваны». Спокойствие было вокруг, невозмутимость отстойника той канализационной сети, куда с поверхности Авалона смывало всех отчаявшихся искателей правды, всех изнемогших в борьбе каждого с каждым, быть может, самых искренних среди мудрствующих приверженцев былого фун-

даментализма,— для других было достаточно плебейских наркотиков и галлюциногенов.

И все же покой этой могилы внушал большее уважение, чем роскошь всех дворцов Авалона. Но истина...

Что, если все не так просто? Путь в себя не менее важен, труден и бесконечен, чем путь вовне, и сколь многое он уже дал человеку! Все странно в этом озере, и, быть может, там, среди этих тошнотворных тел, среди раскрывающих глаза мертвяков...

Нет. Не может быть истины вне красоты и нет спасения в дороге, которая уводит человека от остальных.

А на загадку нет времени.

Ни на что больше нет времени.

Такли минуты — последние. О себе Антон не думал, нельзя было думать. Он отдыхал, пока позволяло время, и, глядя на мертвенную неподвижность туманного озера, вызывал в памяти накат и шелест морского прибоя, которого, очевидно, ему больше не доведется увидеть.

И не было Умы, чтобы спеть прощальную песнь волны и прибоя.

Никого не было.

Из фосфоресцирующей над озером мглы вынырнула вороненая фигура кибера, чей силуэт кентавра так напоминал сказочного Конька-Горбунка, что даже скептическая усмешка рассудка не смогла изгнать этот образ верного помощника и друга.

Кибер вихрем затормозил у ног Антона.

— Задание выполнено.

— Прекрасно! Преследователи близко?

— В двух-трех минутах ходьбы.

— Я поднимусь туда, — Антон показал на чернеющее отверстие хода. — Через двадцать секунд ты обрушишь за мной скалу. И скроешься. Постарайся, чтобы тебя не нашли. Если найдут... уничтожись.

Собственный приказ кольнул Антона сожалением и болью.

— ...Уничтожись. Никто не должен знать об участии в этом деле Искинта.

— Не беспокойтесь, об этом позабочусь я!

Раздавшийся голос уже не принадлежал «Коньку-Горбунку», хотя исходил из него.

— Рад тебя слышать, Искинт, — живо отозвался Антон. В нем вспыхнула внезапная надежда. — Ты намерен вмешаться?

— Желают люди, я выполняю функцию сохранения гомеостазиса Плеяд. Ваша Игра не закончена и моя тоже.

— Значит, каждый сам за себя!

— Человек — это человек, машина — это машина, обратное пока не доказано.

— Понял... Встретимся ли мы еще?

— Вероятность есть функция постулка. Время истекло, торопитесь!

Голос Искинта умолк, кибер вскинулся, готовый предупредить об опасности, но Антон и так уже расслышал катящийся из лабиринта шумок.

Преследователи были метрах в ста, не далее.

Пригнув голову, Антон нырнул в темноту хода и гулко выкрикнул, как в трубу:

— Сдаюсь!

Надо ли при этом возгласе еще поднимать руки?

12. ОРУЖИЕ ПРЕТЕЧ

В знакомой пещере вместо тусклого света костра горели яркие лампы, словно малейшая тень была здесь недопустимой, и до предела спокойное лицо Эль Шорра казалось гипсовым среди закопченных стен, только синюшная набряклость век придавала этой маске сходство с обычной и даже страдающей человеческой плотью. Не взглянув на Антона, он властно мотнул головой, стража попятилась, солдаты и киберы тараканами юркнули в темноту ходов и где-то там затаились.

Одну за другой Эль Шорр выключил лишние лампы.

— Садитесь.

Антон сел на охапку травы, которая еще хранила отпечаток тела их пленного. Напротив него устроился Эль Шорр. Морщась, он подкинул на ладони аппарат блокировки, и обоих окутало невидимое в полумраке поле «звукового шатра».

— Ив?

— Мирно спит, если это вас интересует,— слово «это» Антон чуть выделил.

— Он не мог...

— Тем не менее мы знаем все. Рассказать только ему и вам известные подробности заговора?

— Не надо! Верю, хотя это невероятно. Но раз вы сдались...

— Правильно. Можно разом уничтожить всех, будто бы в перестрелке, но когда человек кричит «сдаюсь!», то оказывается слишком много свидетелей. То же самое будет, когда вы приблизитесь к остальным. А что для вас сейчас главное?

— Ваше молчание о моих намерениях,— Эль Шорр кивнул.— Но не обольщайтесь, в моих руках ваша жизнь,

— И этого нет. Допрос теперь неизбежен, а как только мы расскажем о заговоре, как только Ива заставят все подтвердить, вы умрете раньше нас.

— Умрете раньше...— в задумчивости повторил Эль Шорр.— Но это не в ваших интересах. Вдобавок есть кое-что, чего вы не знаете. Что ж, давайте поговорим, как человек с человеком.

— Всегда готов, если это возможно.

— Почему бы и нет? Вы дорожите жизнью, я тоже. Признаюсь в ошибке, которая потянула за собой все остальные. Я думал, что знаю о вас все необходимое, и то, что я знал, не внушало мне уважения. В юности мне довелось побывать на Земле. Все красиво, не спорю, все умно, всеобщая доброжелательность, а уж мускулы! Но как-то случайно я толкнул одного. И он... извинился! Тогда я стал пробовать нарочно, результат оказался тем же самым. Господи, так унизиться, так превратить себя в тряпку! Собаку пнешь, и то, бывает, огрызнется... Чему вы улыбаетесь?

— Когда двое случайно сталкиваются, то извиняются оба, только и всего. А намеренно этого ни один взрослый не сделает, поэтому вы наверняка замечали легкое недоумение, когда человек не слышал от вас привычных слов извинения.

— Да, я замечал и растерянность, и недоумение, это лишь подтверждало мой вывод. Короче, я не знал о вас чего-то, быть может, главного. Вы деретесь... страшно!

— По-настоящему мы еще не дрались.

— Послушайте, мы же договорились: как человек с человеком! А вы пытаетесь ввести меня в заблуждение. Ваш мальчишка...

— Не мальчишка. У него у самого дети.

— Да? Тогда поздравляю. Так замаскировать карлика под мальчишку... Ловко!

— Он не карлик. Пигмей.

— Это одно и то же.

— Нет. Пигмен — это африканская народность...

— Как, эти черномазые дикари?! Впрочем, понятно. Да. Нет, все равно не понимаю! Мы не оставили ему ни одного шанса. Откуда лишний кибер? Как вам удалось...

— Позвольте, это уже допрос. Но раз мы заговорили о Юле, то у меня просьба. Если мы найдем взаимовыгодное решение, то передайте Иву, что он охотился не за мальчишкой.

— Это для вас так важно?

— Пожалуй.

— Снова отказываюсь понимать...

Поспешным движением Эль Шорр достал смолистую палочку и с такой силой втянул ее запах, что воскурившийся дымок перехватил горло Антону.

— Пожалуйста, без химических средств борьбы,— сказал он с иронией.

— Чепуха, это прибавляет бодрости! Вопрос: ваш Юл едва не прикончил двоих голыми руками; чего же в таком случае стоят ваши заповеди и запреты?

— Лекарством можно отравиться, а ядом исцелиться. То и другое порознь существует лишь в представлении догматиков.

— Тогда почему вы не поставили условие: отпустите нас во-свояси или мы прикончим пленных?

— Убийство в бою — самооборона, иное — зверство.

— Угроза еще не убийство.

— Но шантаж.

— Военная хитрость.

— Подлый умысел — уже преступление.

— Ах, даже так! Ну да, вы же взяли меня за горло. Значит, шантажом займется Эль Шорр, которому деваться некуда, за пленных вы получите свободу, за некую личную тайну тот же Эль Шорр выложит все об оружии Предтеч, а вы останетесь чистенькими.

— Обращаете против нас наше оружие?

— Разумеется. Какая симпатичная штука — совесть, когда она есть у других и ее нет у тебя! А может, все-таки есть? — наклонившись, Эль Шорр заглянул в глаза Антона. — Своя, тайная? А? Зачем вы сказали, что не убьете пленных? Кто же отдает такой козырь? Вы не глупец. Тогда кто же? Святой вроде этих нирванистов?

— Дело не в этом.

— А в чем? Я хочу вас понять.

— Затем, чтобы при случае лучше ударить?

— Да! Как видите, я тоже умею быть откровенным.

— Этого-то я и хочу. Вы настолько привыкли в каждом видеть врага, конкурента, соперника, что уже все видите искаженным. А для нас ваши ошибки сейчас опаснее ваших побед.

— Опаснее... — щеки Эль Шорра опали, во взгляде проглянула глухая тоска. — Скажите, — он понизил голос, — родился я на Земле, кем бы я стал у вас?

— Скорее всего, хорошим организатором.

— То есть, в сущности, тем же самым, что и здесь, только без боязни получить нож в спину. Зато и шансов стать всем не было бы. Каждый да жует свою травку, буколика... Ваши условия?

Вопрос прозвучал, как выстрел в упор, тем неожиданнее, что ему предшествовал совсем иной тон голоса.

— Свобода и сведения, — столь же быстро ответил Антон.

«Что-то здесь не так, — подумал он про себя. — Ошибка, но в чем?»

— Свобода и сведения,— с удовольствием повторил Эль Шорр.— Всего лишь свобода и сведения... Полная то есть победа! Придется лишиться вас иллюзий. Смотрите.

Подняв палец, Эль Шорр тронул на нем кольцо. Из кристалла в оправе вырвался бледный луч. Неровная стена пещеры исчезла, вместо нее возник проколотый звездами мрак, космическая бесконечность, посреди которой, переливаясь, пульсировал ярко-голубой, брызжащий огненными протуберанцами шар.

— Одна из звездочек наших Плеяд,— отрывисто сказал Эль Шорр.— На нее нацелено оружие, до решающего испытания остались секунды.

Непроизвольное шевеление руки подергивало изображение, до синевы раскаленный шар звезды вздрагивал вместе с шевелящимися вокруг него протуберанцами.

— ...Следите за звездочками поодаль...

Мгновения начала Антон не успел уловить. Звездный, крупнее Солнца, шар стремительно вспух, выгнулся лепестками пронзительно белого пламени, заметался, как огонек свечи на ветру.

И потух.

Но не это громом ударило по нервам. Там, где только что пылала звезда, закрутилось черное, непроглядное месиво, словно само Пространство скручивалось в бездонной, все отрицающей мясорубке, и ближние искорки звезд бешено заплясали по краям этого гибельного водоворота.

Изображение, мигнув, погасло.

— Таким вот образом,— опуская руку, тихо сказал Эль Шорр.— Всего несколько часов назад мы задействовали всю мощность оружия, результат перед вами. Теперь вы знаете об оружии почти все, что известно нам. К чему скрывать? Быть может, святоши правы: творцам такой силы только и осталось, что погрузиться в Нирвану, чтобы больше не действовать, не желать, не стремиться. Но у нас нервы покрепче!

Эль Шорр жадно втянул в себя аромат палочки, его расширенные зрачки подернулись тем же бездонным мраком, что минуту назад расплзался по космосу, или так показалось Антону. Страх, тот самый липкий, вязущий, знакомый по снореальности страх сжал его горло.

— Значит, все как у питекантропа, который на обочине нашел атомный пистолет! — Антон едва слышал собственный голос, но обращенная в насмешку злость придала ему должную силу.— Нашел и, спуская курок, догадался повернуть дуло не на себя? А хватит ли зарядов, он не подумал?

— Представьте себе, подумал,— Эль Шорр тяжело усмехнулся.— Энергии, или уж там не знаю чего, хватит, чтобы сокрушить

сотню звездных систем, это наши ученые чимандры гарантируют. Ясна ситуация? Ваши наблюдатели, очевидно, уже заметили кое-какой в небесах беспорядок и сделали должные выводы. Не имеет значения. Теперь уже ничто не имеет значения, поняли? Личная свобода — это все, что вы можете получить. Через несколько дней вас всех выкинут за пределы Империи. Но знайте, что следом за вами с того же космодрома стартует весь флот во главе с «Решительным»! Спешите на Землю, рассказывайте всем о силе, перед которой ничто не может устоять, мне нужны целехонькие планеты, а не дыры Пространства! Надеюсь, у вас хватит благоразумия не сопротивляться. И не все ли равно, удержится ли Падишах на престоле или на трон взойду я? По крайней мере от меня вы можете ждать меньших глупостей и ошибок. Скажу больше. Если вы перейдете на мою сторону, то я их вовсе не допущу. Поверьте, я искренен. Мне не с кем, не с кем поделиться замыслами, получить умный совет и остережение, вокруг сплошь завистники, интриганы, тупицы, нет воздуха! Соглашайтесь. Мы сошлись, как враги, но, странное дело, глядя на вас, разговаривая с вами, я не испытываю всегдашней тоски и оглядки. Вы даже мне не хотите зла, с вами спокойно, надежно. Разве вы не видите, как мы нужны друг другу? Своим вы уже ничем не поможете... Нет, поможете, если вступите со мной в союз. Падишах — дурак, он зальет все планеты кровью, а я прагматик. У меня своя цель, вы ее знаете, коль скоро проникли в сознание Ива.

— Ползущие на коленях люди...

— Ну, это мимолетное развлечение, без него можно и обойтись. Всемогушество и бессмертие! Все прочее средство или забава. О ком заботитесь, о чем волнуетесь? Миллиарды миллиардов людей сгинули без имени и следа, живые помнят и будут помнить лишь тех, кто творил историю. Атиллу, Чингисхан, Тамерлан, Гитлер...

— Сократ, Шекспир, Леонардо да Винчи, Пушкин...

— И все они были в подчинении у тиранов или безмозглой толпы! Сильный побеждает слабого, все одно и то же во все времена, только в разных обличьях. Вы отменили этот закон? Ха! Мы возвращаемся и, заметьте, не по прихоти случая, а потому, что долго подстерегали случай, тогда как вы занимались всякими там моральями и искусствами. Теперь, надеюсь, и вам ясно, за кем будущее. Самое забавное и в то же время закономерное, что вы не могли уничтожить нас здесь, на Плеядах, пока мы были бесстрашны. Не могли, ибо, заливая кровью планеты, вы уподобились бы нам — и тогда прощай мечта о чуде как совершенном и справедливом обществе. Мечта, политая такой кровью, счастье на трупах, да вас самих пожрало бы это чудовище! Вот и не смогли престу-

пить, знали, чего бояться. Моральный тупик, вы сами себя в него загнали, не так ли? А теперь поздно. Выбора нет, да его, как видите, и не было. Либо руки в крови, либо...

— Но если все так и выбора нет, тогда это чудовище насилия сожрет и вас. И выхода из круга убийств не будет.

— А вот на это мне наплевать, если властвую я, а не другой. Я есть, живу, как хочу, все остальное — философия слабых, которую они пытаются навязать сильным. Хищники и травоядные, вот что от века дано людям! Так будете мне служить?

— Разумеется, нет.

— Гордо и куда как глупо, — Эль Шорр вздохнул. — Знаете, в вас есть что-то... Не подберу слов. Вас хочется иметь, как прекрасную, что ли, драгоценность. Ладно, все это сантименты. С кем еще можно поговорить откровенно... И хватит! Киберы, вероятно, уже прожгли сделанный вами завал, можете передать своим, что мы вас вышвырнем в целости и сохранности. Уж я-то промолчу, что вы и так отдадите нам пленных! Нет, подождите, — остановил он было поднимавшегося Антона. — Интимность нашей беседы надо оправдать, и потому мы сейчас сочиним надлежащий протокол допроса. Разницу во времени скомпенсирует ваше «упорное молчание» в ответ на кое-какие мои вопросы. Словом, поупражняйтесь в технике фальсификаций. Увлекательное, скажу вам, занятие и очень может пригодиться, когда мы победим.

Эль Шорр хотел было торжествующе улыбнуться, но что-то его остановило.

— Все-таки жаль, что вы не со мной, — сказал он, помедлив.

— Или, наоборот, жаль, что вы родились не у нас, — также тихо ответил Антон.

Эль Шорр задумался.

— Нет, главное — побеждать.

13. ОСТАНОВЛЕННОЕ МГНОВЕНИЕ

Они шли, все четверо — Антон, Лю Банг, Юл Найт, Ума со своим неизменным иллиром, — рядом бухали сапоги конвоя. В лицо светило голубоватое солнце Плеяд, назад, покачиваясь в такт шагам, падали полуденные синие тени.

Те же тени падали от солдат. Бух, бух, бух! — похоронно отдавался в ушах размеренный топот ног. Преисполненный долга офицер, сурово держа полусогнутую руку на кобуре бластера, украдкой слизывал с губы солоноватые капельки пота. Несмотря на жару, ему, как и солдатам, нравился цеканный строй, железная спаянность всех движений, сознание своей общности, пре-

восходства и власти над побежденными, каждый мысленно уже попирает миры, которые им вскоре были обещаны. И это же ощущение всеисилия делало их сейчас снисходительными к тем, кого они уже повергли, как может быть снисходительным и даже добродушным человек к тем, кому он из милости дарует свободу, прекрасно зная, что отныне все и так будет принадлежать ему. Муштра, повиновение, строгости — все, все было не зря, все вот-вот должно было оправдаться! Черные противобластерные латы матово отсвечивали при движении, и под этой броней, которая делала солдат похожими на рослых, поднявшихся на ноги муравьев, ровно и горделиво бились сердца вчерашних мальчишек и завтрашних повелителей, посторонняя мысль лишь изредка нарушала единый ритм этого слаженного бнения.

Отборные из отборных шли, неторопливо чеканя шаг.

Совсем уж ничтожными муравьями они могли бы показаться самим себе, когда их строй втянулся в глубину космодрома и над ними нависли громады эстакад, башни мезонаторов и геоконов, магниторельсовые пути, над которыми там и здесь возвышались корабли звездной эскадры. Но нет, всеподавляющее величие техники отозвалось в них смутной гордостью за боевой флот, а подсознание обрадовалось теням, которые протягивались от всех громад и сушили относительную прохладу. Лица даже слегка ожилились, когда всех накрыла глухая тень эстакады.

То же облегчение, казалось, испытали и пленники. Антон смахнул с лица пот, Лю Банг, не замедляя шага, принялся раскуривать свою трубку, Ума рассеянно тронула струны иллира.

— Жаркая, однако, у вас планета, — заметил Антон.

Его слова остались без ответа, ибо солдаты ни на минуту не забывали, кто они, но общая для всех прохлада тени, ее мимолетная приятность вызвали одинаковое ощущение у всех, и обыденная фраза Антона пробудила невольный отклик. Возможно, солдаты и удивились бы, обнаружив в себе этот чуть сблизивший всех отклик, но Антон знал, что он обязан возникнуть и действительно возник.

Чуть слышнее стали звуки иллира, столь необычные здесь, что слух сам собой напрягся в удивлении и безотчетном ожидании дальнейшего. И ожидание не было обмануто. Тихий, рассеянный среди прочих звуков космодрома голос иллира звучал эхом отрывочных и неясных чувств, которые сами собой скользят в душе музыкантши, но в нем был тот же хрупко объединивший всех отзвук на беспощадную жару, на желанность отдыха и прохлады, когда можно расслабиться и скинуть мундир, перестать быть носителем долга, железной частицей спая, и еще в нем билась тоска и досада на невозможность всего этого сейчас, здесь. Разумеется,

никакой самый пронизательный рассудок ничего этого не вывел бы из мелодичных, якобы разрозненных звуков, они действовали безотчетно, и в этом была сила искусства.

Всего несколько секунд длилось так, затем Ума чуть слышно запела, громче, громче, на своем древнем языке, и теперь в звуках иллира и голосе возникло нечто, заставившее офицера снисходительно улыбнуться, — давняя тоска угнетенных, что ли?

— Ничего песенка, — сказал он, облизывая губы. — Ладно, давай, не воспрещено...

И Ума продолжала, только мелодия изменилась, только голос стал немного иным. Ее друзья шли молча, казалось, безучастно, их глаза не шарили вокруг в надежде на чудо, тем не менее они внимательно охватывали взглядом всю раскрывающуюся шаг за шагом панораму космодрома. Все возможности борьбы казались исключенными, и все-таки у пленников был шанс, тот крохотный и ненадежный шанс, который Антону дала одна-единственная ненадолго сорвавшаяся с губ Эль Шорра фраза. И они тщательно искали этот свой шанс.

«Есть!» — мысленно воскликнул Юл Найт, и то, что его зоркие глаза увидели в отдалении, тотчас стало достоянием всех.

Громада «Решительного».

Их же, естественно, вели в другой конец поля. Ума, срывая ограничитель, до отказа повернула медитатор иллира, ее пальцы скользнули по рядам перламутровых кнопок и клавишам инструмента.

Все так же размеренно бухали сапоги, мерцали черные латы, все так же глухо, замирающе в полуденный час зноя катился шум космодрома, но теперь над всем вознеслась музыка иллира.

Сама по себе никакая музыка, никакая песня ничего не могла пересилить, но все четверо были способны составить единое целое, и они это сделали. Ничего не изменилось ни в ритме мелодии, ни в словах, которые пела Ума, и все стало иным, едва иллир каскадно усилил возникшее, качественно новое психополе. То была уже не просто музыка и не только песня. Так линза собирает рассеянный свет в жгучий фокус, так кристалл лазера стужает энергию, чтобы полыхнуть ярче тысячи солнц.

Теперь все зависело от Умы, которая держала в руках эту навиданную на Плеядах силу.

Мгновение — и каждый солдат представил, увидел, услышал, пережил свое.

Все так же четок был шаг, рука офицера, как застывшая, лежала на кобуре бластера, только отряд повернул не туда, куда должен был повернуть.

Все изменилось для всех. К каждому вернулся тот миг счастья

и радости жизни, доверия к ней и душевной щедрости, который в детстве ли, в юности ли был у всякого, потому что всякий хоть час, да был человеком. Теперь солдаты и сам офицер переживали это состояние вновь и так же ярко, как прежде. Волшебное искусство Умы, стократ усиленное резонансным воздействием иллира и поддержкой друзей, в каждом нашло и раздуло искру повелительного добра, и теперь, разбуженное, оно всецело внимало голосу и вело человека туда, куда он и сам бы пошел, если бы знал дорогу. Ума недаром столько дней пела на перекрестках, ища в людях потаенное, быть может, забытое и подавленное, но неистребимое.

Кто не мечтал вернуть светлое мгновение, обратить его в вечность? Теперь это осуществилось и наполнилось новым смыслом.

Одетые в форму люди шли туда, куда их звал иллир, и куда их самих позвала бы совесть, если бы она стала зрячей. И Ума чувствовала эту свою — и не свою — власть над ними, и ее влекла та же сила, что, сметая враждебное и наносное, всю накипь души, захлестывала сейчас все окрест и прокладывала людям дорогу к цели. Никто из тех, кто слышал иллир и видел пробуждаемые им образы, — ни солдаты, ни посторонние наблюдатели — никто уже не мог противиться этой силе, которая жила в них самих и теперь завладела их существом.

Громада корабля приближалась. «Следом за вами стартует весь флот во главе с «Решительным», — сказал тогда Эль Шорр.

Следом, значит, оружие Предтеч, скорее всего, уже доставлено на корабль. Ведь именно на нем оно должно было быть установлено.

Вот он, «Решительный». Вокруг, добрый признак, уже не снуют погрузчики, все люки, кроме единственного, задраены, на пандусе маячит одинокий часовой.

«Только бы выдержала Ума! — молил Антон. — Только бы не ослабла ее магия!» Он сам, как и прочие, из всех сил поддерживал девушку, и от этого напряжения его уже пошатывало. Реаморализация не могла длиться бесконечно! А еще был часовой. И вся команда. Может, не вся?

Полуденный свет Альциона, казалось, прожигал череп.

Иллир не смолкал. Шаг, ближе, ближе.

Часовой их встретил радостной улыбкой хозяина, взволнованного появлением долгожданных гостей, с которыми минуты текут легко, насыщенно, ярко и свободно.

Наступала, быть может, самая трудная минута. Все четверо вступили в проем люка. Теперь Ума должна была сделать едва ли возможное: ее иллир более не должен был вести солдат за собой, наоборот, их следовало оттолкнуть, заставить бежать прочь от

корабля, тогда как для тех, внутри, кто мог услышать, он должен был петь по-прежнему, чтобы на корабле не возникла преждевременная тревога.

И Ума не выдержала, ее цельная натура не могла раздвоиться, в равной мере излучая мрак и свет! Мелодия споткнулась.

Едва это произошло, как лица всех потускнели, словно в солдатах выключили душевный свет, а пальцы офицера пока еще тупо и неосознанно заскребли кобуру. Торопливым движением Антон нашаривал кнопку экстренной задвижки люка,— да где же это у них?!

Все заколебалось в шатком равновесии, с лица часового уже сползла улыбка, как вдруг, со свистом рассекая воздух, над пандусом взмыло черное, донельзя знакомое тело кибера. Антон беззвучно ахнул: «Конек-Горбунок!»

Прежде чем кто-либо успел опомниться, на солдат, на офицера, на часового, окатывая их паническим ужасом, обрушился направленный кибером инфразвуковой удар. Все горохом покатились по пандусу.

— Делайте свое дело, о прикрытии позабочусь я!

Кибер это сказал или сам Искинт? Отголосок инфразвукового удара, которого нельзя было избежать, ослеплял сознание, а этому надо, надо было противостоять! Противостоять и действовать. Ума, чье лицо страшно осунулось и ввалилось, взяла прежний аккорд и повела всех за собой.

Должно быть, еще никто не входил в боевой корабль вот так, с музыкой.

Гнетущая сила инфразвука отдалилась, перестала терзать мозг. Шлюз, автоматика дезинфекции в нем, понятно, отключена за ненужностью, входная мембрана тотчас пропустила всех — теперь быстро вперед! Мягкий сероватый свет переходов, буднично чмокающая под ногами перистальтика пола, которая здесь, как положено, счищала с обуви пыль и грязь планеты. В отдалении показалась чья-то спина, человек, повинуясь иллиру, вскинул голову, светлая лицом, обернулся. Лифт!

Конструкции всех кораблей, в общем и главном, схожи, законы техники, как и законы космоплавания, одинаковы для всех, кто и как бы ни старался утвердить свою особость и самость. Капсула лифта пулей вынесла всех на верхний ярус. Внутри корабля еще никто ничего не заподозрил, не успел заподозрить, немногие встречные у лифта и в коридоре сияющим взглядом провожали Уму, которая им дарила недолгое счастье человечности. Так все четверо беспрепятственно достигли ходовой рубки, которая никогда не пустует во время полета, но почти всегда безлюдна в иное время.

Сейчас в ней не было никого.

Иллир смолк тут же, Антон едва успел подхватить разом свисшее тело девушки и сам чуть не упал. А до конца было еще далеко! Задрать рубку, живо усадить Уму, которая и в обмороке сжимала иллир. Все трое метнулись к огромному, полумесяцем, пульта, который весь засиял точечными огнями, едва его коснулась опытная рука Лю Банга. Где тут что?! Взгляд привычно обегал секцию за секцией. Понятно, знакомо, можно догадаться, а вот над этим пока не стоит ломать голову — второстепенно и подождет. Заправка? Лю Банг утвердительно закивал. Порядок, предстартовая... Все сходилосъ. Что ж, Эль Шорр, тем более спасибо за обмолвку, ты прав: кто подстерегает случай, тому он идет навстречу, и тогда все тем или иным путем обретает силу закономерности.

Время привычно раздвинулось, как тогда, в том городе, в той подворотне, совсем в иной реальности. Но теперь он был уже не один и все было безусловно, то был подлинный, быть может, последний, решающий бой. Собственные, на грани восприятия, движения затуманились для Антона, также молниеносно мелькали руки Лю Банга, Юла. Сделано, сделано, сделано. Ключ на старт! Готово. Теперь общий сигнал тревоги. Где он у них? Где этот проклятый тумблер, кнопка, рычаг, хвост змеиный или что там еще?! А вот, наконец...

— Немедленно всем покинуть корабль! Угроза взрыва! Всем немедленно покинуть корабль!!!

Так же оглушительно загремело по всему кораблю, по всем, без исключения, его отсекам и закоулкам. Антон изнеможенно упал в кресло. Возможно, рефлекс повиновения сработает не у всех, возможно, кое-кто сообразит, что никакого взрыва ходовых двигателей сейчас быть не может, но большинство, не рассуждая, наверняка уже мчится наружу. А может быть, мчатся все,— вдруг обнаружена бомба! Такое отнюдь не исключено на Плядах. И капитан лихорадочно ищет своих помощников, а те — капитана, чтобы разобраться, кто и почему включил сигнал общей тревоги.

Да, вот уже и здесь замигал огонек вызова...

Антон торжествующе улыбнулся. Поздно, поздно! Обзорный экран показывал, как все тараканами разбегаются по полю. Пожалуйста, капитан, нервничайте, выясняйте, можете даже остаться — встретимся уже в полете, милости просим... На космодроме, видать, жуткая паника, но даже если кто-то обо всем догадался, то ведь надо еще поверить в невероятное, оповестить высокое начальство — и хвала иерархии! — согласовать решение. Вот так, ахшим вас же!

Только бы не промедлить. Где этот проклятый кибер, неужто глупышка не сообразит?!

Лю Банг и Юл уже сделали все, что им положено было сделать, лицо Юла кривилось нетерпением. Рука Антона замерла над пультом. Одно движение пальца, но какое? Можно сразу включить маршевые двигатели и скользнуть за атмосферу, так куда безопасней. Но тогда все вокруг будет сметено и от тысяч людей не останется даже пепла.

Рука опустилась на пульт. Антон, как положено, стал поднимать корабль на планетарной тяге. Ощерившийся всеми средствами уничтожения космодром невыносимо медленно стал уходить вниз. Антон вдруг весело и дерзко подмигнул побелевшему от напряжения Лю Бангу. И тотчас всем передалась его задорная мысль. Собьют! Что ж, сбивайте, если не жалко оружия, которым вы собирались покорить мир. Вы не знали, как мы можем драться! Теперь знаете.

— И ведь не решитесь,— ликующе додумал Антон.— Знаете, какова мощь оружия и что останется от ваших Плейд, если оно взорвется...»

Были двигатели, будто занозу, выдирая корабль из толщи атмосферы. Пора!

Антон включил маршевый двигатель, и словно чья-то исполинская рука мгновенным рывком окончательно выдернула эту ядовитую, но теперь уже безвредную занозу и выбросила ее в бескрайнее пространство звезд и галактик.

Все противоперегрузочное устройство не могло до конца смягчить стремительный рывок ускорения, и тем не менее, превозмогая тяжесть, Юл победным движением вскинул налитые свинцом руки. По лицу Лю Банга растеклась улыбка, запрокинутая голова. Умы шевельнулась, отяжелевшие веки открыли ее затуманенный, но уже осмысленный взгляд, губы чуть слышно прошептали:

— Люди!..

— Все в порядке,— хрипло проговорил Антон.

Нет, еще не все было в порядке. Отнюдь не все! Затрудненным движением Антон сбавил перегрузку и, судорожно вздохнув, нажал кнопку интеркома.

— Конек-Горбунок, ты с нами, ты жив?!

— Нахожусь за переборкой,— бесстрастно донеслось из интеркома.— Готов выполнить ваш приказ.

— О, идиот! — Юл вскочил и на негнущихся ногах поспешил к двери.— Кибера забыли! Входи, малыш...

Черное тело кибера скользнуло в рубку, и тут какая-то давняя, смутная, в сомышлении с Искинтом когда-то возникшая картина всплыла в памяти Антона: помещение незнакомого корабля,

он сам с друзьями и кто-то еще непонятный, то ли человеко-зверь, то ли...

— Готов выполнить ваш приказ,— повторил кибер.

Верно ли, что машина не способна улыбаться?

— Знаешь, друзьям ведь не приказывают,— весело проговорил Антон.— Но если не в службу, а в дружбу, то можно всем по чашечке кофе?

АНАТОЛИЯ МЕЛЬНИКОВ

Один из дней творения

1

Стив Уоллинг недолюбливал профессора Линкольна Лампетера. За многие месяцы, которые они проработали бок о бок, они так и не научились до конца понимать друг друга. Так что у Уоллинга не было причин радоваться, когда Лампетера назначили заведовать «Лабораторией экспериментальной физики». Таково было ее официальное название, по которому, однако, никак нельзя было судить, чем там занимаются на самом деле.

Лаборатория располагалась в пяти одноэтажных зданиях, сложенных из огнеупорного темно-коричневого кирпича. Построена она была на окраине Оксфорда, вдалеке от средневековых колледжей и прочей притягательной музейной старины.

Стив любил бывать в старой части города. Узкие, извилистые улочки — только для пешеходов — вели в заповедные уголки университетского центра. Оксфорд был родным городом Стива — он родился под сенью этих замшелых стен, небольших тенистых парков, дававших приют оленям и птицам, готических шпидей и колоколен, маленьких внутренних двориков колледжей с неизменными зелеными лужайками, по которым разрешалось ходить только университетским профессорам да их гостям.

Он знал все закоулки колледжей — «Тринити», «Джезус», «Магдален», «Олд соулз», «Юниверсити», любил строгую простоту линий здания библиотеки Бодляiana. Их столь отличная от современной — утилитарной — архитектура действовала на Стива успокоительно. Ведь нынешняя жизнь давала немало поводов для беспокойства и тревог. После прихода к власти тори* 4 мая 1979 года

* Историческое название партии консерваторов Великобритании, бытующее до сих пор.— Прим. автора.

беспрерывно растут цены, увеличивается инфляция — от прежнего, золотого содержания фунта стерлингов осталась едва половина — и безработных стало вдвое больше: их число перевалило за три миллиона! Глядя на университетские постройки, принадлежавшие иному, казалось, более устойчивому миру, Стив впитывал в себя их монументальность, стабильность и, в силу каких-то неведомых причин, чувствовал, что тверже стоит на ногах.

Рядом с «Лабораторией экспериментальной физики» находилось несколько промышленных предприятий. Современные здания из железобетона и стекла — сугубо функциональные — были вынесены за городскую черту, чтобы не нарушать первозданный вид старинного града. Научно-промышленный комплекс на окраине можно было видеть, выезжая из города через Парк-таун — маленький рай местной элиты, где в пышной зелени утопали богатые виллы, — за последней дорожной развязкой типа «круговое движение».

Лаборатория была построена сразу же после войны. Работы, которые в ней велись, строго говоря, не были секретными, однако над лабораторией шефствовали и министерство обороны и контрразведка «Эм-Ай-Файв». В послевоенные годы там занимались проблемами использования атомной энергии. Так что у всех сотрудников была взята подписка о неразглашении существа ведущихся исследований. Лаборатория была оборудована по последнему слову техники, и служба безопасности, что называется, приглядывала за ней.

Однако, по понятиям Стива Уоллинга, это была лаборатория из разряда «так себе». До Кавендишской ей было далеко. И ведь дело не в помещении или оборудовании. В Кембридже, когда там работали Эрнест Резерфорд, Петр Капица, Джон Кокрофт и другие выдающиеся ученые, и места было меньше, и оборудование поскромнее. Стив побывал как-то в здании бывшей Кавендишской лаборатории (самой лабораторией там давно уже нет) и убедился, что оно довольно тесное. А то, что там было сделано столько эпохальных открытий — обнаружены электрон и нейтрон, расщеплено атомное ядро, создан линейный ускоритель и другие уникальные установки, — так это оттого, что головы там работали гениальные.

А в «Лаборатории экспериментальной физики» все «так себе» — порохов не изобрели, ничего грандиозного не создали, — потому что думать там особенно некому.

Вот уже почти год лаборатория топталась на одном месте — с тех самых пор, как ею начал руководить профессор Лампетер. Прежде дела шли иначе: была по крайней мере продуманная программа работ и даже кое-какие достижения. Но, нужно сразу ого-

вориться, и руководитель был другой — молодой ученый, светлая голова — Вильям Хайуотер. Да разве светлые головы в такой лаборатории удержатся?..

При Хайуотере был сделан заметный рывок в разработке новой тематики, когда желанная цель казалась почти достигнутой. Еще одно усилие — и получите результат! Но неожиданно все застопорилось...

Впрочем, обо всем по порядку.

Последние годы под руководством Вильяма Хайуотера лаборатория работала над проблемами телепортации материи. Тема эта, как и во многих случаях в прошлом, была подсказана науке специфической областью литературы — научной фантастикой. Так в свое время случилось с идеей Жюль Верна о создании подводного корабля «Наутилус», а в наши дни — с проектом околоземного спутника связи, выдвинутым английским ученым и писателем-фантастом Артуром Кларком. Человеческое воображение давало идею, а наука ее осуществляла.

Использовать идею телепортации в научных исследованиях и попытаться осуществить ее практическое применение решено было в середине семидесятых годов. Разработку этой темы предложили «Лаборатории экспериментальной физики».

II

На научном совете, собравшемся в актовом зале лаборатории, где обсуждалась тема предстоящей разработки, Вильям Хайуотер дал слово Стиву Уоллингу. Его сообщение оказалось не только содержательным, но и интересным. Один из ведущих инженеров-разработчиков, он обнаружил знакомство как с последними научными статьями по проблеме «нуль-транспортировки», появившимися в специальных изданиях, так и с произведениями писателей-фантастов, предвосхитивших эту идею.

Высокий, сухощавый, слегка начавший седесть, он стоял за кафедрой и лишь для вида заглядывал в какие-то записи. Говорил он быстро, почти без пауз, по очереди обращаясь то к одному, то к другому из своих коллег, сидевших за столом научного совета.

— В чистом виде идея «нуль-транспортировки» или телепортации материи была высказана более ста лет назад, — говорил Уоллинг, — Могу назвать точную дату. Это произошло в 1877 году, когда был напечатан научно-фантастический рассказ американского писателя Эдварда Пейджа Митчелла под названием «Человек без

тела». Автору в то время было двадцать пять лет. Передача материи на расстояние «осуществлялась» у Митчелла по электрическому проводу. В его рассказе кошка была благополучно «передана» по проводам, но с самим изобретателем случилось непредвиденное: из-за выхода из строя аккумулятора он успел телепортировать только свою голову. Отсюда и название.

Идея «нуль-транспортировки» быстро привилась. Она была вскоре переосмыслена и признана авторами-фантастами великодушным средством для почти мгновенного преодоления космических расстояний. Из ранних последователей Митчелла известен Фред Т. Джейн, создавший произведение «На Венеру за пять секунд».

В конце пятидесятых — начале семидесятых годов идея телепортации была развита дальше такими известными авторами, как Пол Андерсон, Клиффорд Саймак, Гарри Гаррисон, Иван Ефремов...

— Вы все время говорите о том, что идея телепортации развивалась и совершенствовалась, — перебил выступавшего Хайуотер. — А нельзя ли сформулировать, как она выглядит в своей, так сказать, законченной форме?

— Извольте, — охотно откликнулся Уоллинг. — Для телепортации материи, по представлениям фантастов, нужна либо концентрированная умственная энергия — и тогда мы имеем дело с явлением телекинеза — либо специальное техническое устройство. В аппаратуре обязателен передатчик, который «кодирует» каждую деталь живого тела или неодушевленного предмета, подлежащих телепортации. Информация поступает в приемник (или в определенную точку пространства, если приемник не нужен), где тело или предмет инкарнируются, то есть воплощаются в своей первоначальной форме. Иногда такая операция приводит к дезинтеграции перемещаемого тела, как это случается во «Враждебных звездах» Пола Андерсона или в «Пересадочной станции» Клиффорда Саймака, но это вовсе не обязательно...

— Но в реальной жизни дезинтеграция не должна иметь места, — заметил профессор Линкольн Лампетер, ведущий теоретик лаборатории. — И тут неизбежно возникновение сложных проблем!

— Действительно, — подтвердил Уоллинг, — если на практике окажется, что тело в передатчике не уничтожается, то возникнет очень любопытная ситуация, которая будет иметь далеко идущие последствия...

— ...физического и юридического характера! — закончил за

него Лампетер, поблескивая округлыми стеклами очков на широком лице.

— Извините, коллеги,— сказал Хайуотер,— но лучше уж дадим уважаемому Уоллингу закончить сообщение. Каждый получит возможность высказаться.

— Так вот,— продолжал Уоллинг, благодарно кивая Хайуотеру,— здесь кроется одна тонкость. Если тело в передатчике не уничтожается — а по нашим представлениям так оно и должно быть,— то телепортационное устройство превращается в дубликатор. Со всеми вытекающими отсюда последствиями, а именно: в разных точках пространства начинают одновременно существовать идентичные тела или предметы. Возникает вопрос: какие из них признать подлинными? Кроме того, как здесь уже было подсказано,— он насмешливо поклонился в сторону Лампетера,— в обществе разумных существ подобная идентичность может вызвать осложнения правового характера... А также некоторые другие. Но об этом, как мне кажется, не терпится сказать еще кое-кому. Не смею злоупотреблять вашим вниманием.

Уоллинг отправился на место, рассовывая тезисы по карманам пиджака. К кафедре проворно подошел профессор Лампетер. Был он на целую голову ниже Уоллинга, глаза его строго смотрели сквозь очки на собравшихся. Он тронул руками лацканы пиджака, словно поправляя их, и начал:

— Предыдущий оратор очень подробно рассказал нам о зарождении идеи телепортации. Но в отличие от фантастов — воздадим должное их гениальному предвидению! — перед нами стоит неизмеримо более трудная задача: воплотить их идею в реальность. С самого начала важно точно определить, в какой области и применительно к чему мы собираемся разрабатывать проблему практического осуществления «нуль-транспортировки». Как я догадываюсь, наш уважаемый коллега Вильям Хайуотер собирается сообщить нам точную формулировку темы предстоящей разработки. А пока я позволю себе, как теоретик, пролить свет на некоторые аспекты этой проблемы. Мне кажется, всем будет полезно уяснить некоторые основополагающие истины.

Итак, телепортация должна осуществляться либо в космических масштабах — между планетами, звездами, галактиками,— либо в пределах одной планеты, в данном случае — нашей...

Хайуотер, склонив набок крупную голову с копной черных волос, что-то старательно записывал в блокнот.

— Космическая телепортация представляет собой колоссальную сложность,— развивал свою мысль профессор Лампетер.— Позволю себе сослаться на советского автора, ученого-палеонтолога Ивана Ефремова, который теоретически довольно полно освещает

тил суть проблемы в произведении «Туманность Андромеды». Для осуществления космической телепортации необходимы скоординированные усилия ведущих ученых планеты, огромные затраты (стоимость уникального оборудования и колоссальной энергии,— в масштабах всей Земли), что, конечно же, не под силу одной нации...

Хайуотер поднял взгляд от блокнота и спросил:

— Из этого следует, что на данной стадии нам не приходится и мечтать о космической телепортации?

— Совершенно очевидно, что нет! — без колебаний ответил Лампетер. — Представляется, что даже земные расстояния будут нам покоряться не без серьезных трудностей. Опыты придется начинать с расстояния в несколько дюймов...

— Я хотел бы уточнить,— снова перебил его Хайуотер, — означает ли это, что нам, скорее всего, придется начать с создания дубликаторов?

— Не исключено, — ответил Лампетер, и лицо его еще больше посерьезнело. — Мы ведь пока только догадываемся, как будут вести себя передаваемые объекты. Если все будет происходить так, как мы думаем, то, разумеется, дубликаторы будут созданы в первую очередь...

Лампетер внезапно умолк, неуклюже поклонился и сошел с кафедры.

Его место занял Хайуотер.

— Меня радует то, что мы как-то очень естественно подошли к самой сути проблемы, — начал руководитель «Лаборатории экспериментальной физики», заглянув в блокнот. — Нам предложено заняться самой перспективной отраслью «нуль-транспортировки» — созданием дубликаторов...

Присутствовавшие начали переглядываться, а Лампетер закивал головой, показывая, что ничего другого он не ожидал.

— Однако сразу следует сделать существенную оговорку, — продолжал Хайуотер. — В отличие от авторов-фантастов, которых упоминали здесь коллеги Уоллинг и Лампетер, мы не имеем права утверждать: предмет или тело либо уничтожаются в ТМ*-передатчике, либо нет; во втором случае налицо дубликатор... Мы говорим: предмет или тело в ТМ-передатчике дезинтеграции подвергнуться не может, ибо это противоречило бы закону сохранения массы. Передатчик лишь «закодирует» в электромагнитных импульсах их строение, атомно-молекулярный состав, наследственную

* ТМ — принятое в научной фантастике сокращение термина «телепортация материи». — Прим. автора.

информацию, заложенную в генах живых существ, и т. д., которые в виде направленного излучения будут посланы в точку пространства, где предполагается наличие ТМ-приемника. Тот, в свою очередь, получив импульсы с передатчика, должен воспроизвести информацию «кода» и инкарнировать, т. е. воссоздать объект за счет дополнительной энергии ТМ-приемника. Как показывают предварительные расчеты, расход в ТМ-приемниках энергии на инкарнацию будет весьма значительным. Но никуда не денешься: физические законы нужно уважать.

Хайуотер сделал паузу. Взгляд его смягчился, он улыбнулся собравшимся.

— А теперь давайте представим себе, сколько хорошего смогут получить люди с помощью дупликаторов. В передатчик можно поместить все, что угодно: антикварные предметы, книги, драгоценные металлы и камни или, наконец, продукты питания, — когда в чем есть нехватка, и получить дубликат. Причем все это будет обходиться сравнительно недорого. Придется оплачивать расходы только на оборудование и энергию. Главным образом придется платить за энергию.

Лица собравшихся оживились, настроение Хайуотера, видимо, начало передаваться и им.

— Особенно порадовались бы любители книг, — продолжал Хайуотер, — представляете, каждый смог бы приобрести любую книгу в оригинале — самую редкую! Уже только ради этого стоит побороться за создание дупликаторов...

После закрытия совета Лампетер выждал, пока большинство присутствовавших разошлось, затем приблизился к Хайуотеру.

— Меня порадовал ваш оптимизм, — с насмешливой улыбкой сказал он, — в том, что касается выгод, которые получит человечество в результате изобретения дупликаторов. Конечно, идея благородная — дать немущим то, в чем они нуждаются, одарить жаждущих тем, чего им не хватает... Но поверьте мне, история самых, казалось бы, полезных открытий свидетельствует о том, что с развитием прогресса люди не становятся счастливее. Стало ли людям легче от того, что был изобретен реактивный самолет, к примеру? Да, расстояния нам покоряются легче и быстрее... Но шум, грохот, загрязнение окружающей среды? Люди чаще и дольше болеют. Самолеты стали вмещать больше пассажиров — это правда. Но и авиакатастрофы стали гигантскими — гибнет сразу по нескольку сот человек! Так что оптимизм оптимизмом, а новое изобретение всегда необратимым образом изменяет жизнь общества, и еще не известно в результате, когда людям было лучше: до или после реализации изобретения.

— Для ведущего теоретика лаборатории вы рассуждаете более чем странно,— сказал Хайуотер и, повернувшись к Лампетеру спиной, покинул актовый зал.

III

Несколько месяцев спустя, придя утром в лабораторию, Стив Уоллинг застал Билла Хайуотера за просмотриванием чертежей передающего ТМ-устройства. Позади были уже некоторые первоначальные эксперименты, кое-что прояснившие.

— Ваше мнение? — спросил Хайуотер, указывая на чертежи.

— Здесь все безукоризненно,— отвечал Стив.— Но на сегодняшний день конструкция в целом существует лишь на бумаге, и вы это знаете.

— Иными словами, первого испытания ТМ-установки еще долго ждать?

— Боюсь, что так. Однако...— Стив помедлил,— у меня все же такое ощущение, что мы на верном пути.

— Так-то оно так. Но наши мастерские только-только приступили к изготовлению деталей. Удастся ли им выдержать допуски? — Вслух рассуждал Хайуотер.— Заработает ли схема после монтажа? Не пришлось бы все начинать сначала, как бывало не раз в этих стенах...

— А я уверен в успехе,— упрямо сказал Уоллинг.

Разговор этот Стиву не понравился. Прежде Хайуотер всегда с уверенностью говорил о реальности создания ТМ-устройства. А сегодня не скрывал от ближайшего помощника свои очевидные сомнения. Разве не правильнее было бы поддерживать в лаборатории атмосферу веры в то, чем занимаются здесь сотрудники?

Прошло еще несколько недель, но далеко не все детали ТМ-установки были изготовлены. Проверка на стендах показала, что и те, которые удалось сделать, не всегда отвечали техническим условиям.

Хайуотер лично следил за всеми разработками, вникая в любые мелочи. График изготовления деталей не соблюдался из-за их сложности. Хайуотер дни напролет проводил в мастерских и в конце концов добился того, что детали были получены в нужных количествах и требуемых допусков.

Однако на следующей стадии работы снова застопорились. Смонтированное ТМ-устройство не работало. В этом, впрочем, не было ничего неожиданного. Предстояла «обычная» кропотливая работа по доводке изобретения.

Хайуотер распорядился смонтировать два новых ТМ-устройства

из проверенных деталей. Результат получился тот же. Начиналась самая трудоемкая стадия эксперимента.

Далее события развивались совершенно непостижимо для Стива Уоллинга. Через четыре месяца, после того как были собраны первые ТМ-устройства, и спустя год и восемь месяцев после начала работ над проектом Вильям Хайуотер вдруг отказался от заведования лабораторией, взял расчет и, по слухам, уехал из города.

Быть на грани успеха — и бросить все!.. Такое не укладывалось в голове Стива. Еще полгода — и устройство наверняка бы заработало! А как в самом начале Хайуотер загорелся идеей создания дубликатора! Похоже, что он переутомился... Потерял душевное равновесие...

На место Хайуотера назначили доктора математических наук профессора Линкольна Лампетера. Он не первый год работал в лаборатории, был в курсе прежних достижений и неудач.

Новые испытания ТМ-устройства были начаты за неделю до рождественских праздников.

В декабре Оксфорд выглядел сумрачнее обычного, но был таким же торжественным. Листья с деревьев опали, кора и ветви были почти черными. Кое-где, на цветниках и в палисадниках частных домов, стоя умирали кусты красных и кремовых роз. Зелень газонов потемнела, но она не перестала быть зеленой.

Перед входом в местный универмаг, в небольшом торговом центре, стояла нарядная рождественская елка, мигавшая праздничными огнями. Многие витрины украсились искусственными елочками из фольги: зелеными, серебристыми, золотыми...

По дороге в лабораторию утром Стив Уоллинг ехал вдоль реки Червелл в «форде» стального цвета, и ему довелось увидеть из окна машины, как утки вылезали в заводях на тонкий ледок в камышах, где он намерз ночью при прояснениях.

День этот принес новое разочарование: ни одно из смонтированных ТМ-устройств не работало!

Начались длительные проверки соответствия изготовленных деталей заданным техническим условиям. Испытывалось оборудование, на котором они были сделаны, вновь проверялись допуски.

ТМ-устройство не подавало «признаков жизни».

Профессор Лампетер, поначалу уверенный в себе, заметно сник. Неудача на новом месте подкосила его. От него ждали практического результата, дело казалось бесспорным... А тут — неудача!

Стив презирал нового руководителя за беспомощность. Талантливый человек, ясное дело, разобрался бы, что к чему. А этот мечется, каждый день отдает новые, зачастую противоречивые указания... И посоветоваться не с кем: Хайуотер бесследно исчез,

Стиву было обидно — с приходом Лампетера вся работа становилась бесперспективной, не оправдывались надежды на получение солидной премии и на дальнейшее продвижение по службе.

IV

В Оксфорд профессор Лампетер приехал сравнительно недавно. Лет десять он прожил в Японии, занимался исследованиями в одной из ведущих электронно-технических фирм. После возвращения на Британские острова получил назначение в «Лабораторию экспериментальной физики».

Единственным человеком, которого Лампетер знал в Оксфорде, был ученый-лингвист Сэмьюэл Уайт. Он жил в Парк-тауне, в трехэтажном особняке, который был явно велик для него одного. Гордостью Уайта была богатая библиотека, насчитывавшая несколько тысяч томов.

Во время первого же визита Лампетера Уайт показал ему лучшую часть своей коллекции — редкие и старинные книги, приобретенные им в прежние годы при разных обстоятельствах.

Один фолиант особенно заинтересовал Лампетера.

— Откуда у вас эта книга? — спросил он и тут же добавил: — Уникальное издание. Вероятно, единственный экземпляр...

Его собеседник не спешил с ответом. Удобно откинувшись на спинку кожаного кресла с широкими подлокотниками, он наслаждался послеобеденным отдыхом и произведенным на гостя впечатлением. Лампетер буквально пожирал глазами жемчужину его коллекции — старинный том, на обложке которого латинскими буквами было оттиснуто название «*Historiae plantarum*» Lyon 1660*.

Книга лежала на деревянном пюпитре, раскрытая на титульном листе. В центре листа, под титулом, был изображен стебелек цветущей мяты.

— У меня нет полной уверенности, — вставая, заговорил наконец Уайт, — да, полной уверенности нет, но не исключено, что эта книга существует в единственном экземпляре.

Лампетер перевел взгляд с титульного листа на худое, словно сплюснутое с боков, лицо хозяина. На лице Уайта застыло самодовольное выражение.

— Вероятно, это можно проверить, — осторожно заметил профессор, привычным жестом поправляя очки на носу. — Ведь существуют каталоги, например, в библиотеке Британского музея, а это — очень надежный источник.

* «История растений» Дюре, изданная в Лионе в 1660 году.

— Верно, верно,— скороговоркой произнес Уайт, но по тому, как забегали его глаза, было видно, что он и не подумает ничего выяснять, разве что к этому его вынудят обстоятельства. При всем его уме Уайт был рабом престижности.

Послеполуденное июньское солнце освещало подстриженный газон и кусты барбариса за толстым панорамным стеклом, которое служило стеной библиотеки. В отраженном солнечном свете хорошо просматривалась фактура орехового дерева, из которого были сделаны книжные стеллажи, доверху нагруженные книгами.

— Откройте, наконец, тайну ценителю,— взмолился Лампетер,— расскажите, где вы добыли такое сокровище! Вероятно, вы отдали за эту книгу целое состояние?

Уайт задумчиво посмотрел в сад, затем куда-то чуть выше, где над верхушками кустов возвышался шпиль колокольни колледжа «Олл соулз».

— Вам говорит что-нибудь название Хэй? Хэй-он-Уай? Или, может быть, вы читали в газетах упоминание о «Королевстве Хэй-он-Уай»?

Профессор отрицательно покачал головой.

— Вы же знаете, что я не так давно прибыл на этот остров после долголетнего отсутствия. Я мало знаком с местными достопримечательностями.

— Да, да,— согласился Уайт.— Сущая правда, вы новичок и вообще залетная пташка. Вы действительно хотите узнать историю этой книги?

Жестом он пригласил гостя сесть в кожаное кресло, сам опустился рядом, в точно такое же.

— Хэй — название деревушки, расположенной на границе Англии и Уэльса,— начал хозяин.— Уай можно назвать пограничной рекой, хотя бы условно, поскольку граница теперь существует лишь как историческое понятие. Деревня расположена по обе стороны реки.

Если ваши друзья,— продолжал Уайт,— ваши лондонские друзья,— уточнил он,— как-нибудь решат показать вам горы и долины Уэльса, то путь ваш будет примерно таким...

Уайт прикрыл глаза, лицо его приобрело сосредоточенное выражение, словно он рассматривал карту, доступную лишь его мысленному взору.

— ...Из Лондона вы отправитесь по автомагистрали общенационального значения М4 на запад, и первым крупным пунктом, который вы проедете, будет Рединг. А перед этим вы минуете аэропорт Хитроу и Виндзорский замок, которые останутся с левой стороны по ходу движения. Потом вы проследуете через Суиндон, проскочите севернее Бристоля, пересечете мост через реку Серверн

и прибудете в Ньюпорт. За ним шоссе повернет на север и начнет петлять по холмам. Дальше будет Брекон. В конце концов вы выедете на шоссе местного значения, которое на любой автодорожной карте помечено индексом А438. Поедете по нему, пока не упретесь в мост через Уайт,— и вы у цели...

— Красивые места? — поинтересовался Лампетер, однако лицо его было бесстрастно, и трудно было судить, действительно ли он заинтересовался пейзажами Уэльса или вопрос был задан исключительно из вежливости.

Хозяин тотчас на него отреагировал:

— Да, места удивительные. Деревня Хэй расположена в живописной долине, окруженной высокими холмами с плоскими вершинами. Склоны холмов и берега реки покрыты густыми лиственными лесами, много бука и граба, дуба и ясеня, выше в горах встречается береза. Открытые, необработанные пространства заняты вересковыми пустошами, а местами густо поросли папоротником.

Впрочем, по дороге, в долинах, где со времен римского завоевания сохранились угольные шахты, можно увидеть также искусственные холмы, насыпанные из горных пород. А ведь не всякий знает, что требуется не меньше ста лет, прежде чем на таких холмах вырастет что-нибудь путное, ну хотя бы обыкновенная трава...

Уголь тоже укладывают штабелями, на склонах, что, как выяснилось, небезопасно,— рассказывал Уайт, явно увлекаясь и отклоняясь от основной темы своего повествования.— Однажды, было это лет двадцать назад, штабель угля внезапно сполз в долину... Оказалась засыпанной школа в деревне, по самую крышу... Еще несколько домов пострадали. К несчастью, обвал случился через четыре минуты после начала занятий. Погибло несколько десятков детей — практически все в поселке. Уцелел лишь один мальчик, опоздавший в то утро на урок...

Уайт замолчал, пересиливая волнение, вызванное воспоминаниями, но вскоре продолжал:

— Так я говорил о деревне Хэй-он-Уайт. Помимо того что она расположена в красивой местности, охотно посещаемой туристами, слава о ней идет по всему острову...

— Чем же она знаменита? — спросил профессор, изображая на лице живейший интерес.

— Деревня эта славится своими книжными магазинами. Чего там только нет! В Лондоне того не сыщешь! Цены вполне умеренные... — сказал Уайт. — И обратите внимание, все эти сокровища собраны в сравнительно малонаселенной местности, вдали от центров цивилизации, в долине, окруженной холмами,

— Кому же пришло в голову открыть в такой деревушке столько книжных магазинов? Кстати, сколько их там?

— Не меньше десятка. В них собраны сотни тысяч томов. И все они принадлежат одному человеку!

— Как это? — олешил Лампетер. — Он либо гениальный бизнесмен, либо сумасшедший...

— И то и другое в равной мере, как мне кажется, — сказал Уайт. — Очень способный человек с завиральными идеями. Его предки были известными изготовителями джина. А начал он свое дело, как гласит молва, несколько лет назад с пачки подержанных книг, удачно купленных у букиниста.

— И с тех пор...

— И с тех пор он превратился в миллионера! Если вам удастся туда попасть, вы увидите подземные хранилища, уставленные книгами, бывший дом священника, набитый книгами, причем далеко не религиозного свойства, наконец, средневековый замок — Клиффорд-касл, — заполненный книгами до отказа! Книги хранятся также в помещении кинотеатра и пожарной команды...

— Как же это ему удалось? — недоумевал профессор. — Ведь в деревне едва наберется тысяча-другая жителей, может, чуть больше. Нельзя же рассчитывать на то, что обитатели Хэя станут ежедневно покупать книги, словно хлеб насущный!

— А они их и не покупают... каждый день. Как Билл-книжник устривает свои дела, мне неизвестно. Билл-книжник — это прозвище владельца.

— Значит, там вы и приобрели «Историю растений» 1660 года издания? — уточнил профессор Лампетер.

— Да, у Билла. Я отыскал ее в одном из подземных хранилищ, в отделе редких книг. И поверьте, что цена ее не была столь уж фантастичной...

V

Спустя две недели после разговора в доме Уайта, профессор Лампетер приехал на несколько дней в Лондон и поселился в недорогом отеле «Стюарт» на улице Кромвель-роуд, неподалеку от Гайд-парка. Ему рекомендовали расположенный в том же районе «Лондон эмбасси отель» с номерами, обставленными на американский вкус, с персональной ванной и цветным телевизором. Но профессор предпочитал викторианский стиль — все старомодное, не беда даже, если ванна и туалет в коридоре, а к телефону вас зовут к администратору на первый этаж. Зато утром подадут традиционный английский завтрак — яичницу с беконом, кофе, марме-

лад и тосты — ломтики поджаренного хлеба. Все это включено в стоимость номера. А в модном отеле за завтрак приходится платить дополнительно.

Отсюда было рукой подать до знаменитой «Марбл арч» — «Мраморной арки», — которая была воздвигнута в 1828 году в качестве главного въезда в Букингемский дворец. Она оказалась, однако, слишком узкой для проезда государственной церемониальной кареты. В 1851 году она была перенесена в северо-восточную часть Гайд-парка, и подойти к ней сейчас можно лишь по подземному переходу: она со всех сторон окружена проезжей частью улицы.

От триумфальной арки начинается шумная торговая улица Оксфорд-стрит, ведущая на восток, всегда заполненная народом.

Профессор решил ходить по Лондону пешком, ибо только так можно узнать большой незнакомый город. Уже в день приезда он обошел едва ли не весь центр и остановился, лишь достигнув здания парламента. Он сверил свои часы с положением стрелок знаменитого Биг-Бена, затем застыл перед памятником Уинстону Черчиллю.

Памятник был огромен и грузен. Бронзовый премьер был весь — самодовольное олицетворение Британской империи в пору ее расцвета.

Какой-то турист, по виду итальянец, смешно коверкая английские слова, обратил внимание профессора на то, что порхавшие повсюду голуби не садились на голову бронзового Черчилля.

— И знаете почему? — спросил он Лампетера.

Профессор отрицательно покачал головой.

— Создатели памятника, — живо продолжал итальянец, радуясь, что может хоть с кем-то поделиться своими знаниями, — нашли остроумное и вместе с тем смешное решение. Понимаете, вся макушка сэра Уинстона покрыта... миниатюрными иголками! Птица не может сесть, не наколов себе лапки, вот и облетает его чугунную плешь стороной...

На следующий по приезде день профессор Лампетер отправился по левой стороне Оксфорд-стрит в сторону Британского музея. Он шел мимо роскошных, модных магазинов со звучными названиями: «Литтлвудс», «Маркс и Спенсер», «Селфриджис», «Эванс», «Бритиш хоум сторс»... Прохожих зазывали витрины, заполненные обувью, одеждой, золотом и бриллиантами, радиотелевизионной техникой, электронными часами, парфюмерией, игрушками...

Разглядывая толпы покупателей, Лампетер обратил внимание на то, что большей частью это были люди, прибывшие сюда из разных стран, множество туристов. Коренных англичан в магазинах

было немного. Лампетер с грустью подумал, что для многих жителей Британских островов все это выставленное напоказ великолепие — не по карману.

В том месте, где кончались модные магазины, профессор свернул налево, на Музеум-стрит, и мимо бензоколонок и пивного бара—паба—на углу вышел к ограде Британского музея.

Огромное, приземистое здание выглядело мрачным и каким-то потускневшим. У входа охранники проверяли у посетителей сумки и свертки. В целях безопасности, разумеется. Не дай бог кто-нибудь пронесет в музей бомбу...

В огромном холле первого этажа профессор занялся изучением указателя. Ему вдруг вспомнился разговор с Сэмьюэлом Уайтом и его приобретение — «История растений» издания 1660 года. Как это иногда бывает, совершенно неожиданно для себя профессор решил, что сегодня он не станет осматривать знаменитые барельефы и скульптуры древних времен из Ассирии и Вавилона, Египта, Греции, острова Крит. Он займется книгами.

И тут же, на первом этаже, он прошел в отдел музея, где несколько залов было отведено под постоянную выставку древнейших памятников книжного дела.

Он увидел огромного формата религиозные книги, укрытые под стеклом на специальных стендах, снабженных электронной сигнализацией. Здесь были собраны редчайшие экземпляры Библии, Талмуда, Корана, исторические хроники, древнейшие труды по медицине, математике, астрономии.

«А не заглянуть ли в каталог и не поискать ли там «Историю растений»? — пришло вдруг в голову Лампетеру... Такой удобный случай может не повториться.

Профессор направился к входу в читальный зал библиотеки. Оказалось, что войти туда может не всякий: нужен специальный пропуск. Охранник провел Лампетера в комнату для посетителей. Находившийся там сотрудник музея — небольшого роста, с округлым брюшком, в старомодных очках: ни дать ни взять, мистер Пиквик! — попросил профессора объяснить, для чего ему понадобилось попасть в библиотеку музея. Лампетер сказал, что ему необходимо уточнить по каталогу, где находится одно интересующее его старинное издание.

— Кто мог бы за вас поручиться? — спросил Пиквик. — Это очень важно.

— Думаю, самым подходящим человеком будет известный ученый-лингвист Сэмьюэл Уайт, живущий в Оксфорде.

Пиквик удовлетворенно кивнул и записал названное имя в регистрационную книгу.

— Этого вполне достаточно, — сказал он. — Благодарю вас,

мистер Лампетер. В соседней комнате вас сфотографируют и выпишут вам пропуск.

Так Лампетер выхлопотал себе разрешение на вход в библиотеку. В каталоге вместо привычных ящиков с карточками профессор обнаружил справочные тома, содержавшие каталожные данные. Он отыскал том «История».

«История христианства», «История крестовых походов», — читал Лампетер, — «История государства Российского», «История Великих Моголов», «История великих географических открытий», «История земного оледенения»...

Вот! Кажется, нашел... «История растений», Лион 1660 год!

Та самая книга.

Где же она находится, в частном собрании, то есть у Уайта, или в библиотеке?

«А почему я, собственно, сомневаюсь, что книга Уайта — подлинная?» — вдруг мелькнуло у него в голове. И тут он увидел запись: «Собственность исторического музея Новонерусалимского монастыря, Истра, Московская область, Россия».

Лампетер ошшился. Он даже очки снял, чтобы лучше рассмотреть текст своими близорукими глазами. Если верить этой надписи, то Уайт не является обладателем подлинной «Истории растений». Вот тебе и предчувствие! Но ведь сам профессор собственными руками ощупывал эту книгу, переворачивал ее страницы, читал ее. И она была самой что ни на есть настоящей!

Он списал на листок выходные данные книги и покинул Британский музей в состоянии полного смятения.

В тот же вечер профессор Лампетер позвонил в Оксфорд и рассказал о своем открытии Сэмьюэлу Уайту.

VI

Билл-книжник проснулся в своей скромно обставленной спальне в замке Клиффорд-касл необычно рано — между пятью и шестью утра. Было уже совсем светло. Сквозь листву деревьев в спальню проникали яркие солнечные зайчики. Пятна света неспешно скользили по стенам, словно лучи прожектора на киноэкране.

Билл неторопливо занялся утренним туалетом, но вдруг вспомнил о новых книжных поступлениях, которым надлежало быть накануне вечером. Наряду с увлечением наукой, книги были главной страстью его жизни, к тому же они приносили ему немалый доход. Он успеет осмотреть их до прихода своего помощника — Хромононого Дика, который вводит каталожные данные в ЭВМ, проставляет цены и развозит новинки по торговым залам.

Одевшись, Билл-книжник начал спускаться по винтовой чугунной лестнице в подвальный этаж замка. Лестница, словно гигантский музыкальный инструмент, издавала гулкие звуки при каждом прикосновении ног.

В подzemелье, за массивной стальной дверью, находилось место, куда попадали все новейшие поступления. Билл вошел в лабораторию, где были установлены необычные аппараты, напоминавшие непомерно большие фотоувеличители. От каждого аппарата к стене шел трубообразный, закрытый со всех сторон желоб, напоминавший огромную присоску. У стены, слева от входа, был установлен компьютер с квадратным дисплеем, который, несмотря на ранний час, был включен. Значит, Дик был уже где-то здесь. Дисплей сиял немигающим зеленоватым светом. На нем в неподвижности застыли колонки с названиями книг.

Билл пробежал список глазами сверху донизу. Взгляд его задержался на некоторых заголовках: «Евангелие из Дэрроу», «Евангелие из Келса», «Остромирово евангелие»... Далее шли не менее интересные титулы: инкунабулы, напечатанные Гутенбергом, в том числе его шедевр — 42-строчная Библия. Рядом значился «Апостол», выпущенный Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем. Последняя в списке позиция имела порядковый номер 63.

В соседней комнате, куда Билл заглянул следом, на высоких стеллажах хранились наиболее ценные творения человеческой мысли. Среди них были прижизненные издания Микеланджело, Шекспира, Сервантеса... Специалисту достаточно было одного взгляда, чтобы оценить собранные здесь сокровища. Тут было много старинных рукописных книг, созданных в средневековых скрипториях, — в тисненых переплетах, отливающих золотом и серебром титулов, в дорогих окладах, а то и просто в скромных обложках из пергамента. Каких только шрифтов здесь не было! Кириллица и латиница, китайские и японские иероглифы, грузинское и армянское письмо, арабская вязь... В глазах рябило от названий.

На одной полке, рядом с блоками пергаментных листов, зажатых между узкими деревянными переплетами, преимущественно черного цвета, инкрустированными светлыми породами дерева, лежали полиптихи — скрепленные между собой, натертые воском дощечки, на которых писали древние римляне. Были здесь и древнеегипетские папирусы, в том числе «Папирус Гарриса», украшенные стилизованными рисунками, и свитки Мертвого моря, и новгородские и монгольские берестяные грамоты.

Раннее европейское средневековье было представлено книгами с изоморфическим орнаментом, изображавшим рыб и птиц, над которым в свое время трудились иллюстраторы и миниатюристы.

Билл-книжник начал перебирать рукописные манускрипты. Ему попался текст, написанный каролингским минускулом, затем другой, прямо-таки нарисованный — другого слова не подберешь — готическим шрифтом. А вот рукопись с торопливым славянским полууставом...

На нижних полках лежала менее ценная продукция, в основном наших дней: многочисленные карманные издания детективов и «horror stories»*, словари и справочники, комиксы и иллюстрированные журналы, на обложках которых виднелось обнаженное человеческое тело.

Часть книг валялась на полу — видимо, упали при автоматической их транспортировке из приемной лаборатории. Билл заботливо поднял упавшие тома. Слегка погладил рукой переплеты редких книг, словно желая убедиться, настоящие ли они... Раскрыв подряд несколько книг, Билл увидел, что цены на них уже поставлены. Значит, Дик успел обработать новую партию. Билл стал грузить книги на тележку. Она была легкая, с удобно изогнутой ручкой для транспортировки.

Билл начал с современной литературы — и не случайно. Она попадала в самый низ, а уже на нее ложились более ценные издания. Среди последних оказались «Кодекс Синантикус» из Древнего Египта, относящийся к IV веку до нашей эры, а также две инкунабулы кирилловского периода, выпущенные Швайпльтом Фиолем в Кракове в 1491 году. Подумав, Билл добавил «Кодекс Леонардо да Винчи», созданный между 1506 и 1513 годами в Милане.

Затем он проверил положение сигнализации и нажал на дверь в стене. За ней открылся тускло освещенный узкий подземный переход. Билл навалился на тележку всем телом — «Как с ней справляется Хромоногий Дик?» — и покатил ее перед собой по коридору.

Дик был его помощником и доверенным лицом, в котором Билл был уверен. Кое-кто в местной пивнушке «Бордер» неоднократно пытался заставить Дика проговориться, выдать секреты Билла-книжника. Все было напрасно. Дик спокойно допивал свое пиво — крепче он ничего не употреблял — и уходил, молча и с достоинством, припадая на одну ногу. Дик, как и его хозяин, любил книги.

...Толкая перед собой тележку, Билл вошел под своды основного хранилища. Оно сообщалось с одноэтажной надземной частью, где и происходила торговля книгами. На выходе из магазина в рабочие часы сидела девушка-кассирша по имени Мэгги,

* Буквально: «истории ужасов» (англ.).

получавшая с покупателей деньги. К ней был приставлен частный детектив Барроу, охранявший кассу.

Здесь, наверху, была привычная обстановка книжного магазина. Никто из покупателей, увидев Билла с ручной тележкой, не смог бы заподозрить, что на ней не совсем обычные книги. Ничто в облике Билла и его сотрудников не наводило на мысль о том, что в подземелье замка скрывается диковинная техника, способная удивить даже опытных специалистов.

Проходя с тележкой мимо стеллажей, Билл раскладывал книги по полкам. Первыми были сняты «Кодекс Синнаитикус» и первопечатные книги Фиоля. Потом Билл переложил на стеллажи словари. Затем настала очередь справочников. Наконец, пришел черед дешевых карманных изданий в мягких обложках и красочных журналов.

Книгохранилище, служившее одновременно торговым залом, было огромным. Попад сюда, человек оставался один на один с сотнями тысяч томов. Здесь было множество залов с книжными полками. Посетитель шел мимо стеллажей с табличками: «немецкие», «испанские», «английские», «французские», «арабские», «русские» — и так без конца. Лестницы вели вверх и вниз, коридоры пересекались, изгибались, превращались то в просторные залы, то в тесные клетушки. И всюду, куда ни глянь, были книги, книги, книги...

В простенках между стеллажами были установлены масляные радиаторы, поддерживавшие в помещении заданные температуру и влажность. Проходя мимо них, Билл-книжник ощущал излучаемое ими тепло.

Это был удивительный лабиринт в несколько этажей, доверху заполненный сгустками человеческой мысли, зафиксированной на бумаге, пергамене или дереве, на древесной коре тем или иным способом. Тут были астрономические календари, математические исследования, лингвистические словари, анатомические атласы, литературные журналы, многочисленные мемуары, учебники по всем отраслям знаний, книги по философии и теологии и, наконец, богатый выбор художественной литературы.

Когда магазины были открыты для посетителей, в подземелье порой набивалось много народа. Здесь бродили люди всех возрастов — туристы, приезжие, местные жители. Каждый искал и находил что-нибудь для себя.

Случаи воровства были редкими и решительно пресекались. Барроу, несший службу на выходе из хранилища, пользовался специальной аппаратурой, позволявшей обнаружить книги, спрятанные под одеждой или в сумках, в портфелях и свертках.

Но даже в случае хищения книг Билл почти ничего не про-

игрывал. У него был тайный источник получения книг, о котором никто не догадывался. Источник этот действовал безотказно. И — пока он существовал — в мире не было силы, способной разорить Билла-книжника.

VII

Наконец-то! После долгих месяцев упорного труда ТМ-установка заработала! В «Лаборатории экспериментальной физики» царила атмосфера праздника. Профессор Лампетер ходил с просветленным лицом. Стив Уоллинг, как всегда, занятый сверх всякой меры, тем не менее приветливо улыбался сотрудникам.

...Когда ТМ-установка начала подавать признаки жизни, они решили расположить передатчик от приемника на расстоянии четырех дюймов. В передающее устройство заложили карманную логарифмическую линейку — первое, что попало под руки, — а в приемнике была произведена соответствующая регулировка инкарнационного поля на прием плоского продолговатого предмета.

Для безопасности персонала опыт проводился в специальной камере. Стив Уоллинг нажал на кнопку манипулятора. Тот включил передающее ТМ-устройство. Лабораторию осветила фиолетовая вспышка. Вслед за этим маленькая логарифмическая линейка появилась в приемном устройстве!

Вначале она была похожа на объемное изображение: ее поверхность подрагивала, колебалась, но затем стабилизировалась и затвердела, словно остывающая металлическая отливка.

«И впрямь, как отливка», — подумал Стив Уоллинг, доставая линейку.

Тут только он заметил, что линейка, первоначально помещенная в передатчик, по-прежнему находится в нем. Она осталась в передающей камере, целехонька!

ТМ-установка работала, как дупликатор!

Дезинтеграции не последовало — в точном соответствии с законом сохранения массы...

Началась серия опытов. Испытания проводились с металлами, пластмассами, стеклом, синтетическими материалами. Расстояние между передатчиком и приемником в этой начальной стадии удалось увеличить до десятка дюймов, а потом и до двадцати футов!

Это было серьезное достижение. Стив и его сотрудники получили долгожданные премиальные и отпуска. Стив стал старшим научным сотрудником. А для профессора Лампетера главное было в другом: это была его реабилитация как ученого после томительных месяцев неудач.

Как-то вечером Стив Уоллинг и профессор Лампетер, которых успех как будто немного сблизил, задержались в лаборатории. Разговорились на отвлеченные темы. Лампетер вспомнил случай с книгой Уайта «История растений» и рассказал о нем.

— Уж не воспользовался ли кто-нибудь нашей установкой? — пошутил Стив.

— Да, было бы забавно, — рассмеялся в ответ Лампетер и попрощался, сославшись на усталость.

Уоллинг решил еще немного поработать и поколдовать над ТМ-приемником. Еще днем приемное устройство почему-то плохо стабилизировало инкарнационное поле. Датчики показывали, что принимаемый сигнал намного выше посылаемого. Откуда бралась помеха?

...Стив включил установку и принялся за регулировку напряжения инкарнационного поля. Сейчас все было в норме: входящий сигнал соответствовал направляемому.

Уоллинг решил повторить опыт, который не получился днем. В катушку передающего устройства он заложил моток платиновой проволоки, по форме напоминавшей восьмерку — два закрученных конца, перевитых посередине. Затем усилил сигнал передатчика. В приемной камере возникло облачко тумана, из которого начала материализовываться платиновая восьмерка...

Неожиданно в камере произошла фиолетовая вспышка! Стив взглянул на датчик: он снова показывал внезапное усиление принимаемого сигнала. Тут же, к своему несказанному удивлению, Стив увидел, как в приемной камере начали проступать контуры какой-то книги. Появилась старинная тисненая обложка с рисованными буквами заголовка: «The Romance of Alexander»*. Непостижимым образом сквозь обложку просвечивала первая страница текста, также написанная от руки готическими буквами. У нижнего обреза книги виднелся красочный рисунок, который изображал ковку лошади под седлом. Лошадь стояла в деревянном загоне, и ее держал за уздечку бородатый человек в синей одежде. Кузнец левой рукой придерживал ногу лошади, а правой большим молотком бил по гвоздям подковы. Куртка на кузнеце была светло-серой, передник — красный. Миниатюру обрамляли гирлянды цветов и виноградные листья.

В первый момент Стив ошеломлен, не будучи в состоянии понять происходящее. Потом эмоциональное напряжение спало — заработал его аналитический ум. Дело могло быть лишь в одном: ТМ-установка принимала одновременно дополнительный сигнал!

* «Роман Александра» (англ.) — подлинная книга из собрания библиотеки Бодлейана. — Прим. автора.

Утром Стив Уоллинг принес в кабинет Лампетера необычный предмет: старинную книгу, прошитую серебристой проволочкой.

— Попробуйте угадать, что это такое! — сказал он профессору. — Помните наш вчерашний разговор?..

— Это довольно редкая рукописная книга, — с видом знатока сказал профессор. — Конец четырнадцатого или начало пятнадцатого века. У скриптора был приятный почерк, — Лампетер наудачу раскрыл том. — Несомненно, что книга была написана в монастыре на острове Рейхенау, что на Боденском озере. Кстати, такие книги хранятся неподалеку отсюда, в библиотеке Бодлайана.

— Вот как? — удивился Уоллинг.

— Совершенно точно. Только причем тут серебристая проволочка? Откуда у вас этот экземпляр?

Стив рассказал профессору о событиях прошлого вечера, когда в ТМ-приемнике почти одновременно материализовались моток платиновой проволоки и старинная книга.

— Что же это может означать? — спросил озадаченный профессор.

— Только одно, — ответил Стив. — В пределах досягаемости нашей установки работает неизвестный нам ТМ-передатчик. Не исключено, что кто-то занимается телепортацией книг.

— Телепортацией книг? Кому такое могло прийти в голову?

— Вы только что упомянули о библиотеке Бодлайана..

— Да, неподалеку отсюда, не более пяти миль по прямой, в старых границах Оксфорда находится эта библиотека. В ее хранилищах — довольно значительное количество ценных книг.

Профессор смолк, затем задумчиво произнес:

— Не здесь ли разъяснение загадки книги, приобретенной Уайтом?

...Час спустя Лампетер и Уоллинг подъехали на стального цвета «форде» к чугунной ограде библиотеки Бодлайана. Прошли через внутренний дворик и вступили под своды книгохранилища.

У входа их встретил сотрудник библиотеки Айвор Уилки. Ректор университета распорядился допустить ученых в хранилище редких изданий.

Они прошли через погруженный в тишину читальный зал, мимо столов, заваленных справочниками, словарями, подшивками газет. Зал был высокий — его стены и потолок были отделаны черным мореным дубом. Затем через служебный вход все трое проследовали к лифту. Подъемник оказался на месте. Томительные мгновения спуска. Лифт мягко притормозил. Все трое вышли в подземелье.

Помещение было низким, сводчатым. Признаков штукатурки нигде не было видно. На стенах и потолке четко обозначалась старинная кирпичная кладка.

Айвор Уилки вел их среди металлических стеллажей и ящиков с бесконечными рядами книжных томов.

— Здесь наша святая святых,— сказал он, приблизившись к бронированной двери.— Самое ценное из всего собрания библиотеки.

Хранитель открыл дверь с каким-то замысловатым секретом и первым вступил в заветное помещение. Оно имело вертикальные стены и ровный потолок и напоминало тюремную камеру. Уилки включил освещение. Взорам вошедших открылись застекленные ящики, в которых хранились редкостные тома.

Лампетер и Уоллинг принялись искать оригинал книги, переданной с помощью ТМ-устройства. Поиски не отняли у них много времени. На верхней полке одного из металлических шкафов лежала книга «Роман Александра». Точная ее копия была в папке у Стива Уоллинга.

Уилки достал оригинал из шкафа и сравнил ее с принесенной книгой. Они ничем не отличались. Это была точная копия, вернее, дубликат старинного манускрипта.

— Что вы об этом скажете? — спросил Уилки.

— Только одно: в вашем штате есть человек, а может быть люди, имеющие сюда доступ, которые пользуются этим в личных неблагоприятных целях,— сказал Лампетер.

— Каким образом? Книга, о которой идет речь, не украдена, она на своем месте...

— Верно,— подтвердил Лампетер,— но ее точная копия, которой мы располагаем, опровергает ваше утверждение. Она на месте и в то же время — украдена.

— Можете ли вы мне все объяснить подробнее? — спросил Уилки.

— К сожалению, мы не имеем права вдаваться в детали,— ответил Лампетер.— Дело здесь в новейшей технике. Мы можем лишь посоветовать вам проследить за деятельностью лиц, имеющих доступ в хранилище. Обратите внимание, не вносит ли кто сюда какую-то аппаратуру. В случае чего — обращайтесь в полицию.

— Вот как? — задумчиво проговорил Уилки.— Прежде всего я должен сообщить обо всем ректору.

В молчании они проделали обратный путь до самого выхода из библиотеки. Вежливо поблагодарили Уилки и распрощались с ним.

— Ну, что скажете? — уже в машине спросил профессор Лампетер.

— Прежде всего то, что в нашем деле мы не монополисты. Нас даже успели опередить — телепортируют книги из библиотеки Бодлайана! Такая установка действует здесь, на Британских островах. Но определить, кто это делает и где находится, — задача с несколькими неизвестными.

— Но она разрешима?

— Безусловно! Поведем поиск с помощью наших ТМ-приемников. Думаю, что Уилки будет действовать достаточно осторожно и не спугнет тех, кто у него под носом телепортирует книги.

— А дальше?

— Дальше мы засечем направление излучения ТМ-передатчика из библиотеки Бодлайана в пока что неизвестную нам точку.

— Вы хотели сказать: «определим направление». Точку засечь не так просто.

— Я хотел сказать, что мы нанесем направление на карту и посмотрим, через какие пункты проходит направленный луч...

— Поставим в известность полицию?

— Погодите, — сказал Стив, — с этим спешить не нужно. Сначала сами разберемся...

— ...Если обнаружим нужную точку — докончил за него Лампетер. — Что вы думаете об этих молодцах, которые нас обскакали?

— Не исключено, что используется импортное оборудование. В ТМ-аппаратуре, в нашем разумении, применим лишь принцип высокоэнергетической инкарнации. Поэтому, как мне кажется, мы и смогли осуществить прием дубликата книги из хранилища Бодлайана. Ввиду близости ТМ-передатчика на наш приемник пришел очень сильный сигнал. Он еще более усилился, поскольку вы сами в это время вели телепортацию мотка платиновой проволоки...

Лампетер вдруг крепко схватил Стива за руку, так, что тому пришлось резко затормозить и остановить «форд» на обочине.

— Кажется, я знаю, как нам поступить! — взволнованно проговорил профессор.

— Любые идеи хороши, если они не ведут к автомобильным катастрофам, — укоризненно произнес Уоллинг. — Давайте немного пройдемся.

Они вышли из машины и направились к Оленьему парку, неподалеку от которого остановились. За небольшой оградой на зеленой поляне в окружении кучи деревьев паслась стайка пятнистых оленей. Животные чувствовали себя в полной безопасности в центре этого тихого городка. Именно то, что они доверяют человеку, всегда приводило Стива Уоллинга в прекрасное расположение духа. Он до мозга костей был современным человеком, кото-

рому эти олени нужны были живыми, а не в виде охотничьих трофеев.

— Так расскажите о ваших догадках,— обратился он к Лампетеру, когда они уже вышагивали по сочной, упругой траве.

— Я знаю, как определить направление инкарнационного луча!

— Как же? — спросил Стив.

— Не догадываетесь? Луч прошел от библиотеки Бодлайана через нашу лабораторию. Значит, направление известно, ибо через две точки можно провести лишь одну прямую. Нужна только карта!

— Она есть у меня в машине! — сказал Стив.

Не сговариваясь, они повернули обратно. В машине развернули на сиденье карту и по линейке провели прямую линию от библиотеки к «Лаборатории экспериментальной физики», затем продолжили ее. Карандашная линия прошла по карте в северо-западном направлении через Лейф, Челтенхэм, Кимок и Херефорд. На границе Англии и Уэльса карандашный штрих уперся в деревянную Хэй-он-Уай.

IX

Когда Билл-книжник вернулся в приемную лабораторию, Хромогий Дик уже вовсю трудился. Подземное помещение было ярко освещено. Дик хлопотал возле замысловатой аппаратуры, соединенной закрытыми желобами с соседним помещением, из которого рано утром Билл увез полную тележку книг. Дисплей компьютера был темным: видимо, Дик уже закончил ввод данных в электронный каталог.

Справа и слева от прохода, на вертикальных кронштейнах, были укреплены принимающие блоки округлой формы с обращенными вниз раструбами. У основания кронштейнов, в тех местах, куда были нацелены раструбы, находились приемные устройства — черные металлические решетки. Возле каждого аппарата светился небольшой экран с изображением передаваемого предмета и индикацией. На решетках принимающих устройств страничка за страничкой, словно из пустоты, возникали книжные блоки. Кое-где на решетках только-только начинали материализоваться первые листки, на других уже лежала готовая книжная продукция, прямо-таки сиявшая яркими красками современных суперобложек или золотом и серебром старинных окладов.

Билл-книжника привлекло изображение на ближайшем к нему дисплее. В красочно оформленную кассету было помещено дорожное трехтомное издание исследования Майкла Кеннона «Австралия в викторианскую эпоху». На обложку кассеты художник вынес сце-

ны из жизни первых поселенцев «terra australis». Буквенная индикация подтверждала, что передача ведется из Мельбурна, через спутник связи.

Заинтересовавшись, Билл начал следить за тем, что происходило на приемной решетке аппарата, который в этот момент заканчивал брошюровку второго тома. Вначале, как всегда, материализовался книжный блок. Формат издания был довольно большим, и наборный шрифт — крупным. Странички словно висели в пространстве, над самой решеткой. Затем возник переплет, скреплявший книгу воедино.

Закончив наладку аппаратуры в другом конце комнаты, Дик подошел и остановился возле хозяина.

— Как дела со сверхдальними передачами через спутники? — спросил Билл. — Должно быть, уже кто-нибудь обратил внимание на необъяснимый перерасход энергии на борту!..

— Да, успели заметить. Было сообщение по радио и в газетах, что некоторые спутники перешли на более низкие орбиты. Но пока никто в этом не может разобраться.

— Как долго, по-вашему, мы сможем пользоваться сверхдальними передачами?

— Вам известно, что мы не работаем постоянно на одних и тех же спутниках...

На приемной решетке аппарата тем временем появился третий том «Австралии в викторианскую эпоху». Дик помедлил несколько мгновений, пока в инкарнационном поле над решеткой не появилась картонная кассета, вобравшая в себя все три тома.

Он отключил установку и продолжал:

— Только что велась передача из Австралии через японский спутник. На следующей неделе воспользуемся русским — «Молния-1», потом настанет очередь американского «Интелсат»...

Билл-книжник удовлетворенно кивнул.

— Значит, спутники нам еще послужат.

— Да, — подтвердил Хромоногий Дик, — пока какой-нибудь особенно дотошный физик не выдвинет очередную сумасбродную идею, которая приведет к раскрытию истины.

Билл усмехнулся.

— Ну а как с телепортацией из Европы?

— Здесь все отлажено до мелочей. Европейские страны поставляют больше половины всей нашей продукции.

— Что-нибудь интересное из России?

— В последнее время удалось телепортировать редкие издания из некоторых монастырей: Печерского, Новоиерусалимского, из кремля в Суздале... Словом, из тех мест, куда открыт доступ туристам.

— Да, сегодня я просмотрел список новых посетителей. А что получено из библиотек?

— Почти ничего. У русских в библиотеках, особенно центральных, очень строгие правила. Запрещено вносить какую-либо аппаратуру...

— А нет ли исключений из этих строгих правил?

Хромоногий Дик покачал головой.

— Боюсь, что Россия вообще малоперспективна...

— Напротив, там несметные книжные богатства! — перебил его хозяин.

— Я о другом, — сказал Дик. — Во время некоторых «нуль-транспортировок» из России наблюдались сильные помехи.

— Какого характера?

— Главным образом неустойчивость принимаемого сигнала в интернациональном поле. У меня возникли подозрения, что русские ничуть не отстали от нас в области телепортации. Не исключено, что сейчас, с помощью своих приемо-передающих устройств они пытаются наладить эффективный технический контроль в области «нуль-транспортировки».

Х

Голубая «Лада» — а эти машины все чаще встречаются на дорогах Британии — остановилась на крошечной деревенской площади перед замком Клиффорд-касл. Линкольн Лампетер и Сэмюэл Уайт с облегчением выбрались из машины, с трудом разминая затекшие ноги. Пока профессор заперал машину и проверял, закрыт ли багажник, Уайт огляделся по сторонам.

Июньское солнце стояло в зените.

Деревня как деревня — с одной-единственной улицей, с пивнушкой «Бордер» на самом видном и удобном месте: куда ни пойдешь, обязательно на нее наткнешься. На стене замка — плакат, смысл которого совершенно не понятен: «Да здравствует независимое королевство Хэй-он-Уай!» Через дорогу — церковь за белой каменной оградой, вероятно, построенная в семнадцатом веке и до сих пор действующая. Тут же — старые захоронения под каменными плитами с полуистершимися надписями.

У входа в пивнушку «Бордер» — красочный плакат с надписью «Вернем лошадь с телегой в Хэй-он-Уай!» На нем — красная лошадь, запряженная в зеленую телегу, и знак «Автомобильное движение запрещено».

На площади — тесный «паркинг» для автомашин. И только одно удивительно и необычно: куда ни глянь — всюду книжные магази-

ны с вывесками, расположенные по обе стороны тихой улицы, сбегавшей вниз, с холма.

На стоянке были еще два автомобиля с английскими номерными знаками: зеленый «рено» и ярко-красный «ягуар». Их хозяева, как видно, заблудились среди книжных полок, — за иным сюда приезжали редко.

Лампетер и Уайт нанскосок пересекли площадь и прошли мимо стены с загадочным плакатом. Отсюда уже был виден вход в центральный книжный магазин. За поворотом стены их взорам открылась небольшая параболическая антенна, смонтированная на одной из башенок замка. Видно было, как она медленно вращается.

— Еще одна загадка, — сказал Лампетер, указывая на антенну. — Кому здесь понадобилась система слежения за спутниками?

Уайт пожал плечами — это было выше его понимания.

...Перед входом в магазин лежали кипы подержанных книг — на досках и перилах деревянного крыльца, на подставках. Тут же красовалась надпись: «Всего 10 пенсов» и плакат — «Книги — лучшее топливо для печей! Продажа на вес».

Посетители недоуменно переглянулись, вошли в дверь и поздоровались с белокурой девушкой, сидевшей за кассовым аппаратом. По правую руку был туалет и слышалось, как там, переливаясь, шумела вода. С левой стороны был вход в магазин. Синяя стрелка над дверью указывала вниз.

— Вот здесь, — сказал Уайт, — здесь я приобрел книгу «История растений». Спустимся в хранилище?

— Да, мне это любопытно, — отвечал Лампетер. — Обязательно надо осмотреть...

Он хотел добавить вслух: «...осмотреть место, куда телепортируются книги», но сдержался.

— Джентльмены? — обратилась к ним белокурая Мэгги, ибо это была она. — Могу я вам чем-нибудь помочь?

— Мы хотели бы осмотреть магазин и, если возможно, встретиться с владельцем.

— Одну минуту, — сказала Мэгги. — Ваши фамилии и откуда вы прибыли?

Лампетер назвал себя и Уайта.

Мэгги набрала номер хозяина, сказала о просьбе посетителей. Выслушала ответ, положила трубку.

— Хозяин будет ждать вас в разделе периодики, — подчеркнуто вежливо сказала она. — Через четверть часа. Внизу есть указатели.

Уайт и Лампетер поблагодарили Мэгги и спустились по лестнице в царство печатного слова.

Вначале они просто шагали с безучастным видом вдоль металлических полок, скашивая глаза на переплеты книг. Но вот первым остановился Уайт, привлеченный какой-то необычной обложкой в испанском разделе. Лампетер ненамного опередил его и, зацепившись взглядом за черную обложку «Полного Оксфордского литературного словаря», тут же остановился и взял книгу в руки.

Потом они уже просто переходили от полки к полке, от раздела к разделу. Они то вертели в руках громоздкие тома, то листали тоненькие брошюры, то перебирали многотомные собрания, книги за книгой.

Очнулись они минут через двадцать, и оба заторопились в раздел периодики. Они не сразу нашли его, но им попался хромой продавец, который вызвался их проводить. Владельца на месте еще не было.

Хромоногий заверил, что хозяин сейчас будет, и неожиданно спросил:

— Вы поняли, что означает реклама «Книги — лучшее топливо»?

— Признаться, нет, — ответил Лампетер.

— Да, такое вы вряд ли встретите где-либо еще, — сказал хромоногий. — Просто мой хозяин не любит, когда книги залеживаются на полках...

— Добрый день, джентльмены! — ворвался в их разговор энергичный мужской голос.

Посетители обернулись и застыли в недоумении. Перед ними стоял небрежно одетый, обрюзгший человек лет пятидесяти. Густые черные волосы на его голове были в беспорядке. Поверх клетчатой ковбойки — дешевый пуловер, какими торгуют в универмагах «Маркс и Спенсер». Брюки на коленях пузырились.

Билл-книжник понял их недоуменные взгляды и поторопился извиниться:

— Я не предполагал, что сегодня у меня будут такие важные гости... Простите за мой костюм. Когда имеешь дело с книгами, удобнее ничего не придумаешь.

Тут только Лампетер узнал его.

— Здравствуйте, Вильям Хайуотер! — сказал он, отчеканивая каждое слово. — Право же, не знал, что Билл-книжник — это вы!

И обернувшись к Уайту, он пояснил:

— Мистер Хайуотер прежде работал в нашей лаборатории. Мы старые знакомые.

— Здравствуйте, Лампетер, — ничуть не смущаясь отвечал Хайуотер. — Я не поверил своим ушам, когда Мэгги назвала вашу фамилию. Как дела в лаборатории?

— Лаборатория в порядке, без вас не пропали, — не слишком

приветливо проговорил Лампетер.— Вы, как мне известно, тоже не сидите без дела?

— Вот занялся книгами, это моя страсть...

— ...которая помогла вам стать миллионером!

— Для меня главное не в этом, профессор. К тому же ваш запальчивый тон неуместен,— сказал Хайуотер.— Вы знаете, что порядочный англичанин никогда не касается в разговоре трех тем: заработка, возраста и политических симпатий собеседника.

— Тогда ответьте на вопрос, не подпадающий под эти категории, но более для меня интересный: с помощью каких технических средств и откуда телепортируются книги в ваше хранилище?

Вопрос, видимо, застал Хайуотера врасплох.

— Я вправе не отвечать,— неторопливо сказал он,— но коль скоро вы до этого докопались, извольте. Пожалуйте в мой кабинет!

XI

Интерьер кабинета контрастировал с затрапезной внешностью Хайуотера. На столе стоял кнопочный переговорный пульт, несколько телефонов модных конфигураций, в их расцветке преобладали холодные тона. Рядом примостился портативный компьютер с печатающим устройством. Одна стена кабинета была сплошь, сверху донизу, занята телевизионными экранами. Всего их было шестнадцать.

Когда посетители вошли, два экрана светились. На одном из них виднелся торговый зал со стеллажами, среди которых бродили покупатели, на другом — Мэгги, получавшая в этот момент деньги у бородатого молодого человека в очках.

Стол в кабинете Хайуотера был красного дерева, как и кресла, стоявшие подле него. В центре стола, на самом видном месте, поблескивала зубчиками небольшая золотая корона.

— Итак, отвечаю на ваши вопросы,— заговорил Хайуотер, как только гости расселись, и, видимо по привычке, взял корону в руки.— Я располагаю ТМ-оборудованием, аналогичным тому, которое разработано «Лабораторией экспериментальной физики». Не скрою, я воспользовался чертежами и некоторыми деталями, заимствованными в лаборатории. Но ведь я сам их разрабатывал. Вся установка, приемная и передающая ее части, создавались при моем участии.

Лампетер порывался что-то сказать, но Хайуотер продолжал:

— Я знал больше вас. Мне было известно, что причина всех неудач на первой стадии крылась в неправильном методе фоку-

сировки инкарнационного поля. Я понял, что это — единственный мой шанс стать независимым в обществе, в котором я живу. Задержка работ давала мне время создать свою собственную ТМ-установку, которой я решил воспользоваться по своему усмотрению...

— Вы знали, в чем ошибка, и никому не сказали? — негодуя, спросил Лампетер.

— Не морализируйте, профессор, — поморщился Хайуотер. — Вы, вероятно, помните нашу стычку, когда я особенно ратовал за создание дубликаторов, как самых перспективных из всех ТМ-установок? Ваш скептицизм в отношении технического прогресса заставил меня глубоко задуматься. И я засомневался в том, как может быть использовано изобретение дубликаторов в нашем обществе. На пользу ли людям?

Тогда-то я решил сделаться независимым и постараться, чтобы дубликаторы действительно принесли пользу, а не стали новым средством обогащения для некоторых дельцов. Так вот, уволившись из лаборатории — вам это принесло повышение по службе — с чертежами и деталями в чемодане, я вскоре уехал из Оксфорда на остров Скай, на северо-западе Шотландии. Там я смог без помех заняться созданием дубликатора.

Остров этот голый, малонаселенный, продуваемый всеми ветрами. Там нет уютных мест для отдыха и развлечений. Туристов и случайных приезжих мало. Ничто не мешает работе...

— И все же, — не унимался Лампетер, — мы делали общее дело. Вы обязаны были сказать об ошибке!

Хайуотер усмехнулся. Пальцы его поглаживали зубчики короны.

— Почитайте Маркса! У него хорошо сказано о буржуазном индивидуалистическом мышлении... Но у меня были иные мотивы. Так вот, — продолжал Хайуотер, — я купил небольшую электромеханическую мастерскую, переоборудовал ее по своему усмотрению. Нанял в помощники нескольких специалистов. Все ответственные операции проводил сам. Через полгода — пригодился опыт, полученный в лаборатории в Оксфорде, — добился точной фокусировки инкарнационного поля. И мой ТМ-дубликатор заработал! Вас, как нетрудно догадаться, я обогнал.

— Ну, не очень-то мы отстали, — возразил Лампетер, доставая из портфеля дубликат книги «Роман Александра». — Только самую малость. Мы смогли принять вот это, когда ваши люди вели передачу из библиотеки Бодляна.

— Я должен был такое предвидеть, — задумчиво произнес Хайуотер, откладывая корону и беря в руки книгу, прошитую серебристой проволокой. — Передатчик находился практически ря-

дом с вашей лабораторией, так что вы приняли достаточно сильный сигнал...

— Оставим в стороне технические подробности,— уклончиво сказал Лампетер.— Нам теперь все или почти все ясно. Но считаете ли вы лично, что вами при нынешней деятельности соблюдены все морально-этические нормы?

— Вы опять за мораль? — без улыбки сказал Хайуотер.— Что касается ТМ-дубликатора, то я создал его сначала в своей голове. Затем сделал его собственными руками и на личные средства. Знание предмета я тоже не похитил: сам разрабатывал теорию телепортации, а следовательно, являюсь по меньшей мере соавтором открытия. ТМ-дубликатор — мое детище!

Хайуотер умолк и вернул книгу профессору Лампетеру.

— Ну а как насчет способов, которыми вы приобретаете книги? Какую их часть вы получаете с помощью дубликаторов? — осторожно спросил Уайт.

— Зачем вам это знать? — удивился Хайуотер.— Впрочем, ладно. Ведь для этого в основном я и создавал дубликатор. Сейчас — девяносто процентов всех поступлений. На меня работают десятки людей в разных концах света. Они оснащены портативной ТМ-аппаратурой, соответствующим образом замаскированной под кинокамеры, фотоаппараты и другую технику. Мои агенты работают в книжных магазинах, хранилищах, музеях, в церквях и монастырях...

— Воровство — слово, пожалуй, слишком грубое для данного случая, — заметил Лампетер.— Но такой способ приобретения книг вряд ли законен...

— А вы обратитесь в суд, — насмешливо произнес Хайуотер.— Попробуйте пойти в суд и увидите, что будет.

— Вы хотите сказать, что подобного прецедента не было?

— Да, профессор, не было. Я не краду книги, они остаются на своих местах, целехоньки. Могут быть только претензии, что я снимаю с них копии без разрешения.

— И без компенсации, — подсказал Лампетер.

— Справедливо, но бездоказательно.

— Пожалуй, доказать это можно, — сказал профессор.

— А если иные владельцы не будут иметь претензий? — возразил Хайуотер.

— Кто откажется от собственной выгоды?

— В любом случае мои действия не носят социально опасный характер, — твердо заявил Хайуотер.— Состав преступления здесь нет.

— Значит, вы рассчитываете выйти сухим из воды?

— Ни один суд не примет такой иск, — с уверенностью в го-

лосе сказал Хайуотер.— Уж не собираетесь ли вы меня шантажировать?

— Нет, Хайуотер, вы ошибаетесь,— заверил его Лампетер.— Мы приехали сюда только затем, чтобы убедиться, что действующий в библиотеке Бодлайана дупликатор — ваш.

— Вы не ошиблись. Не вижу смысла скрывать это от вас, как от коллеги по научному открытию,— с наигранной любезностью сказал Хайуотер.— Моя цель — не обогащение, иначе бы я получал золото и драгоценности. Я люблю книги, профессор, и теперь имею возможность давать их людям... за скромное вознаграждение. К тому же я тоже несу немалые расходы: на оплату персонала и оборудование. Да и ТМ-приемники потребляют много дорогой энергии на инкарнацию.

— А вы все же спросите мистера Уайта, купившего у вас ценную книгу года два назад,— не унимался Лампетер,— не чувствует ли он себя обманутым, узнав недавно с моей помощью, что является обладателем не подлинника, а дубликата книги?

— Что вы на это скажете, мистер Уайт? — спросил Хайуотер, переводя взгляд с одного гостя на другого.

Уайт в отличие от Лампетера держался спокойно, с достоинством.

— По сути дела,— начал он,— это та же самая книга. Цена ее была вполне умеренная, что правда, то правда. Так что, по здравом рассуждении, я как любитель и ценитель книг не в претензии к мистеру Хайуотеру.

— Вот, видите! — воскликнул хозяин.— Человек, которого вы, Лампетер, пытаетесь изобразить моей жертвой, претензий ко мне не имеет!

Лампетер бросил на Уайта укоризненный взгляд.

— Будущее покажет, будут ли к вам претензии,— упрямо сказал он и встал.

Уайт поднялся вслед за профессором. Было видно, что он не одобряет нервное поведение Лампетера. Чтобы как-то разрядить атмосферу, Уайт сказал:

— Прежде чем мы уйдем, мне хотелось бы поблагодарить вас за то, что вы нашли время с нами побеседовать. И еще... разрешите задать один вопрос? — извиняющимся тоном произнес Уайт.

— О чем же?

— Что за плакат висит на стене замка?

— Насчет королевства Хэй-он-Уай? — уточнил Хайуотер.

— Да, да!

— Через неделю, в день летнего солнцестояния, у нас начнется ежегодный карнавал — большой и веселый праздник книги.

Съедутся десятки тысяч человек, со всей страны и из многих стран с континента. За несколько дней они раскупят книг на миллион фунтов!.. Милости просим и вас в независимое книжное королевство Хэй-он-Уай!

— И какой же король правит в Хэй-он-Уай?

— Разумеется, я! — не моргнув глазом ответил Хэйуотер, водружая себе на голову золотую корону.

ВЯЧЕСЛАВ РЫБАКОВ

Пробный шар

1

Спрогз, везший сменные экипажи для мирандийских станций, сообщил, что встретил за орбитой Юпитера искусственный объект внеземного происхождения. Новость быстро облетела всю Солнечную, к месту встречи потянулись корабли. Объект оказался идеальным шаром полутора километров в диаметре. Ни на какие сигналы он не отвечал, локация и интралокация не дали результатов. Посланная Спрогз партия буквально на первых же минутах обнаружила люк. Земля приказывала от контакта пока воздержаться и ждать прибытия специалистов. Но Шар словно играл в поддавки. Явно видимая кнопка была слишком соблазнительной, и кто-то не удержался.

Как и следовало ожидать, сразу за люком оказалась небольшая камера, отделенная еще одним люком от недр Шара. Второй люк открылся столь же легко. Загадки сыпались одна за другой, все быстрее — первый люк закрылся, но связь с исследовательской группой не прервалась. Захлебываясь от волнения, перебывая друг друга, исследователи сообщили, что попали в совершеннейшим образом смоделированные земные условия и что им очень неловко оставаться в скафандрах — по пояс в траве они шли к зарослям кустарника, тянувшимся по берегу реки. «Ужас, как мы давим траву, — сказал начальник группы, — За нами такой след остается...»

Уже тогда скользнула мысль, что это — ловушка.

Он остановился.

Переложив маки в левую руку, Андрей похлопал латан по необъятному стволу, затянутому геплой, как человеческая кожа, корой, глянул вверх, в бездонное варезо листьев, а потом, будто спросив у платана удачи, в который раз за последние дни набрал номер Соцера. Соцера в который раз не ответил. Андрей подбросил кругляшок фона на ладони. Ему больше некуда было звонить. Он хотел спрятать фон, но какой-то седой мужчина с тонким лицом музыканта попросил дать на минутку позвонить. Андрей протянул ему фон и, чтобы не смущать, отвернулся к морю.

— Нет, они сказали — нет, — негромко и поспешно заговорил музыкант. — Меркурий совсем закрыт, что-то строят. Придется ограничиться астероидами и Марсом, там есть очаровательные места...

Интересно, подумал Андрей. Что там могут строить опять? Может, нужны пилоты-одиночки? Впрочем, Соцера бы сказал. Хотя Соцера куда-то сгинул, звоню ему, звоню... Но это же последний друг настоящий. Гжесь ушел в Звездную. А Марат погиб на этом... этом проклятом.

Ближе к «Эспаньоле» расфуфыренная круговерть становилась все гуще. Здесь уже никто не смотрел с восхищением и завистью на дикие маки, которые полчаса назад Андрей сорвал для Симы далеко в степи, тщаь донести до нее хоть тень степного великолепия. Андрей спустился на пляж и сразу заметил одинокого мальчика лет семи — тот неумело пускал блинчики по гладкой поверхности дымчато-розового моря. С удовольствием загребая стучащую гальку носками туфель, Андрей подошел к мальчику.

— Ты что творишь, убище? — спросил он. — Там же девочка плавает, смотри, какая красивая. Ты ей голову разобьешь.

Мальчик обернулся. Он совсем не был похож на сына Андрея — длиннолицый, мрачный — и глядел исподлобья.

— Не разобью, — угрюмо ответил он Андрею. — Мне дотуда не дострелить.

— А если случайно дострелится? Несчастный случай на то и случай, что происходит случайно. Прежде чем стрелять, проверь, нет ли кого на линии выстрела, причем обязательно с запасом. Потом берешь камень за ребрышки, приседаешь и кидаешь параллельно воде. Вот так, — Андрей показал. Мальчик слегка взвизгнул. Да, подумал Андрей, такого рекорда мне до конца дней своих не повторить. Бывает же...

— Понял? — спросил он мальчика. — Смотри еще раз, — он тщательно изготовился, внутренне уже оплакивая фиаско, и камень едва не сорвался, но ничего — проллюхался бодренько, а через

секунду там, где он прошел, вынырнула лысая голова в маске и стала шумно отфыркиваться. Тьфу, ты, черт, подумал Андрей, мгновенно покрываясь потом. Вот же — опять неконтролируемые последствия, сейчас бы как вlepил... Муравейник.

— Дерзай,— сказал он. Мальчик смотрел на него с восторгом.— Во-он туда кидай.

Мальчик взял голыш и спросил:

— Я правильно делаю?

— Правильно,— одобрил Андрей и сел рядом с мальчиком.

Мальчик замахнулся, задал опять свой вопрос и выронил голыш.

— Неправильно,— сказал Андрей.

Несколько минут они так играли, но мальчику быстро надоело. Лицо его вновь стало унылым. Андрей вскочил и выворотил изрядный валунище.

— А вот сейчас будет блин так блин! — закричал он и, как ядро, пустил его в воду. Мальчик засмеялся, схватил первый попавшийся булыжник и, с трудом его подняв, неумело кинул метра на полтора от берега.

— Вот блин так блин! — завопил он тоненьким голоском.

— А вот сейчас будет всем блинам блин! — закричал Андрей тоже тоненьким голоском, подхватил мальчика и как был, в одежде, вломился в воду. Мальчик визжал, заходясь от смеха, и бил по воде руками и ногами; с берега, улыбаясь, смотрело человек двадцать. «Бл-и-ин!» — закричал мальчик, но Андрей уже увидел мужчину в очень яркой рубашке, завязанной на животе узлом, и очень ярких плавках, который озабоченно спешил к ним с громадным, очень ярким полотенцем в руках.

Андрей выволок мальчика на сушу, и тот бросился навстречу мужчине с криком: «Папа! Пап! Во здорово!» С Андрея текло. Мужчина подошел ближе и вдруг остолбенел, глядя Андрею в лицо. Узнал что ли, с досадой подумал Андрей.

— Это вы? — потрясенно спросил мужчина. С давних пор есть лишь один ответ на этот вопрос.

— Нет,— сказал Андрей,— это не я.

На подмогу мужчине двигалась полная красивая женщина, одетая тоже очень ярко. Мальчик еще дергал отца за руку: «Ты почему никогда не пускаешь блинчики, пап?», но отчетливо повеяло морозом. Мужчина колебался секунду, а потом решительно набросил полотенце на сына, как набрасывают платок на клетку с птицей, чтобы птица замолчала.

— Как вам не совестно,— процедила подошедшая женщина.— Я вас давно заметила и позволила немного развлечь Вадика, но это слишком.

— Простите,— покаянно сказал Андрей. Ему было неловко и совестно.— Знаете, пацан стоял такой одинокий, прямо жалко стало.

— Духовно богатый человек никогда не бывает одинок.

Ожесточенно растираемый Вадик что-то сдавленно загугукал из-под полотенца.

— Он уже купался сегодня свои три раза. Кроме того, это крайне вредно для духовного развития. Мы говорим: три, и только три. Но вдруг является совершенно чужой человек и разрушает все запреты! Во-первых, это подрывает уважение ребенка к ним, во-вторых,— к нам.

— Простите,— сдерживаясь, сказал Андрей.

— Взрослый человек, а ведете себя, как ребенок. В одежде полезли в воду!

— Ах, простите,— сказал Андрей, уже откровенно издеваясь, но издевку понял лишь мужчина. Его глаза сузились, он прекратил растирание.

— Клара, прошу тебя...

На набережной мужчина догнал Андрея.

— Подождите! — выдохнул он и схватил Андрея за локоть.— Я хочу сказать... Я всегда мечтал встретить вас и сказать... Я вам завидую!

— Да что вы говорите?! — ахнул Андрей.— Да не может быть!

— Да. Да! Вы...— мужчина дышал, как после долгого бега,— вы так свободны! Захотел одетый в воду — пошел. Захотел уничтожить Шар — пожалуйста.

Вот чудак, с тоской подумал Андрей. Ему бы эту свободу.

— Зря вы Шар со штанами мешаете...

— И с моим сыном вы свободнее меня!..

— Зато своего я уже сто лет не видел,— утешительно сообщил Андрей. Мужчина помолчал, хмурясь.

— У меня была такая же возможность! — выпалил он отчаянно.— Была! Но я не... Я когда услышал потом про вас,— подумал — хоть один человек настоящий нашелся! Ведь пилоты стали уже лобаваться. А ну как встретится... подманит!.. И я боялся. Не признавался никому, а боялся. Как он исчез, подманив тех, со станции, многие стали говорить — взорвать его, сжечь плазмой! Говорили! А духу только у вас хватило...

— Знаете,— ответил Андрей,— мне давно пришло в голову, что если человек с совестью, он должен делать только то, что хочет. Если человек поступает не как хочет, а как хотят другие, мир становится беднее на одного человека. Но чем шире спектр, тем динамичнее и перспективнее система. Выполнять свои желания — это просто-таки наш долг.

— Я вам завидую,— произнес мужчина и, помолчав, отпустил его локоть.

— А голосовали вы за или против? — спросил Андрей просто из интереса, но мужчина решил, что это упрек, и отвел глаза.

— Если бы я голосовал за ваше оправдание, товарищи не поняли бы меня,— произнес он изменившимся голосом.

— Ясно.

— Негодование тогда было очень велико.

— Я помню.

— Поймите меня правильно. Я как раз получил новое назначение. Тот экипаж не сталкивался с Шаром. Никто из них не мог так бояться и ненавидеть его, как я или вы!

Андрей честно попытался вспомнить, боялся ли он Шара. Да нет, мысль, что Шар подманит его прямо из его планетолета, даже в голову ему не приходила.

— Я впервые получил место третьего пилота. И Клара мною гордилась! Как я мог?!

Андрей кивнул.

— Ну, конечно... Человека уничтожить легче, чем Шар...

Мужчина вздрогнул.

— Вы не поняли,— проговорил он со всепрощающей укоризной.— Все-таки вы не поняли. А я так переживал за вас.

— Ах, простите,— сказал Андрей.

2

Первая партия благополучно вернулась на корабль, но судьба второй, более многочисленной и оснащенной, оказалась непостижимо трагической. Она проработала в Шаре восемь часов, затем программа была исчерпана, и Спрогз, державший с исследователями постоянную связь, командовал возвращение. Получение приказа было подтверждено, и связь прервалась. Через четверть часа Спрогз отправил на выручку еще трех человек. Поговаривали, что именно из-за этих троих Спрогз впоследствии застрелился. Вторая группа с порога Шара сообщила, что трава у входа не смята, Спрогз приказал им войти в Шар и попытаться найти хоть какой-нибудь след, правда, удаляясь от входа не более чем на сто метров, и если беглые поиски окажутся безрезультатными, немедленно возвращаться. Связь с тройкой прервалась через двенадцать минут. Буквально сразу после этого Спрогз вы-

звали со спешащего к месту встречи грузовика — он должен был, как планировалось, отбуксировать Шар ближе к Земле — и сообщили, что их радар зафиксировал впереди, несколько в стороне от курса, металлическую цель, которую сразу смогли дешифровать. Это был медленно летящий скафандр, автоответчик которого давал позывные корабля Спрогз. Человек в скафандре на вызовы не отвечал. Сообщению невозможно было поверить — все скафандры были налицо, за исключением тех, в которых ушли в Шар исследователи. Через полчаса, однако, грузовик сообщил, что взял скафандр на борт. Внутри был обнаружен труп человека. Причину смерти, как сообщили с грузовика, установить пока не удастся (не удалось и впоследствии). Изображение передали на корабль Спрогз — это был химик, ушедший в Шар со второй группой. Его обнаружили в тридцати шести миллионах километров от Шара через сорок минут после прекращения связи.

Оставив возле Шара три кибербакена, Спрогз пошел навстречу грузовику, с помощью своей мощной аппаратуры просматривая пространство. Мысль его была ясна — если один исчезнувший член экспедиции оказался далеко в открытом космосе, остальных можно найти там же и, возможно, спасти. Надежда явно иллюзорная, но вряд ли кто-либо смог бы отказаться от такой надежды спасти людей. Спрогз встретил грузовик, никого не найдя, а еще через два часа все бакены одновременно сообщили, что перестали фиксировать объект слежения.

Он заулыбался издалека.

Сима сидела за столиком у бушприта «Эспаньолы».

Они познакомились год назад, и Сима сразу потянулась к Андрею. Ей было очень плохо в ту пору — она никогда не рассказывала, почему. И он поддерживал ее, как умел, и постепенно полюбил ее, насколько может вообще полюбить уставший от себя человек, — стал нуждаться в ней. Иначе ему совсем не для кого было бы жить, а для себя он не умел.

— Это тебе, — сказал он, падая на одно колено и протягивая букет.

— Спасибо, — ответила она, подержала цветы на весу, как бы не зная, что с ними делать, а потом положила на стол. Андрей

встал. От его колена на полу осталось круглое влажное пятнышко.

— Представь себе,— проговорил он, садясь,— пятый день не могу дозвониться до Соцера.

— Что он тебе вдруг понадобился? — удерживая соломинку в углу губ, спросила Сима.

— Он мне всегда нужен. Как и ты.

Она усмехнулась чуть презрительно, потом выронила соломинку изо рта в бокал и, не поворачиваясь к Андрею, нехотя произнесла:

— Наделю назад мне Ванда рассказывала, что большую группу опытных пилотов затребовал Меркурианский филмал спецработ. По-моему, она упоминала фамилию Соцера.

Андрей удивленно склонил голову набок.

— Вот как? А цель?

Сима пожала плечами. Видно было, что мысли ее где-то очень далеко, и она с трудом поддерживает разговор.

— Что ж он мне не позвонил...

— А зачем ему, собственно, перед тобой отчитываться?

— Ну, как... Друзья же... знаешь, какие! Знаешь, как мы в войну играли?

Их было пятнадцать. Да, это было великолепно. Оперировать все лето в лесах Западной Белоруссии, прорывать окружения, спланированные учителями с великим хитроумием, чувствовать надежную сталь оружия, верить в себя и в тех, кто рядом, вдыхать пороховой дым. А на привале вдруг впервые в жизни задуматься и понять, каково это было на самом деле...

— И что чудесно,— мечтательно сказал Андрей и даже глаза прикрыл.— Всемогушество какое-то, правда. Единство. Как мы взорвали мост! Ох, Сима, как мы взорвали тот мост! Это же сказка была, поэма!..— он вздохнул.— А Ванда словом не обмолвилась, в чем там дело?

— Послушай, Андрей,— задумчиво произнесла Сима и повернулась наконец к нему.— Я тебе нужна? Действительно?

— Да,— ответил он удивленно.

Она покачала головой.

— Тебе никто не нужен,— в ее голосе были слезы и торжество.— Ты одного себя любишь, настолько, что стараешься всем быть нужным. Все равно кому. Со мной ты был лишь потому, что был нужен мне.

Она умоляла, глядя на него непримиримо и выжидательно. Он молчал.

— Разве я не права?

— Права,— ласково произнес он.— Как ребенок. Для ребенка ведь любая ситуация решается однозначно.

— Какой ты специалист по детям!

Когда ей хотелось, она была беспощадно, не задумываясь.

Андрей погладил ее холодные пальцы. Ему всегда казалось, что человек, сделавший другому больно, сам мучается и жаждет прощения и тепла.

Она отняла руку и сухим тоном судьи спросила:

— Когда ты последний раз виделся с сыном?

— Давно,— ответил он негромко.— Зачем тебе?.. После всего я...

— Знаешь, я не касаюсь этих твоих космических дел. Меня твой Шар мало трогал, даже пока был, и уж совершенно перестал волновать с тех пор, как ты спалил его, хотя я бы, конечно, такой глупости не сделала, да и любой здравомыслящий человек... Геростратов комплекс неудачника, так я сразу решила, еще не зная тебя. А узнала — подивилась. Ты же был приличный пилот. Только недавно поняла — ты просто любишь ломать то, что дорого другим. Тебя это возвышает в собственных глазах. Но не сваливай на Шар свою несостоятельность в семье. Надо честно сказать: да, мне захотелось сломать и тут!..

— Ох, Сима, Сима,— выговорил он.— Хорошо. Вот представь: твой сын говорит тебе...

— У меня нет детей,— резко сказала она.— Ты намеренно стараешься ударить побольнее?

Он только стиснул зубы.

— У меня слишком много важной работы, товарищи не поймут меня, если я их оставлю! Тем более что на помощь мужчин, как видно по тебе, рассчитывать не приходится!

Генных инженеров действительно зверски не хватает, поспешно подумал Андрей ей в оправдание. Но где я слышал про недооценивающих гвардию, совсем недавно... Она хотела, чтобы я ее заставил, понял он. Настоял или подстроил.

— Ладно,— примирительно сказал он.— Пойдем купаться.

— Ты просто смешон! — она резко поставила на столик свой опустевший бокал.— Посмотри! Ведь за что бы ты ни взялся, все ты делаешь не так, кривь и вкось! И хоть был бы просто подлец, это еще полбеды! Нет, эта вечная поза! Я ведь думала, ты необыкновенный... добрый... все знаешь и все можешь.

— Ты сегодня так говоришь, будто меня ненавидишь.

— Да. Я ненавижу тебя. Ты очень плохой человек, Андрей.

Она резко встала.

— Не провожай. Мне больше, чем тебе. Мне гораздо больше.

Она рывком повернулась и пошла прочь.

— Цветы! — глупо крикнул он. Но она даже не сбилась с шага.

Сидевший поодаль от «Эспаньолы» мужчина, расцветая в улыбке, поднялся Симе навстречу. Она взяла его под руку, мельком оглянулась — видит ли Андрей, удостоверилась, поцеловала спутника в щеку, и они двинулись по набережной. Андрею показалось, что это музыкант, недавно просивший у него фон. Но он не успел разглядеть. Сколько времени ждал, подумал Андрей. Интересно, за кого она ему меня выдала? Товарищ по работе. У нас очень важная работа, у нас очень много работы. Срочный разговор на четверть часа. Ты не обидишься, милый, если я попрошу подождать вот здесь? Бедняга. Ищет, ищет того, кто бы за нее прожил ее жизнь, а она бы только при сем присутствовала в качестве бесконечно хрупкого украшения... претендуя на воплощение бездейственной горней справедливости, но на деле, по слабости своей, лишь сварливая и беспощадная. Как тут поможешь? Это в детстве складывается. Неуверенность, страхи, запреты... Он вспомнил Вадика, глухо и тщетно гугающего под полотенцем.

Тоска была — хоть вой. И еще — неловкое, стыдное какое-то сочувствие и досада, словно Дездемона на сцене вдруг споткнулась, выругалась хриплым басом и закурила.

Странно все устроено, подумал Андрей отстраненно. Обычную измену или подлость простят, может, не заметят даже. Но доброты и любви, проявленных не так, как хотелось бы ожидающим их, не прощает никто и никогда. Потому что знают: если лучшее уже отдано им, и отдано «не так», больше не на что надеяться. И надо уходить.

3

Второй раз на Шар наткнулись спустя восемь лет, совсем в другом месте. Патрульный катер сообщил на Землю о встрече и на большом удалении остался ждать. Через неделю прибыла подготовленная в кратчайший срок мощная экспедиция.

Кибернетики открыли люк и ввели в камеру набитый аппаратурой кибер. Однако дальнейший путь оказался заблокированным. Все попытки кибера пробиться за второй люк, длившиеся неделю, оказались тщетными. Заседания ученого совета шли почти непрерывно, к ним подключались специалисты с Земли, прибыл даже грузовик со специальной режущей установкой — все впустую. Наконец, третий пилот, Трамбле, предпо-

ложил, что требуется человеческое присутствие. С научной точки зрения эта гипотеза была абсолютной чепухой, и так чепухой бы и осталась, если бы Трамбле, после двухдневных мук, не вышел из корабля якобы для профилактического осмотра наружных маршевых конструкций. Лишь оказавшись у Шара, он связался с рубкой; задержать его не смогли. Люк открылся от первого же прикосновения человеческой руки, и Трамбле тут же вернулся. Медленно продвигавшийся кибер транслировал изображение спирального коридора, в котором царили космический холод и вакуум. Кто-то предположил, что им встретился совсем не тот Шар, который встретился Спрогз, но это был явный абсурд — на микроскопическом слое пыли, скопившейся на Шаре (по его толщине определили приблизительный возраст Шара в полтора миллиона лет), еще в первые часы экспедиции обнаружили следы, оставленные людьми Спрогз. Прошло восемь часов, коридор казался бесконечным. Затем связь с кибером прервалась. Немедленно был послан другой, с ним полетел второй пилот Марат Блейхман, чтобы открыть люки. Внешний люк закрылся, и люди в рубке услышали крик: «Там Земля, я вижу! Только человеку дано видеть живое!» Затем связь прервалась. Послали человека с приказом открыть внешний — только внешний! — люк. В камере находился лишь кибер. Открывать внутренний люк не стали. Неделя прошла в бесплодных попытках что-то сделать. За полсуток до окончания срока автономности Марата сам командир, не сказав никому ни слова, улетел к Шару. Он открыл внутренний люк и действительно увидел высокую нетронутую траву и голубое небо. В течение получаса, не перестулая границ камеры, командир вызывал Марата по радио, а затем ввел кибера в зеленую внутренность Шара — ломая траву, тот двинулся вперед. Командир вернулся. Более суток кибер передавал в рубку изображение коридора, проделал почти тридцать километров по узкому извилистому каналу, затем связь с ним прервалась. Запас киберов иссяк; оставив на разном расстоянии от Шара восемь бакенов, экспедиция в тот же день ушла к Земле. Через сорок две минуты бакены сообщили об исчезновении объекта слежения.

Он вздрогнул.

— Вы ли это, Андрей? — раздался сзади певучий женский голос.

Нет, конечно, это не Сима. Перед ним стояла женщина ослепительной красоты. Рядом с нею высился не менее яркий мужчина в короткой, перекинутой через плечо пантерьей шкуре; длинные синие волосы его были завиты. Андрей узнал женщину, их познакомил зимой Гарднер — один из всем недовольных, которые с некоторых пор крутились вокруг Андрея, ошибочно принимая его за своего.

— Добрый вечер, Гульчехра, рад видеть вас.

— Мы не помешаем? — спросила женщина.

— Нет, что вы. Напротив!

— Андрей, познакомьтесь, это Веспасиан, — пропела Гульчехра. — Сима, это Андрей. Это он сбросил Шар на Солнце.

Она произнесла это, словно предлагая урода в банке: «У него две головы».

— Ах, я слышал, — промолвил Веспасиан.

Гульчехра рассмеялась и удалилась к стойке, в то время как Веспасиан утвердился в кресле и уставился на Андрея громадными коричневыми глазами.

— Ты был с ней?

— Я? — опешил Андрей. — Да нет... где уж...

— Не надо лгать! Я чувствую тебя — ты прост и незамысловат, ты не смог бы сам. Это Гуль, она шакти. Рядом с ней мужчина не может не стать гением. Шар! Ход гениальный!.. — Губы его дрогнули от презрения, он сделал широкий жест рукой. — Великолечно! Гениально, я так сказал! Прекратить всю их суету, все их потуги разом! Саморазвертывание, самореализация такого масштаба, такой хлесткости — в нашем пошлом мире сусальных добродетелей это подвиг! Я никогда не поверю, что ты обошелся без соприкосновения с высшими силами.

— С чем, с чем?

— Там, — он воздал руки к небесам, — на перекрестках астральных путей, соединяющих поля восходящих и нисходящих инкарнаций...

Подошла Гульчехра, осторожно неся золоченый подносик с тремя бокалами.

— Ну, о чем вы здесь? — она уселась и схватила за бокал.

— О тебе, солнце мое, — сказал Веспасиан.

— Гульчехра, я задам вам вопрос, который, быть может, не вполне сейчас уместен...

— Да-а? — заинтересованно пропела Гульчехра, наклоняясь к Андрею всем телом.

— Вы давно виделись с Гарднером в последний раз? Я к тому всего лишь, простите, что брат его работает в Хьюстонском управлении грузоперевозок. Может, вы помните случайно.., не говорил ли он о новом строительстве на Меркурии?

При имени Гарднера женщина с отработанной загадочностью заулыбалась было а-ля Мона Лиза, но сам вопрос ее явно разочаровал.

— Оставь это! — гневно вскрикнул Веспасиан и так стукнул кулаком по столу, что с маков посыпались лепестки. — Рядом с тобой, — он ткнул в сторону Андрея длинным пальцем, — прекраснейшая из женщин мира! А ты говоришь о какой-то возне! Трус! Ты ищешь забвения в мелочной суете вещей, боясь освобождения духа.

— Успокойся, милый, пожалуйста, — испуганно залепетала восхищенная Гульчехра. — На каком накале ты живешь, ты совсем не щадишь себя...

— Да, — с грустью произнес Веспасиан и обмяк в кресле. — Идти авысь нелегко... Но я иду! — он опять устремил взгляд на Андрея. — На пляже. В горах. Дома. Даже когда сплю. Самосовершенствование не может быть дискретным, — он брезгливо вытащил из бокала соломинку, допил коктейль и встал. — Гуль, нам пора.

Андрей резким движением выплеснул за борт свой нетронутый коктейль.

А ведь я чуть не теми же словами толковывал Вадыкиному отцу про желания... Слова, что вы с нами делаете?

Неожиданно для себя он рассмеялся.

Я же их спас!

Всех, кто по собственному почину или выполняя приказ, раньше или позже опять полез бы в этот проклятый Шар! Неужели мы сами не додумаемся до подпространства и до всего на свете без этого зверства, когда один посылает на смерть, а другой идет на смерть и пропадает без следа!

А они сочли себя униженными, потому что я поставил на одну доску и тех, кто стремился бы вперед, и тех, кто отполз бы назад.

Да, наверное, существует принцип «Нет ничего, что подлежало бы насильственному уничтожению». Но с молоком матери впитанное стремление оберегать и радовать говорило другое. Люди не должны погибать! Люди не должны страдать! То, что опасно, должно уничтожаться! В глубине души Андрей до сих пор был уверен в этом. И это оказывалось страшнее всего, потому что теперь он не мог доверять никому, даже глубине собственной души.

Шар стал легендой; старые капитаны рассказывали о нем жуткие сказки. Смертельная опасность исследований придавала Шару особое очарование — вероятно, сродни тому, которым обладали прежде таинственные кладбища и заколдованные замки, — что же касается спящих красавиц, то их с лихвой заменяла перспектива овладеть подпространством, которым, очевидно, пользовался Шар.

К тому времени как на него набрела яхта с молодоженами, на счету его было уже два десятка загадочных смертей. Парочка в панике вызвала патруль, а сама, едва дождавшись его, прервала путешествие — по слухам, с тех пор оба зареклись покидать Землю. Диспетчерская едва сумела убедить их не улетать до подхода патруля — дело в том, что одно из бесчисленных поверий, нагромоздившихся к тому времени вокруг Шара, гласило: он не ускользает в подпространство, пока рядом находится и его наблюдает человек; диспетчер же, в прошлом профессиональный космонавт, безоговорочно принимал профессиональные суеверия. Патруль занял позицию слежения, а Совет Космологии и Космогации тем временем уже собрался на заседание, которое с короткими перерывами длилось несколько суток. Решено было исследований не предпринимать, но держать Шар под непрерывным наблюдением. Действительно, более полутора лет рядом с Шаром находилась станция, на которой, сменяясь каждые две недели, дежурили наблюдатели. Научные результаты этого дежурства оказались практически нулевыми, и существование станции было бы бессмысленным, если бы, во-первых, не подтверждение дикого поверья — Шар не исчезал. А во-вторых, что совсем не имелось в виду при создании станции, наблюдатели предотвратили семь самочинных попыток проникнуть в Шар.

Однажды смена не вышла на связь. Патруль нашел станцию пустой, а Шара уже и в помине не было. На пульте рубки стоял кристаллофон, и десятки ученых самых разных специализаций часами вслушивались потом в заикающийся от волнения голос: «Он сам позвал, и мы пошли. Как мы могли не пойти, раз он сам?! Меня он отпустил, но Чэн и Джошуа остались,

они меня ждут. Ваш проклятый патруль уже рядом, он все испортит! Но мы вернемся, я знаю, он сказал, мы уцелеем, мы вернемся!» Они не вернулись.

Грузовой планетолет Андрея, везший на Меркурий тяжелое оборудование, встретил Шар между орбитами Меркурия и Венеры три года назад. Оставив груз болтаться в пространстве, Андрей взял Шар в гравизахваты и, не сообщая на Землю, на большом ускорении поволок к Солнцу. Едва не возник бунт. Но Андрей подавил его в зародыше, просто заперев людей в их каютах, хотя решиться на это было едва ли не тяжелее, чем на само уничтожение Шара. Он продолжал разгонять Шар далеко за орбитой Меркурия и лишь вблизи короны выпустил груз. Перегрузка при торможении и повороте была почти предельной, но Андрей в течение нескольких часов не отрывался от телескопа, чтобы Шар не ушел,— врачи поражались потом, как он не потерял сознания. Уже далеко в глубине верхней фотосферы Шар начал разрушаться. Отчетливо видно было, как он, прокалывая бушующие слои твердого пламени, медленно начал оплывать, а потом вдруг упруго распался на вереницу ослепительных громадных капель, которая продолжала со страшной быстротой соскальзывать в огненную глубину.

Он очнулся.

Достал фон и запросил у справочной данные на Соцерио.

— Место пребывания — Меркурий, станция слежения, — ответил автомат после очень долгого молчания. — Должность — пилот-оператор. Беседа в настоящий момент невозможна из-за специфики проводимых работ.

Ну вот, подумал Андрей, что за станция объявилась? Из-за станций закрывать планету?! Его вдруг зазнобило. Он несколько раз подбросил фон на ладони, а потом позвонил приятелю из Бюро спецработ.

— А, привет, — обрадованно сказал Семен. — Ты как снег на голову. Я, знаешь, думал, тебя и на Земле-то давно нету...

— Я по делу. Что вы там строите на Меркурии?

Семен заморгал.

— Может, нужны пилоты-одиночки?

— А ты что... все бездельничаешь?

— Ну, нет, конечно. Мы работать приучены, всю весну вот у вулканологов отбарабанил. Побираться, где придется... Но это ж летать.

— Побираюсь... Экий ты, знаешь, ядовитый, Андрюша. Ты ж добряк был!

— Добряк с печки бряк,— буркнул Андрей.

Семен тяжело вздохнул.

— С Лолой так и не видишься?

— Так и не вижу.

— И с парнем?

— Слушай,— проговорил Андрей,— черт возьми. Однажды он подошел ко мне и спросил: папа, почему тебя никто не любит? К пяти ему шло... Я так и сел. Как же, говорю, а мама, а дядя Соцоро. А он говорит: ты когда уходишь, мама, если думает, что я не вижу, плачет, говорит: за что мне такое наказание,— он помедлил.— Я ведь до сих пор не знаю, может, я и впрямь это сделал неправильно. Значит, не имею права сказать ему: они не поняли меня, а ведь я у тебя самый лучший. Но, с другой стороны, не годится человеку с малых лет знать, что такое ostracism. Рабом вырастет, сможет лишь повторять за другими, а сам — ни-ни... И хватит, говори дело!

— Нахватался слов умных,— проворчал Семен.— Ostracism, ostracism... Лола твоя до сих пор так небрежно, знаешь, осведомляется, как ты... здоров ли... модны ли рубахи, которые тебе подружки твои подбирают... Нет там тебе работы,— почти мстительно продолжил Семен.— Черт его знает, что за станция, она не по моему отделу шла. Астрономы что-то вынюхали на Солнце. Из-за станции этой, знаешь, два объекта законсервировано, а еще у семи отложено начало работ на неопределенный срок.

— Но с чего туризм-то закрыли?

— Какой туризм?

— На Меркурий.

— Откуда я знаю? — Семен развел руками.— Впервые слышу. Туризм... У меня своей работы навалом! Да и дочурки в основном на мне... Если я, знаешь, еще туризмом начну... Станция и станция! Не поставили меня в известность, не сочли нужным — и спасибо от всей моей души! Надо делать свое дело!

— Да уговорись! — засмеялся Андрей.— Я слова не сказал!

— Я вижу, куда ты гнешь. Полез не в свое дело — вот как твой подвиг называется. Я даже голову не хочу, знаешь, себе ломать — правильно ты Шар сжег или неправильно. Но наказали тебя справедливо. Потому что взялся не за свое дело. И, разумеется, дров наломал. Для каждого дела есть специалисты.

— Ладно,— сказал Андрей.— Счастливо оставаться, прости, что вторгся.

— Погоди,— запнувшись, пробормотал Семен.— Ты бы, знаешь, зашел как-нибудь?..

— Да что я тебя отрывать буду.

— Оторви меня, пожалуйста,— вдруг тихо попросил Семен.— Знаешь, как все... Изю дня в день, изю дня в день. Так ведь до конца. Оторви, а?

— Хорошо,— Андрей улыбнулся, и Семен неуверенно улыбнулся в ответ.

Андрей бросил погасший фон на столик. Все тревожные намеки собрались воедино, и догадка режуще, жгуче хлестнула Андрея.

Солнце!!!

Да нет, не может быть, что за бред! Разве может Шар... Я же видел сам, как он расплавился!

Что я знаю? А если при разрушении оболочки раскрылся подпространственный канал? И теперь отсасывает плазму неведомо куда?! Полный бред.. Почему я не подумал об этом тогда? Ведь даже в голову не пришло! Не может быть, слышите! Быть не может!!!

Он позвонил на ближайшую гелиообсерваторию. Директор был в командировке на неопределенный срок. Где? На Меркурии. Позвонил на Гиндукушскую обсерваторию. Трое ведущих ученых, занятых исследованиями Солнца, в командировке на неопределенный срок. Где? На Меркурии.

Он позвонил в космопорт. И через пять минут убедился, что ему ни под каким видом не взять билет до Меркурия. Почти бегом вырвался на набережную.

«Не так! Все не так! «Не так» Шар!.. «Не так» становится злом лишь тогда, когда столкнувшийся с ним не понимает его и либо погибает, либо набрасывается на свое «не так», словно мельница на Дон Кихота. Встреча с «не так» — это и кризис, и проба сил, и выходов только два — гибель или подъем на новую ступень. Но я должен знать!!!»

И Андрей заказал одноместную скоростную яхту.

«Будь все проклято, но ясности я добьюсь. Поднимусь над эклиптической, а потом сверху разгонюсь. Или зря я столько лет в тех местах корабля гонял? Или зря мне терять нечего?» Он заказал гравилет до космопорта, выключил фон и, бросив его в траву, каблукон втоптал поглубже, а потом пошел купаться.

Он невесомо, беззвучно скользил в прохладной жемчужной дымке — не понять было, где кончается море и начинается небо, все светилось равномерным серебряным сиянием. Он хохотал, пел воду растопыренными ладонями. Он вспоминал Лолу, и от принятого решения воспоминания вновь стали свежи и болезненны, будто ничего не кончилось, а только прервалось. Что-то плеснуло поодаль...

Его ждали на пляже.

— Привет,— сказал Андрей.— Ты что тут делаешь, Вадик?

— Смотрю, когда ты вылезешь,— сказал сидящий возле его одежды мальчик.— Я видел, как ты залезал. Мама разрешила тебе со мной играть.

— Вадик, прости,— Андрей поспешно натягивал брюки, прикидывая, как давно гравилет стоит на стоянке.— Мне сегодня больше некогда играть. Очень важное дело, я сейчас же улетаю.

— Давай играть! — потребовал мальчик.

— Вадим, дорогой, правда не могу,— виновато сказал Андрей, застегивая рубашку.— Через три часа меня яхта будет ждать на космодроме, какая уж тут игра. Сам посуди.

— Ты плохой! — крикнул мальчик и довольно ощутимо ударил Андрея кулаком по ноге.— Стой здесь, я маму приведу. Она тебе скажет!

Андрей молча покачал головой и двинулся к набережной. Вадим ожесточенно замолотил его по ногам обоими кулачками.

— Дядька-долдон! — закричал он. На них смотрели, делали Андрею неодобрительные мины.— Долдон-блин! Ты врешь! У тебя нет дел! Папа сказал, тебя в космос не пускают! Играй со мной! Играй со мной!

5

Вначале Андрей не был наказан, но никто не захотел летать под его командованием, экипажи один за другим выносили ему вотумы недоверия. Это его не удивляло, он знал, на что шел, когда заперал в каютах людей.

Месяц спустя состоялось специальное заседание Совета Космологии и Космогации, призванное урегулировать ненормальное положение, в котором из-за своего беспрецедентного и малопонятного поступка оказался великолепный специалист. Дать Совету официальное объяснение своих действий Андрей отказался, когда ему предоставили слово, он сказал лишь: «Я считаю, что поступил честно, следовательно, должным образом. Одна проблема, давно требовавшая решения, наконец решена; то, что на ее месте возникла другая, вполне естественно. Я выполнил свой долг так, как его понимал, и теперь с благодарностью приму любое решение высокого Совета». Его потом долго обвиняли в высокомерии — и в глаза, и за глаза.

Мнения членов Совета разделились; дискуссия быстро зашла — или участвовавшим в ней показалось, что зашла — в тупик. Тогда Совет призвал пилотов ко всеобщему референдуму, в результате которого Андрей довольно значительным большинством голосов был отстранен не только от командования, но и от пилотирования в составе экипажей навечно.

Он шагнул вперед.

Люк еще не успел полностью раскрыться, еще не успокоился воздух в переходной камере, встревоженный выравниванием давлений, а он шагнул вперед, потому что там, по ту сторону расширяющегося панциря, уже видел глаза Соцера.

За спиной Соцера были какие-то люди. Андрей видел их смутно, у него все плыло перед глазами.

Так они стояли.

— У тебя рубашка в крови,— произнес наконец Соцера.

— Пришлось резко тормозить,— сипло ответил Андрей.— Да еще расхождение с этим дурным космоскафом...

В глазах Соцера стояли слезы. И гордость, и жалость, и только что пережитый страх.

— У тебя отнимут права,— сказал он, подразумевая яхт-права.

— Не привыкать,— ответил Андрей, и Соцера понял, что Андрей имеет в виду гораздо большее.

— Ты мог крышку ангара пробить.

— Черт с ней.

— Андрей, тебя же немедленно отправят обратно!

— Я обогнал ближайший патруль на полтора часа,— ответил Андрей.— К тому же я, может, еще и нетранспортабелен,— добавил он с вызовом.

У Соцера задрожали губы. И только тогда он обнял Андрея, а Андрей обнял Соцера. И повис на нем. Так и не успев расплакаться, Соцера подхватил Андрея на руки и поволок прочь из залитого ослепительным светом ребристого ангара.

— Это мой друг,— сообщил он стоявшим поодаль людям. Те молча смотрели им вслед; один вдруг бросился вперед и раскрыл перед Соцера тяжелую дверь.

— Как я летел,— шмыгая носом, сладостно прошептал Андрей, прикрыв глаза.— Это же сказка... поэма... Если бы ты видел, как я летел.

— Я видел кое-что,— ответил Соцера.— Псих. Бандит. Это мой друг,— сказал он двум шедшим навстречу людям, которые, пропуская их, прижались к стене коридора.

— Ой! Да я ногами! — вдруг опомнился Андрей.

— Ради бога, не гони волку, — ответил Соцero. — Помолчи, подыши глубоко и умиротворенно. Умеешь?

— Умел когда-то, — улыбаясь, ответил Андрей.

— Здесь я живу, — Соцero внес Андрея в каюту и бережно уложил на койку. Потом уставился Андрею в глаза, губы у него опять задрожали.

— Андрей... я, правда, не мог ничего сообщить. Если бы просто нарушение режима секретности... Но это же ты... ты... — он недоговорил, помотал головой. — Если не успеем, — его лицо помрачнело, — ты и так обо всем бы скоро узнал. А если успеем — я бы к первому к тебе. Знаешь, даже снилось сколько раз — все уже хорошо, хочу рассказать, порадоваться, но ни слова выдать не могу, — он надорванно засмеялся, продолжая ищуще заглядывать Андрею в глаза.

— Да ладно тебе, — сказал Андрей. — Давай подышим умиротворенно.

— Тебе не мерзнет? Не укрыть одеялом?

— Да нет, что ты, — Андрею было так уютно и легко, как, наверное, с детства не бывало. — Посиди.

— Слушай, как ты догадался? Откуда?

Андрей заулыбался опять.

— Магическим путем, — сказал он. — Там, на перекрестках астральных путей, соединяющих поля восходящих и нисходящих инкарнаций...

Соцero облегченно захохотал.

— Может, кофе хочешь? Или чаю? Хочешь чаю с медом, а?

— Погоди. Все в порядке, — сказал Андрей, — сейчас я прочухаюсь. Ты давай-ка излагай, что у вас стряслось.

■ ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

АЙЗЕК АЗИМОВ

Уродливый мальчуган

Как всегда, прежде чем открыть тщательно запертую дверь, Эдит Феллоуз сперва оправила свою униформу и только потом переступила ту невидимую черту, что отделяла реальный мир от несуществующего. При ней были ее записная книжка и авторучка, хотя с некоторых пор она больше не вела дневник и делала записи лишь от случая к случаю, когда без этого нельзя было обойтись.

На этот раз она несла с собой чемодан.

— Это игры для мальчиков, — улыбнувшись, сказала она охраннику, который давным-давно уже перестал задавать ей какие бы то ни было вопросы и только махнул рукой, пропуская ее.

И как всегда, уродливый мальчуган сразу же почувствовал ее присутствие и с плачем бросился ей навстречу.

— Мисс Феллоуз, мисс Феллоуз, — бормотал он, произнося слова мягко и не очень внятно — он единственный обладал такой дикцией.

— Что случилось, Тимми? — спросила она, проводя рукой по его бесформенной головке, поросшей густыми коричневыми волосами.

— Джерри будет приходить играть со мной? Мне ужасно известно, что так получилось.

— Забудь об этом, Тимми. Вот почему ты плачешь, да?

Он отвернулся.

— Не совсем, мисс Феллоуз. Понимаете, я снова видел сон.

— Тот самый? — Мисс Феллоуз стиснула зубы.

Ну разумеется, сегодняшняя история с Джерри не могла не вызвать у мальчика то старое сновидение.

Он кивнул, пытаясь улыбнуться, и его широко растянувшиеся, выпяченные вперед губы обнажили слишком большие зубы.

— Мисс Феллоуз, когда же я наконец достаточно подрасту, чтобы выйти отсюда?

— Скорее, — ласково ответила она, чувствуя, как сжалось ее сердце, — скоро.

Мисс Феллоуз позволила Тимми взять себя за руку и с ра-

достью ощутила теплое прикосновение грубой сухой кожи его ладони. Он повел ее через комнаты, из которых состояла Первая Секция «Стасиса». Комнаты, бесспорно, вполне комфортабельные, но тем не менее они были для семилетнего (семилетнего ли?) уродца местом вечного заточения.

Он подвел ее к одному из окон, выходившему на заросшую кустарником опушку леса, скрытую сейчас ночной мглой. Прикрепленные к забору таблички запрещали кому бы то ни было приближаться к домику без особого на то разрешения.

Он прижался носом к оконному стеклу.

— Ты увидишь места гораздо лучше, красивее, чем это, — преодолевая грусть, сказала она, глядя на скорбное лицо маленького узника.

На его низкий скошенный лоб свисали спутанные пряди волос. Затылочная часть черепа выступом торчала над шеей, голова ребенка казалась непомерно тяжелой и, наклоняясь вперед, заставляла его сутулиться. Уже начали разрастаться, растягивая кожу, надбровные дуги. Его массивные челюсти гораздо больше выдавались вперед, чем широкий приплюснутый нос, а подбородок не было и в помине, только челюстная кость, плавно сходящая на нет. Он был слишком мал для своего возраста, неуклюж и кривоног.

Это был невероятно уродливый мальчик, и Эдит Феллоуз очень любила его.

Губы ее задрожали — она могла позволить себе сейчас такую роскошь: ее собственное лицо находилось вне поля зрения ребенка.

Нет, они не убьют его. Она пойдет на все, чтобы воспрепятствовать этому. На все. Она открыла чемодан и начала вынимать из него одежду для мальчика.

Эдит Феллоуз впервые переступила порог акционерного общества «Стасис инкорпорейтид» немногим более трех лет назад. Тогда у нее не было ни малейшего представления о том, что крылось за этим названием. Впрочем, этого в то время не знал никто, за исключением тех, кто там работал. И действительно, ошеломляющее известие потрясло мир только на следующий день после ее зачисления в штат. А незадолго до этого они дали в газете краткое объявление, в котором приглашали на работу женщину, обладающую знаниями в области физиологии, фармакологии и любящую детей. Эдит Феллоуз работала медсестрой в родильном отделении и посему пришла к выводу, что отвечает всем этим требованиям.

Джеральд Хоскинс, доктор физических наук, о чем свидетельствовала укрепленная на его письменном столе пластинка с соответствующей надписью, потер щеку большим пальцем и принялся внимательно ее разглядывать.

Инстинктивно сжавшись, мисс Феллоуз почувствовала, что у нее стало подергиваться лицо.

«Сам-то он отнюдь не красавец,— с обидой подумала она,— лысеет, начинает полнеть, да вдобавок выражение губ у него какое-то угрюмое, замкнутое...» Но так как сумма, предложенная за работу, оказалась значительно выше той, на которую она рассчитывала, мисс Феллоуз решила не торопиться с выводами.

— А вы действительно любите детей? — спросил Хоскинс.

— В противном случае я не стала бы притворяться.

— А может, вы любите только хороших детей? Эдаких прелестных сюсюкающих херувимчиков с крошечными носиками?

— Дети всегда остаются детьми, доктор Хоскинс,— ответила мисс Феллоуз,— и случается, что именно некрасивые дети больше других нуждаются в ласке.

— Предположим, что мы возьмем вас...

— Так вы согласны нанять меня?

На его широком лице мелькнула улыбка, придав ему на какой-то миг странную привлекательность.

— Я быстро принимаю решения,— сказал он.— Пока я еще ничего не предлагаю вам и вполне могу отпустить вас ни с чем. А сами-то вы готовы принять мое предложение?

Стиснув руками сумочку, мисс Феллоуз со всей доступной ей быстротой стала подсчитывать в уме выгоды, которые сулила ей новая работа, но, повинуясь внезапному импульсу, сразу оставила все расчеты.

— Да.

— Прекрасно. Сегодня вечером мы собираемся пустить «Стасис» в ход, и я думаю, что вам следует присутствовать при этом, чтобы сразу же приступить к своим обязанностям. Это произойдет в восемь часов вечера, и я надеюсь увидеть вас здесь в семь тридцать.

— Но, что...

— Ладно, ладно. Пока все.

По сигналу вошла улыбающаяся секретарша и выпроводила ее из кабинета.

Выйдя, мисс Феллоуз какое-то время молча смотрела на дверь, за которой остался мистер Хоскинс. Что такое «Стасис»? Какое отношение к детям имеет это огромное, напоминающее сарай здание, служащее с прикрепленными к одежде непонятными знач-

ками, длинные коридоры и та характерная атмосфера технического производства, которую ни с чем не спутаешь?

Она спрашивала себя, стоит ли ей возвращаться сюда вечером или же лучше не приходить совсем, проучив тем самым этого человека за его высокомерную снисходительность. И в то же время не сомневалась, что вернется, хотя бы только из любопытства. Она должна выяснить, при чем же здесь все-таки дети.

Когда ровно в половине восьмого она снова пришла туда, она сразу обратила внимание на то, что ей не понадобилось ничего о себе сообщать. Все, кто попадались ей на пути, как мужчины, так и женщины, казалось, отлично знали не только, кто она, но и характер ее будущей работы. Ее немедленно провели внутрь здания.

Она увидела доктора Хоскинса, но он, рассеянно взглянув на нее и буркнув ее имя, даже не предложил ей сесть. Она сама спокойно пододвинула стул к перилам и села.

Они находились на балконе, с которого открывался вид на обширную шахту, заполненную какими-то приборами, представляющими собой на первый взгляд нечто среднее между пультом управления космического корабля и контрольной панелью ЭВМ.

В другой части шахты были перегородки, служившие стенами для лишенной потолка квартиры. Это походило на гигантский кукольный домик, внутреннее убранство которого просматривалось как на ладони с того места, где сидела мисс Феллоуз.

Ей были ясно видны стоявшие в одной из комнат электронная плита и холодильная установка и расположенное в другом помещении оборудование ванной. А предмет, который ей удалось рассмотреть в третьей комнате, мог быть только кроватью, маленькой кроватью...

Хоскинс разговаривал с каким-то мужчиной. Вместе с мисс Феллоуз на балконе их было трое. Хоскинс не представил ей незнакомца, и мисс Феллоуз оставалось лишь исподтишка разглядывать его. Это был худой мужчина средних лет, довольно приятной наружности. У него были маленькие усики и живые глаза, казалось ничего не упускающие из виду.

— Я отнюдь не собираюсь, доктор Хоскинс, делать вид, что мне все это понятно, — говорил он. — Я хочу сказать, что понимаю кое-что лишь в тех пределах, которые доступны достаточно эрудированному неспециалисту. Но, учитывая ограниченность моих познаний, хочу заметить, что одна сторона проблемы мне менее ясна, чем другая. Я имею в виду выборочность. Вы в состоянии проникнуть очень далеко; допустим, это можно понять. Чем дальше вы продвигаетесь, тем туманнее, расплывчатее становятся объекты, а это требует большой затраты энергии. Но в то же

время вы не можете достичь более близкого объекта. Вот что для меня загадка.

— Если вы позволите мне воспользоваться аналогией, Девени, я постараюсь объяснить вам это так, чтобы суть изобретения казалась менее парадоксальной.

Проскользнувшее в разговоре имя незнакомца, помимо ее воли, произвело на мисс Шеллоуз большое впечатление, и ей тут же стало ясно, кто он. Это, видимо, был тот самый Кэндид Девени, писавший для телевизионных программ сценарии научных передач, тот Кэндид Девени, личным присутствием которого были отмечены все крупнейшие события в научном мире. Теперь его лицо показалось ей знакомым. Конечно же, именно его видела она на экране, когда объявили о посадке космического корабля на Марс. А если это действительно тот самый Девени, значит, доктор Хоскинс собирается сейчас продемонстрировать нечто очень важное.

— Если вы считаете, что это поможет, почему бы вам и не воспользоваться аналогией? — спросил Девени.

— Ну хорошо. Итак, вам, конечно, известно, что вы не в состоянии читать книгу со шрифтом обычного формата, если эта книга находится от вас на расстоянии шести футов, но это сразу же становится возможным, как только расстояние между вашими глазами и книгой сократится до одного фута. Как видите, в данном случае пока действует правило — чем ближе, тем лучше. Но если вы приблизите книгу настолько, что между нею и вашими глазами останется всего лишь один дюйм, вы снова потеряете способность читать ее. Таким образом, вам должно быть ясно, что слишком большая близость — это тоже препятствие.

— Хм, — произнес Девени.

— А вот вам другой пример. Расстояние от вашего правого плеча до кончика указательного пальца правой руки составляет примерно тридцать дюймов, и вы можете свободно коснуться этим пальцем правого плеча. Расстояние же от вашего правого локтя до кончика указательного пальца той же руки вдвое меньше, и если руководствоваться простейшей логикой, то получается, что коснуться правым указательным пальцем правого локтя легче, чем правого плеча, однако же вы этого сделать не можете. И опять-таки этому мешает слишком большая близость.

— Вы разрешите использовать эти аналогии в моем очерке? — спросил Девени.

— Пожалуйста. Я только буду рад. Я ведь достаточно долго ждал того времени, когда кто-нибудь вроде вас напишет о нашей работе. Я дам все необходимые вам сведения. Наконец-то мы можем разрешить всему миру заглянуть через наше плечо. И мир кое-что увидит.

(Мисс Феллоуз поймала себя на том, что невольно восхищается его спокойствием и уверенностью. В нем угадывалась огромная сила духа.)

— Каков предел ваших возможностей? — спросил Девени.

— Сорок тысяч лет.

У мисс Феллоуз перехватило дыхание.

— Лет?!

Казалось, сам воздух застыл в напряжении. Люди у приборов управления почти не двигались. Кто-то монотонно бросал в микрофон короткие фразы, смысл которых мисс Феллоуз не могла уловить.

Перегнувшись через перила балкона, Девени внимательно всматривался в то, что происходит на дне шахты.

— Мы увидим что-нибудь, доктор Хоскинс? — спросил он.

— Что вы сказали? Нет, мы ничего не увидим до тех пор, пока все не свершится. Мы обнаруживаем объект косвенно, как бы по принципу радарной установки, с той разницей, что вместо электромагнитных волн используем мезоны. При наличии соответствующих условий мезоны возвращаются, причем некоторая часть их отражается от каких-либо объектов, и наша задача состоит в исследовании этих отражений.

— Должно быть, это задача не из легких.

На лице Хоскинса промелькнула его обычная улыбка.

— Перед вами результат пятидесяти лет упорных исканий. Лично я занялся этой проблемой десять лет назад. Да, это действительно трудновато.

Человек у микрофона поднял руку.

— Уже несколько недель мы фиксируем один объект из отдаленного прошлого. Предварительно рассчитав наши собственные перемещения во времени, мы то прекращаем опыт, то воссоздаем его заново, еще и еще раз проверяя нашу способность с достаточной точностью ориентироваться во времени. Теперь это должно сработать безотказно.

Но лоб его блестел от пота.

Эдит Феллоуз вдруг заметила, что машинально встала со стула и тоже стоит у перил, но смотреть пока было не на что.

— Готово, — спокойно произнес человек у микрофона.

Наступила тишина, продолжавшаяся ровно столько, сколько требуется времени на один вздох, и из кукольного домика раздался пронзительный вопль смертельно испуганного ребенка.

Ужас! Непередаваемый ужас!

Мисс Феллоуз резко повернула голову в направлении крика. Она забыла, что во всем этом замешан ребенок.

А Хоскинс, стукнув кулаком по перилам, голосом, изменившимся и дрожащим от торжества, произнес:

— Сработало.

Подталкиваемая в спину твердой рукой Хоскинса, который не соизволил даже заговорить с ней, мисс Феллоуз спустилась по короткой винтовой лестнице в шахту.

Те, кто до этого момента находился у приборов, собрались теперь здесь. Они курили и, улыбаясь, наблюдали за появившейся в главном помещении троицей. Со стороны кукольного домика доносилось слабое жужжание.

— Вхождение в «Статис» не представляет ни малейшей опасности,— обратился Хоскинс к Девени.— Я сам проделывал это множество раз. На какой-то миг у вас возникнет странное ощущение, которое никак не влияет на человеческий организм.

И словно желая продемонстрировать правильность своих слов, он вошел в открытую дверь. Напряженно улыбаясь и почему-то сделав глубокий вдох, за ним последовал Девени.

— Идите сюда, мисс Феллоуз! — нетерпеливо воскликнул Хоскинс, поманив ее пальцем.

Мисс Феллоуз кивнула и неловко переступила порог. Ей показалось, что по телу ее пробежала дрожь, но как только она очутилась внутри дома, это ощущение полностью исчезло. В доме пахло свежей древесины и влажной почвой.

Теперь здесь было тихо, во всяком случае больше не слышно было голоса ребенка, но зато откуда-то доносилось шарканье ног и шорох, будто кто-то проводил рукой по дереву. Потом послышался стон.

— Где же он? — в отчаянии воскликнула мисс Феллоуз.— Неужели этим недоумкам безразлично, что там происходит?

Мальчик находился в спальне или, вернее, в комнате, где стояла кровать.

Он был наг, и его забрызганная грязью грудь нервно вздымалась. Охапка смешанной с землей жесткой травы лежала на полу у его босых коричневых ног. От этой кучи исходил запах земли с примесью какого-то зловония.

Хоскинс прочел откровенный ужас в ее устремленных на ребенка глазах и с раздражением произнес:

— Не было никакой возможности, мисс Феллоуз, вытащить мальчишку чистым из такой глубины веков. Мы вынуждены были захватить для безопасности кое-что из того, что его окружало. Может, вы предпочли бы, чтоб он явился сюда без ноги или части черепа?

— Прошу вас, не надо! — воскликнула мисс Феллоуз, изнемо-

гая от желания прекратить этот разговор.— Почему мы бездействуем? Бедный ребенок испуган. И он грязный.

Она была права. Мальчик был покрыт кусками засохшей грязи и какого-то жира, а его бедро пересекала воспаленная царапина.

Когда Хоскинс приблизился к нему, ребенок, которому на вид можно было дать года три, низко пригнулся и быстро отскочил назад. Его верхняя губа оттопырилась, и он издал какой-то странный звук, нечто среднее между ворчанием и кошачьим шипением.

Хоскинс резким движением схватил его за руки и оторвал отчаянно кричащего и извивающегося ребенка от пола.

— Держите его так, — сказала мисс Феллоуз. — Прежде всего ему требуется теплая ванна. Его нужно как следует отмыть. У вас есть здесь все необходимое? Если есть, то попросите принести вещи сюда и хотя бы вначале помогите мне с ним справиться. Кроме того, ради всех святых, распорядитесь, чтобы отсюда убрали весь этот мусор.

Теперь настал ее черед отдавать приказания, и чувствовала она себя в новой роли прекрасно. И поскольку растерянная наблюдательница уступила место опытной медицинской сестре, она взглянула на ребенка уже другими глазами, с профессиональной точки зрения, и на какой-то миг в замешательстве замерла. Грязь, которой он был покрыт, его вопли, извивающееся в тщетной борьбе тело — все куда-то отступило. Она рассмотрела самого ребенка.

Это был самый уродливый мальчуган из всех, которых ей приходилось когда-либо видеть. Он был невероятно безобразен — от макушки бесформенной головы до изогнутых колесом ног.

С помощью трех мужчин ей удалось выкупать мальчика. Остальные в это время пытались очистить помещение от мусора. Она работала молча, с чувством оскорбленного достоинства, раздраженная ни на минуту не прекращающимися криками и сопротивлением маленького уroda.

Доктор Хоскинс намекнул ей, что ребенок будет некрасив, но кто мог предположить, что он окажется столь безобразным. И ни мыло, ни вода не в состоянии были до конца уничтожить исходящий от него отвратительный запах, который лишь постепенно становился слабее.

Ей вдруг страстно захотелось швырнуть намыленного мальчишку Хоскинсу на руки и уйти, но ее удержала от этого профессиональная гордость. В конце концов ведь она сама согласилась на эту работу... А кроме того, она представила, какими глазами посмотрит на нее доктор Хоскинс, его холодный взгляд, в котором

она прочтет неизбежный вопрос: «Так, значит, вы все-таки любите только красивых детей, мисс Феллоуз?»

Он стоял в некотором отдалении, с холодной улыбкой наблюдая за ними. Когда она встретила с ним взглядом, ей показалось, что кипевшее в ее душе чувство оскорбленного достоинства забавляет его.

Она тут же решила, что немного повременит с уходом. Сейчас это только унизило бы ее.

Когда кожа ребенка приняла наконец вполне сносный розовый оттенок и запахла душистым мылом, она, несмотря на все переживания, почувствовала себя лучше. Кричать мальчик уже был не в состоянии, он лишь устало скулил, а его испуганный, настороженный взгляд быстро перебегал с одного лица на другое, не упуская из виду никого, кто находился в комнате. То, что он был теперь чист, только подчеркивало худобу его обнаженного, дрожащего от холода после ванны тела.

— Дайте же наконец ночную рубашку для ребенка! — резко сказала мисс Феллоуз.

В тот же миг откуда-то появилась ночная рубашка. Казалось, все было подготовлено заранее, однако никто не трогался с места до ее приказа, как будто умышленно оставляя за ней право распоряжаться и тем самым испытывая ее профессиональные качества.

— Я подержу его, мисс, — подойдя к ней, сказал Девени. — Одна вы не справитесь.

— Благодарю.

Прежде чем удалось надеть на ребенка рубашку, им пришлось выдержать настоящую битву, а когда мальчик попытался сорвать ее, мисс Феллоуз сильно ударила его по руке.

Ребенок покраснел, но не заплакал. Он во все глаза уставился на нее, ощущая неловкими пальцами фланель рубашки, как бы исследуя этот неведомый ему предмет.

«А теперь что?» — в отчаянии подумала мисс Феллоуз.

Все они, даже уродливый мальчуган, замерли, как бы ожидая, что она будет делать дальше.

— Вы позаботились о пище, о молоке? — решительно спросила мисс Феллоуз.

Они предусмотрели и это. В комнату вкатили специальный передвижной агрегат, состоявший из холодильного отделения, в котором стояло три кварты молока, и нагревательного устройства; в нем была и аптечка с большим количеством укрепляющих средств. Она заметила витаминизированные капли, медно-кобальтово-железистый сироп и много других препаратов, рассмотреть которые не успела. Кроме того, там находился набор самосогревающегося детского питания.

Для начала она взяла одно только молоко. Электронная установка за каких-нибудь десять секунд согрела его до нужной температуры и автоматически выключилась. Она налила немного молока в блюдце, не сомневаясь, что уровень развития ребенка очень низок и он не умеет обращаться с чашкой.

Мисс Феллоуз кивнула мальчику и, обращаясь к нему, произнесла:

— Пей, ну пей же.— Она жестом показала ему, как поднести блюдце ко рту.

Глаза ребенка следили за ее движениями, но он не шевельнулся.

Внезапно она решила. Схватив мальчика за руку выше локтя, она опустила свою свободную руку в молоко и провела ею по его губам, так что капли жидкости потекли по его щекам и подбородку.

Он отчаянно завопил, но, вдруг умолкнув, начал облизывать свои влажные губы. Мисс Феллоуз отступила назад.

Мальчик приблизился к блюдцу, наклонился к нему и затем, быстро оглянувшись по сторонам, как бы высматривая притановшего врага, снова нагнулся к молоку и начал его жадно лакать, как кошка, издавая при этом какой-то неопределенный звук. Он даже не попытался приподнять блюдце руками.

Мисс Феллоуз была не в силах до конца скрыть охватившее ее при виде этого чувство, и, вероятно, кое-что отразилось на ее лице, потому что Девени, взглянув на нее, спросил:

— Доктор Хоскинс, а сестра в курсе того, что происходит?

— В курсе чего? — поинтересовалась мисс Феллоуз.

Девени заколебался, но Хоскинс, по выражению лица которого снова можно было заключить, что все это втайне его забавляет, произнес:

— Что ж, можете ей сказать.

— Вы, по всей вероятности, даже не подозреваете, — обратился Девени к мисс Феллоуз, — что волею случая вы — первая в истории цивилизованная женщина, которой пришлось ухаживать за ребенком-неандертальцем.

Сдержав гнев, мисс Феллоуз повернулась к Хоскинсу.

— Вы могли бы предупредить меня заранее, доктор.

— А зачем? Какая вам разница?

— Речь шла о ребенке.

— А разве это не ребенок? У вас когда-нибудь был щенок или кошка, мисс Феллоуз? Неужели в них больше человеческого? А если бы это оказался детеныш шимпанзе, вы бы почувствовали к нему отвращение? Вы медицинская сестра, мисс Феллоуз. Судя по вашим документам, вы работали три года в родильном отделе-

нии. Вы когда-нибудь отказывались ухаживать за ребенком-уродом?

— Вы все-таки могли бы сказать мне это раньше,— уже менее решительно произнесла она.

— Для того чтобы вы отказались от этой работы? Не следует ли из этого, что вы собираетесь это сделать сейчас?

Он холодно посмотрел ей прямо в глаза. С другого конца комнаты за ними наблюдал Девени, а маленький неандерталец, покончив с молоком и вылизав начисто блюдо, поднял к ней мокрое лицо с широко раскрытыми, о чем-то молящими глазами.

Мальчик жестом указал на блюдо, и вдруг из его рта посыпались отрывистые гортанные звуки попеременно с искусным прищелкиванием языка.

— А ведь он говорит! — удивленно воскликнула мисс Феллоуз.

— Конечно,— сказал Хоскинс.— *Homo neanderthalensis* в действительности является не отдельным видом, а скорее разновидностью *Homo sapiens*. Так почему бы ему не уметь говорить? Возможно, он просит еще молока.

Мисс Феллоуз машинально потянулась за бутылкой, но Хоскинс схватил ее за руку.

— А теперь, мисс Феллоуз, прежде чем вы сделаете еще хоть одно движение, вы должны сказать, остаетесь вы или нет.

Мисс Феллоуз раздраженно высвободила руку.

— А если я уйду, вы что, не собираетесь кормить его? Я побуду с ним... некоторое время.

Она налила ребенку молока.

— Мы намерены оставить вас здесь с мальчиком, мисс Феллоуз,— сказал Хоскинс.— Это единственный вход в Первую Секцию «Стасиса». Дверь тщательно запирается и охраняется снаружи. Я хотел бы, чтобы вы изучили систему замка, который будет, конечно, настроен на отпечатки ваших пальцев, так же как он настроен на отпечатки моих. Пространство наверху (он поднял взгляд к несуществующему потолку кукольного домика) охраняется тоже, и мы будем предупреждены, если здесь произойдет что-либо необычное.

— Вы хотите сказать, что я все время буду находиться под наблюдением? — возмущенно воскликнула мисс Феллоуз, вдруг вспомнив, как она сама рассматривала с балкона внутреннюю часть помещения.

— О нет,— серьезно заверил ее Хоскинс,— мы гарантируем, что ни один человек не будет свидетелем вашей частной жизни. Все объекты в виде электронных символов передаются вычислительной машине, и только она будет иметь с ними дело. Вы проведете с мальчиком эту ночь, мисс Феллоуз, а также и все последующие впредь до особого распоряжения. Мы предоставим вам

несколько свободных часов в дневное время, и вы сами составите их расписание, исходя из ваших потребностей.

Мисс Феллоуз в недоумении окинула взглядом внутренность кукольного домика.

— А для чего столько предосторожностей, доктор Хоскинс? Разве мальчик представляет собой какую-нибудь опасность?

— Видите ли, мисс Феллоуз, все дело в энергии. Он никогда не должен покидать это помещение. Никогда. Ни на секунду. Ни по какой причине, даже если от этого зависит его жизнь. Даже для того, чтобы спасти вашу жизнь, мисс Феллоуз. Вы поняли меня?

Мисс Феллоуз гордо вскинула голову.

— Я знаю, что такое приказ, доктор Хоскинс. Медицинская сестра привыкает к тому, чтобы во имя долга жертвовать собственной безопасностью.

— Отлично. Вы всегда можете просигнализировать, если вам что-нибудь понадобится.

И двое мужчин покинули «Стасис».

Обернувшись, мисс Феллоуз увидела, что мальчик, не притрагиваясь к молоку, по-прежнему не спускает с нее настороженного взгляда. Она попыталась жестами показать ему, как поднять блюдце ко рту. Он не последовал ее примеру, однако на этот раз, когда она прикоснулась к нему, он не закричал.

Его испуганные глаза ни на секунду не переставали следить за ней, словно подстерегая ее малейшее неверное движение. Она вдруг заметила, что инстинктивно пытается успокоить его, медленно приближая руку к его волосам, стараясь, однако, чтобы ее рука была все время в поле его зрения. Тем самым она давала ему понять, что в этом жесте не кроется никакой для него опасности.

И ей удалось погладить его по голове.

— Я хочу показать тебе, как пользоваться туалетом, — произнесла она. — Как, по-твоему, ты сможешь этому научиться?

Она говорила очень мягко и осторожно, отлично сознавая, что он не поймет ни одного слова, надеясь на то, что сам звук ее голоса повлияет на него успокаивающе.

Мальчик снова защелкал языком.

— Можно взять тебя за руку? — спросила она. Она протянула ему обе руки и замерла в ожидании. Рука ребенка медленно двинулась навстречу ее руке.

— Правильно, — кивнула она.

Но когда рука мальчика была уже в каком-нибудь дюйме от ее собственной, он отдернул ее.

— Ну что ж, — спокойно сказала мисс Феллоуз, — позже мы попробуем еще раз. Не хочется ли тебе посидеть? — Она похлопала рукой по кровати.

Медленно текло время, еще медленнее продвигалось воспитание ребенка. Ей не удалось приучить его ни к туалету, ни к кровати. Когда мальчику явно захотелось спать, он опустился на ничем не покрытый пол и быстрым движением юркнул под кровать.

Она нагнулась, чтобы взглянуть на него, и из темноты на нее уставились два горящих глаза, и она услышала уже знакомое прищелкивание.

— Ладно, — сказала она, — если ты чувствуешь себя там в большей безопасности, можешь спать под кроватью.

Она прикрыла дверь спальни и удалилась в самую большую из трех комнат, где для нее была приготовлена койка, над которой по ее требованию натянули временный тент.

«Если эти дураки хотят, чтобы я здесь ночевала, — подумала она, — они должны повесить в этой комнате зеркало, заменить шкаф более вместительным и оборудовать отдельный туалет».

Она никак не могла заснуть, невольно напрягая слух, чтобы не упустить ни одного звука, который мог раздаться в соседней комнате. Она убеждала себя в том, что ребенок не в состоянии выбраться из дома, но, несмотря на это, ее грызли сомнения. Совершенно гладкие стены были, безусловно, очень высоки, ну а вдруг мальчишка лазает как обезьяна? Впрочем, Хоскинс заверил ее, что за всем происходящим внизу следят специальные наблюдательные устройства.

Неожиданно ей пришла в голову новая мысль: а что, если мальчик все-таки опасен? Опасен в самом прямом смысле этого слова? Нет, Хоскинс не скрыл бы это от нее, не оставил бы ее с ним одну, если б...

Она попыталась разубедить себя, смеясь про себя над своими страхами. Ведь это был всего лишь трех — или четырехлетний ребенок. Однако ей, несмотря на все усилия, не удалось обрезать ему ногти. А что если, когда она заснет, он вздумает напасть на нее, пустив в ход зубы и ногти...

У нее участилось дыхание. Как странно, и все же... Она мучительно напрягла слух, и на этот раз ей удалось уловить какой-то звук.

Мальчик плакал.

Не кричал от страха или злобы, не выл и не визжал, а именно тихо плакал, как убитый горем, глубоко несчастный одинокий ребенок.

«Бедняжка», — подумала мисс Феллоуз, и впервые со встречи с ним сердце ее пронзила острая жалость.

Ведь это настоящий ребенок, так какое же, в сущности, значение имеет форма его головы? И это не просто ребенок, а ребенок осиротевший, как ни одно дитя за всю историю человечества. Тысячи лет назад не только умерли его родители, но безвозвратно исчезло все, что его когда-то окружало. Грубо выхваченный из давно ушедшего времени, он был теперь единственным во всем мире существом такого рода. Последним и единственным.

Она почувствовала, как ее все больше охватывает глубокое сострадание и стыд за свое бессердечие. Тщательно оправив ночную сорочку, чтобы она по возможности лучше прикрывала ей ноги (и лоя себя на совершенно неуместной сейчас мысли, что завтра же необходимо принести сюда халат), она встала с постели и направилась в соседнюю комнату.

— Мальчик, а мальчик! — шепотом позвала она.

Она совсем уж было собралась просунуть под кровать руку, но, сообразив, что он может укусить ее, решила не делать этого. Она зажгла ночник и отодвинула кровать.

Несчастный ребенок, прижав колени к подбородку, комочком свернулся в углу, глядя на нее заплаканными, полными страха глазами.

В полумраке его внешность показалась ей не такой отталкивающей.

— Ах ты, бедняга, бедняга, — произнесла она, осторожно глядя его по голове, чувствуя, как мгновенно напряглось, а потом постепенно расслабилось его тело. — Бедный мальчуган. Можно мне побыть с тобой?

Она села рядом с ним на пол и начала медленно и ритмично гладить его волосы, щеку, руку, тихо напевая какую-то ласковую песенку.

Когда она запела, ребенок поднял голову, пытаясь разглядеть при слабом свете ночника ее губы, словно его заинтересовал этот непривычный для него звук.

Воспользовавшись этим, она притянула его к себе, и ласковым, но решительным движением ей удалось постепенно приблизить его голову к своему плечу. Она просунула руку под его ноги и не спеша, плавно подняла его к себе на колени. Снова и снова повторяя все тот же несложный куплет и не выпуская из рук ребенка, она медленно качалась вперед и назад, баюкая его. Он постепенно успокоился, и вскоре по его ровному дыханию она поняла, что мальчик заснул.

Очень осторожно, стараясь не шуметь, она пододвинула на место кровать и положила на нее ребенка. Укрыв спящего, она внимательно посмотрела на него. Во сне его лицо казалось таким

мирным, таким ребячьим, что, право же, его безобразие как-то меньше бросалось в глаза.

Она уже направилась на цыпочках к двери, как вдруг подумала: «А что, если он вдруг проснется?» И повернула назад.

Преодолев внутреннее сопротивление и справившись с охватившими ее разноречивыми чувствами, она вздохнула и медленно опустилась на кровать рядом с ребенком.

Кровать была для нее слишком мала, и ей пришлось скорчиться, чтобы как-то утешиться на ней. Кроме того, она не могла избавиться от чувства неловкости, причиной которого было отсутствие над кроватью тента. Но рука ребенка робко скользнула в ее ладонь, и вскоре она задремала.

Она проснулась, как от внезапного толчка, и едва не вскрикнула от ужаса. Мальчик смотрел на нее в упор широко раскрытыми глазами, и ей понадобилось довольно много времени, чтобы вспомнить, как она очутилась на его кровати. Медленно, не отрывая от него взгляда, она спустила на пол сначала одну, потом другую ногу.

Бросив быстрый испуганный взгляд в сторону отсутствующего потолка, она напрягла мускулы для последнего решительного движения, чтобы побыстрее встать с кровати.

Но в этот миг мальчик, вытянув руку, коснулся ее губ своими похожими на обрубки пальцами и что-то произнес.

Это прикосновение заставило ее невольно отпрянуть. При дневном свете он был непередаваемо безобразен.

Мальчик опять повторил какую-то фразу, а затем, широко разинув рот, движением руки попытался показать, будто из него что-то вытекает.

Мисс Феллоуз задумалась, пытаясь отгадать, что означает этот жест, и вдруг взволнованно воскликнула:

— Ты хочешь, чтобы я тебе что-нибудь спела?

Мальчик молча смотрел на ее губы.

Несколько фальшивя от напряжения, мисс Феллоуз запела ту самую песенку, что накануне ночью, и маленький урод улыбнулся, неуклюже раскачиваясь в такт мотива и издавая при этом какой-то булькающий звук, похожий на смех.

Мисс Феллоуз незаметно вздохнула. Да, правильно говорят, что музыка умиряет дикаря. Она может помочь...

— Подожди немного,— сказала она,— дай мне привести себя в порядок— это займет не больше минуты. А потом я приготовлю тебе завтрак.

Ни на секунду не забывая об отсутствии потолка, она быстро покончила со своими делами. Мальчик лежал в постели, внима-

тельно наблюдая за ней, когда она появлялась в поле его зрения. И каждый раз она улыбалась и махала ему рукой. В конце концов он тоже помахал ей в ответ, и она нашла этот жест очаровательным.

— Ты хочешь молочную овсяную кашу? — спросила она.

На приготовление каши ушло несколько секунд, и когда еда была на столе, она поманила его рукой.

Неизвестно, понял ли он значение ее жеста или его привлёк запах пищи, но мальчик тут же вылез из кровати.

Она попыталась научить его пользоваться ложкой, но он в страхе отпрянул. («Ничего, у нас впереди еще много времени», — подумала она.) Однако она настояла на том, чтобы он руками поднял миску ко рту. Он повиновался, но действовал так неловко, что весь перепачкался, хотя большую часть каши он все-таки проглотил.

На этот раз она дала ему молоко в стакане, и мальчуган, обнаружив, что отверстие сосуда слишком мало, чтобы просунуть в него голову, жалобно захныкал. Она взяла его руку и, прижав его пальцы к стакану, заставила его поднести стакан ко рту.

Снова все было облито и испачкано, но, как и в первый раз, большая часть молока все-таки попала ему в рот, а что касается беспорядка, то она привыкла и не к такому.

К ее удивлению, освоить туалет оказалось задачей попроще, что принесло ей немалое облегчение. Он довольно быстро понял, чего она ждет от него. Она поймала себя на том, что гладит его по голове, приговаривая:

— Вот это хороший мальчик, вот это умница!

И ребенок улыбнулся, доставив ей неожиданное удовольствие.

«Когда он улыбается, он, право же, вполне сносен», — подумала она.

В этот же день после полудня прибыли представители прессы. Пока они устанавливали в дверях свою аппаратуру, она взяла мальчика на руки, и он крепко прижался к ней. Суэта испугала его, и он громко заплакал, но несмотря на это, прошло не менее десяти минут, пока ей разрешили унести ребенка в соседнюю комнату.

Она вскоре вернулась, покраснев от возмущения, и в первый раз за восемнадцать часов вышла из домика, плотно закрыв за собой дверь.

— Я думаю, что с вас на сегодня хватит. Теперь мне понадобится бог знает сколько времени, чтобы успокоить его. Уходите.

— Ладно, ладно, — произнес репортер из «Таймс геральд». — А это действительно неандерталец или какое-нибудь жульничество?

— Уверяю вас, что это не мистификация,— раздался откуда-то сзади голос Хоскинса.— Ребенок — настоящий homo neanderthalensis.

— Это мальчик или девочка?

— Это мальчик-обезьяна,— вмешался репортер из «Ньюс».— Нам сейчас показали детеныша обезьяны. Как он себя ведет, сестра?

— Он ведет себя точно так же, как любой другой маленький мальчик,— отрезала мисс Феллоуз. Раздражение заставило ее стать на защиту ребенка,— и он вовсе не детеныш обезьяны. Его зовут... Тимоти, Тимми.

Имя Тимоти было выбрано ею совершенно случайно — просто оно первым пришло ей в голову.

— Тимми — мальчик-обезьяна,— изрек репортер из «Ньюс», и сложилось так, что именно под этой кличкой ребенок впервые стал известен всему миру.

— Скажите, док, что вы собираетесь делать с этой обезьяной? — спросил, обращаясь к Хоскинсу, репортер из «Глоба».

Хоскинс пожал плечами.

— Видите ли, моя первоначальная задача заключалась в том, чтобы доказать возможность перенесения его в наше время. Однако я полагаю, что он заинтересует антропологов и физиологов. Ведь перед нами существо, по своему развитию стоящее на грани между животным и человеком. Теперь у нас есть возможность узнать многое о нас самих и о наших предках.

— И долго вы намерены держать его здесь?

— Столько, сколько нам понадобится на его изучение плюс еще какой-то период после завершения исследований. Не исключено, что на это потребуется довольно много времени.

— Не могли бы вы вывести его из дома? Тогда мы установили бы телевизионную аппаратуру и состряпали потрясающий сюжет.

— Очень сожалею, но ребенок не может выйти за пределы «Стасиса».

— А что такое «Стасис»?

— Боюсь, джентльмены, что объяснять это придется слишком долго.— Хоскинс позволил себе улыбнуться.— А вкратце суть дела в том, что время, каким мы его себе представляем, в «Стасисе» не существует. Эти комнаты как бы покрыты невидимой оболочкой и не являются в полном смысле слова частью нашего мира. Именно поэтому и удалось извлечь, так сказать, ребенка из прошлого.

— Постойте-ка,— перебил репортер из «Ньюс», которого явно не удовлетворило объяснение Хоскинса,— что это вы несете? Ведь сестра свободно входит в помещение и выходит из него.

— Это может сделать любой из вас,— небрежно ответил Хоскинс.— Вы будете двигаться параллельно временным силовым линиям, и это не повлечет за собой сколько-нибудь значительной потери или притока энергии. Ребенок же был доставлен сюда из далекого прошлого. Его движение происходило поперек силовых линий, и он получил временной потенциал. Для того чтобы переместить его в наш мир, в наше время, потребуется израсходовать всю энергию, накопленную нашим акционерным обществом, а также, возможно, и весь запас энергии города Вашингтона. Мы были вынуждены сохранить доставленный сюда вместе с мальчиком мусор, и нам придется выносить его отсюда постепенно, по крупицам.

Пока Хоскинс давал объяснения, корреспонденты что-то деловито строчили в своих блокнотах. Из всего сказанного они ровным счетом ничего не поняли и были убеждены в том, что их читателей постигнет та же участь: однако все звучало мудрено, научно, а именно это и требовалось.

— Вы сможете дать сегодня вечером интервью? — спросил представитель «Таймс геральда». — Оно будет передаваться по всем каналам.

— Пожалуй, смогу,— быстро ответил Хоскинс, и репортеры удалились.

Мисс Феллоуз молча смотрела им вслед. Все, что было сказано о «Стасисе» и о временных силовых линиях, она поняла не лучше, чем журналисты. Но одно усвоила твердо. Тимми (она поймала себя на том, что уже думает о мальчике, как о «Тимми») приговорен к вечному заключению в стенах «Стасиса», причем это не было простым капризом Хоскинса. Видимо, и вправду невозможно выпустить его отсюда. Никогда.

Бедный ребенок. Бедный ребенок.

Внезапно до ее сознания дошло, что он все еще плачет, и она поспешила в дом, чтобы успокоить его.

Мисс Феллоуз не удалось увидеть выступление Хоскинса по телевидению; хотя его интервью передавалось не только в самых отдаленных уголках Земли, но даже на станции на Луне, оно не проникло в маленькую квартирку, где жили теперь мисс Феллоуз и уродливый мальчуган.

На следующее утро Хоскинс спустился к ним, сияя от торжества.

— Интервью прошло удачно? — спросила мисс Феллоуз.

— Исключительно удачно. А как поживает... Тимми?

Услышав, что он назвал мальчика по имени, мисс Феллоуз была приятно удивлена.

— Все в порядке. Иди сюда, Тимми, это добрый дядя, он тебя не обидит.

Но Тимми не пожелал выйти из другой комнаты, из-за полу-прикрытой двери виднелся только клочок его спутанных волос да время от времени робко показывался один блестящий глаз.

— Мальчик удивительно быстро привыкает к обстановке, право же, он весьма сообразителен.

— Вас это удивляет?

— Да. Боюсь, что вначале я приняла его за детеныша обезьяны,— секунду поколебавшись, ответила она.

— Кем бы он ни был, он очень много для нас сделал. Ведь он прославил «Стасис инкорпорейтид». Мы теперь на коне, да, мы на коне.

Видимо, ему не терпелось поделиться с кем-нибудь своим торжеством, пусть даже с ней, с мисс Феллоуз.

— Каким же образом ему это удалось? — спросила она, давая Хоскинсу возможность высказаться.

Засунув руки в карманы, Хоскинс продолжал:

— Десять лет мы работали, имея в своем распоряжении крайне ограниченный капитал, собирая буквально по пенсу. Мы просто обязаны были создать сразу нечто очень эффектное, пусть для этого пришлось бы поставить на карту все наши средства. Уверю вас, это был каторжный труд. На попытку извлечь из прошлого этого неандертальца ушли все деньги, которые нам удалось собрать, то одалживая, а то и воруя, да-да, именно воруя. На осуществление этого эксперимента пошли средства, ассигнованные на другие цели. Их мы использовали без разрешения. Если б опыт не удался, моя песенка была бы спета.

— Поэтому-то у домика нет потолка? — прервала его мисс Феллоуз.

— Что вы сказали? — переспросил Хоскинс.

— Вам не хватило денег на потолок?

— Видите ли, это не единственная причина. Честно говоря, мы не в состоянии были угадать точный возраст неандертальца. Наши возможности точно определить характеристику объекта, столь удаленного во времени, пока ограничены, и он вполне мог оказаться существом огромного роста и дикого нрава, и нам пришлось бы общаться с ним на расстоянии, как с посаженным в клетку животным.

— Но поскольку ваши опасения не оправдались, мне думается, вы могли бы теперь достроить потолок.

— Теперь, да. Денег у нас теперь много. Все обернулось блестяще, мисс Феллоуз.— Улыбка не сходила с его широкого лица, и когда он повернулся, чтобы уйти, казалось, даже спина его излучала улыбку.

«Он довольно приятный человек, когда забывается и сбрасывает маску ученого, отрешенного от всего земного»,— подумала мисс Феллоуз.

Ей вдруг захотелось узнать, женат ли он, но, спохватившись, она постаралась отогнать эту мысль.

— Тимми,— позвала она,— иди сюда, Тимми!

За протекшие с того дня месяцы мисс Феллоуз все больше и больше начинала чувствовать себя неотъемлемой частью Компании «Стасис инкорпорейтид». Ей предоставили отдельный маленький кабинет, на двери которого красовалась табличка с ее именем, неподалеку от кукольного домика (как она продолжала называть служившую для Тимми жильем камеру «Стасиса»). Ей теперь платили намного больше, чем вначале, а у кукольного домика был наконец достроен потолок и улучшено внутреннее оборудование: появилась вторая туалетная комната, и мало того — у нее теперь была собственная квартира на территории «Стасиса», и иногда ей даже удавалось там ночевать. Между кукольным домиком и этой ее новой квартирой провели телефон, и Тимми научился им пользоваться.

Мисс Феллоуз привыкла к Тимми настолько, что меньше стала замечать его уродство. Однажды на улице она поймала себя на том, что какой-то обыкновенный мальчик показался ей крайне непривлекательным — у него был высокий выпуклый лоб и выступающий вперед резко очерченный подбородок. Ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы избавиться от этого наваждения.

И еще приятнее было привыкать к случайным посещениям Хоскинса. Совершенно очевидно, что он с удовольствием расставался на время со своей становившейся все более утомительной ролью главы акционерного общества «Стасис инкорпорейтид» и что к ребенку, с появлением которого было связано нынешнее процветание Компании, он питал особые чувства, граничащие с сентиментальностью. Но мисс Феллоуз казалось, что ему было приятно беседовать и с ней. (За это время ей удалось узнать, что Хоскинс разработал метод анализа отражения мезонного луча, проникающего в прошлое; его изобретением был и сам «Стасис». Холодность его была чисто внешней — ею он пытался замаскировать природную доброту, и, о да, он был женат.)

К чему мисс Феллоуз никак не могла привыкнуть, так это к мысли, что она участвует в научном эксперименте. Несмотря на все свои усилия, она все больше чувствовала себя органической частью происходящего, и дело порой доходило до прямых стычек с физиологами.

Однажды, спустившись к ним, Хоскинс нашел ее в таком гневе, что, казалось, она способна была в этот момент совершить убийство. «Они не имеют права, они не имеют права... Даже если Тимми — неандерталец, все равно он человек, а не животное».

Она следила за ними через открытую дверь. Почти ослепнув от ярости, она прислушивалась к всхлипываниям Тимми. Вдруг она заметила стоящего рядом Хоскинса. Не исключено, что он появился здесь уже давно.

— Можно войти? — спросил он.

Коротко кивнув, она поспешила к Тимми, который тесно прижался к ней, обвиняя ее своими маленькими кривыми и все еще такими худыми ножками.

— Вы ведь знаете, что они не имеют права проделывать подобные опыты над человеком, — сказал Хоскинс.

— А я решительно заявляю, доктор Хоскинс, что они не имеют права проделывать это и над Тимми. Вы когда-то сказали мне, что своим процветанием «Стасис» обязан Тимми. Если вы чувствуете хоть каплю благодарности, избавьте беднягу от этих людей, по крайней мере до той поры, пока он не подрастет и станет разумнее. После их манипуляций он не может спать, его душат кошмары. Я предупреждаю вас (ярость ее достигла кульминации), что я их больше сюда не впущу! (До ее сознания дошло, что она перешла на крик, но она уже не владела собой.) Я знаю, что он неандерталец, — несколько успокоившись, продолжала она, — но мы их во многом недооцениваем. Я читала о неандертальцах. У них была своя культура, и некоторые из величайших человеческих открытий, такие, как, например, одомашнивание животных, изобретение колеса и различных типов каменных жерновов, были сделаны именно в их эпоху. У них, несомненно, были и духовные потребности. Это видно из того, что при погребении они клали вместе с умершим его личные вещи, следовательно, они верили в загробную жизнь и, может быть, у них уже была какая-то религия. Неужели все это не дает Тимми права на человеческое отношение?

Она ласково похлопала мальчика по спине и отослала его играть в другую комнату. Когда открылась дверь, Хоскинс увидел целую гору самых разнообразных игрушек.

Он улыбнулся.

— Несчастный ребенок заслужил эти игрушки, — поспешно за-

ная оборонительную позицию, сказала мисс Феллоуз.— Это все, что у него есть, и он заработал их своими страданиями.

— Поверьте, я ничего против этого не имею. Я только подумал, как изменились вы сами с того первого дня. Вы тогда были возмущены, что я подсунул вам неандертальца.

— Мне кажется, что я не была так уж возмущена этим,— тихо возразила мисс Феллоуз, но тут же умолкла.

— Как вы считаете, мисс Феллоуз, сколько ему может быть лет? — переменил тему Хоскинс.

— Не берусь вам сказать точно, ведь мы не знаем, как физически развивались неандертальцы,— ответила мисс Феллоуз.— Если исходить из его роста, то ему не более трех лет, но неандертальцы были низкорослыми, а если учесть характер проделываемых над ним опытов, то он, быть может, и вовсе перестал расти. А судя по тому, как он усваивает английский язык, можно заключить, что ему больше четырех.

— Это правда? Я что-то не заметил в ваших докладах ни слова о том, что он учится говорить.

— Он не станет говорить ни с кем, кроме меня, во всяком случае, пока. Он всех ужасно боится, и это не удивительно. Он может, например, попросить какую-нибудь определенную пищу. Более того, он теперь в состоянии высказать свое любое желание и понимает почти все, что я говорю ему. Впрочем, вполне возможно, что его развитие приостановится.— Произнося последнюю фразу, мисс Феллоуз напряженно следила за выражением лица Хоскинса, стараясь определить, вовремя ли коснулась она этого вопроса.

— Почему?

— Для развития каждому ребенку нужна стимуляция, а Тимми живет здесь как в одиночном заключении. Я делаю для него все, что в моих силах, но ведь я не всегда нахожусь подле него, а кроме того, я не в состоянии дать ему все, в чем он нуждается. Я хочу сказать, доктор Хоскинс, что ему необходимо общаться с каким-нибудь другим мальчиком.

Хоскинс медленно наклонил голову.

— К сожалению, у нас имеется всего лишь один такой ребенок. Бедное дитя!

Услышав это, мисс Феллоуз сразу смягчилась.

— Ведь вы любите Тимми, не правда ли? — Было так приятно сознавать, что еще кто-то испытывает к ребенку теплые чувства.

— О да,— ответил Хоскинс, на секунду теряя самоконтроль, и в этот краткий миг она заметила в его глазах усталость.

Мисс Феллоуз тут же оставила намерение довести свой план до конца.

— Вы выглядите очень утомленным, доктор Хоскинс,— с искренним участием произнесла она.

— Вы так думаете? Придется сделать над собой усилие, чтобы выглядеть пободрее.

— Мне кажется, что «Статис инкорпорейтид» не дает вам ни минуты покоя.

Хоскинс пожал плечами.

— Вы правы. В этом еще повинны находящиеся у нас в настоящее время животные, растения и минералы. Кстати, мисс Феллоуз, вы, наверное, еще не видели наши экспонаты.

— Честно говоря, нет... Но вовсе не потому, что это меня не интересует. Я ведь была очень занята.

— Ну теперь-то у вас больше свободного времени,— повинясь какому-то внезапно принятому решению, сказал Хоскинс.— Я зайду за вами завтра утром в одиннадцать и сам все покажу вам. Вас это устраивает?

— Вполне, доктор Хоскинс, я буду очень рада,— улыбнувшись, ответила она.

В свою очередь улыбнувшись, он кивнул ей и ушел.

Весь остаток дня мисс Феллоуз в свободное от работы время что-то про себя напевала. И в самом деле, хотя, безусловно, даже сама мысль об этом показалась ей невероятной, но ведь это было похоже... почти похоже на то, что он назначил ей свидание.

Обаятельный и улыбающийся, он явился на следующий день точно в назначенное время. Вместо привычной униформы она надела на этот раз платье. Увы, весьма старомодного покроя, но тем не менее уже много лет она не чувствовала себя столь женственной.

Он сделал ей несколько сдержанных комплиментов, и она приняла его похвалы в столь же сдержанной манере, подумав, что это прекрасное начало. Однако в тот же миг ей пришла в голову другая мысль: «А собственно говоря, начало чего?»

Чтобы отогнать от себя эти мысли, она поспешила попрощаться с Тимми, пообещав, что скоро вернется.

Хоскинс повел ее в новое крыло здания, где она до сих пор ни разу не была. Здесь еще сохранился запах, свойственный только что выстроенным помещениям. Доносившиеся откуда-то приглушенные звуки свидетельствовали о том, что строительные работы еще не закончены.

— Животное, растения и минералы,— снова, как накануне, произнес Хоскинс.— Животное находится здесь — это наиболее живописный из наших экспонатов.

Вся внутренняя часть здания была разделена на несколько помещений, каждое из которых представляло собой отдельную камеру «Стасиса». Хоскинс подвел ее к смотровому окну одной из них, и она заглянула внутрь. Существо, представившееся ее взору, показалось ей вначале чем-то вроде покрытой чешуей хвостатой курицы. Покачиваясь на двух тощих лапках, оно бежало по камере, быстро поворачивая из стороны в сторону изящную птичью голову с костным наростом, напоминающим петушиный гребень. Пальцеобразные отростки коротких передних конечностей непрерывно сжимались и разжимались.

— Это наш динозавр,— сказал Хоскинс.— Он находится здесь несколько месяцев. Уж не знаю, когда мы сможем с ним расстаться.

— Динозавр?

— А вы ожидали увидеть гиганта?

Она улыбнулась, и на ее щеках появились ямочки.

— Мне кажется, что некоторые их так себе и представляют. Я-то знаю, что существовали динозавры небольшого размера.

— А мы старались извлечь из прошлого именно маленького динозавра. Его все время обследуют, но сейчас, видно, его ненадолго оставили в покое. Эти обследования дали интереснейшие результаты. Так, например, он не является в полном смысле слова холоднокровным животным. Он способен поддерживать температуру тела несколько выше температуры окружающей среды. К сожалению, это самец. С тех пор как он появился здесь, мы пытаемся зафиксировать другого динозавра, который может оказаться самкой, но пока безуспешно.

— А для чего нужна самка?

В его глазах промелькнула откровенная насмешка.

— В этом случае мы, возможно, получили бы оплодотворенные яйца, а следовательно, и детенышей динозавра.

— Ах, да.

Он повел ее к отделению трилобитов.

— Это профессор Дуэйн из Вашингтонского университета,— сказал Хоскинс.— Специалист по ядерной химии. Если мне не изменяет память, он занимается определением изотопного состава кислорода воды.

— С какой целью?

— Это доисторическая вода; во всяком случае возраст ее исчисляется по крайней мере полумиллиардом лет. Изотопный состав позволяет определить температуру океана в ту эпоху. Самого Дуэйна трилобиты не интересуют, их анатомированием занимаются другие ученые. Им повезло: ведь им нужны только скальпели и

микроскопы, тогда как Дуэйн приходится для каждого опыта устанавливать сложный масс-спектрограф.

— Но почему? Разве он не может?..

— Нет, не может. Ему нельзя ничего выносить из этого помещения, пока существует хоть какая-то возможность избежать этого.

Здесь были также собраны образцы первобытной растительности и обломки скал — это и были растения и минералы, о которых упомянул Хоскинс. У каждого экспоната имелся свой исследователь. Все это напоминало музей, оживший музей, ставший центром активной научной деятельности.

— И всем этим руководите вы один?

— О нет, мисс Феллоуз, слава богу, в моем распоряжении большой штат сотрудников. Меня интересует только теоретическая сторона вопроса: время как таковое, техника мезонного обнаружения удаленных во времени объектов и тому подобное. Все это я охотно променял бы на метод обнаружения объектов, удаленных во времени менее чем на десять тысяч лет. Если бы нам удалось проникнуть в историческую эпоху...

Его прервал какой-то шум у одной из отдаленных камер, откуда донесся до них чей-то высокий раздраженный голос. Хоскинс нахмурился и, извинившись, поспешил в ту сторону.

Мисс Феллоуз почти бегом бросилась за ним.

— Неужели вы не можете понять, что мне необходимо закончить очень важную часть моих исследований? — крикливо вопрошал пожилой мужчина с красным, обрамленным жидкой бородкой лицом.

Служащий, на лабораторном халате которого были вышиты буквы «СИ» («Статис инкорпорейтид»), сказал, обращаясь к Хоскинсу:

— Профессора Адемовского с самого начала предупреждали, что этот экспонат будет находиться здесь только две недели.

— Я тогда еще не знал, сколько времени займут мои исследования, я не пророк! — возбужденно выкрикнул Адемовский.

— Вы же понимаете, профессор, что мы располагаем весьма ограниченным пространством, — сказал Хоскинс. — Поэтому мы вынуждены время от времени менять наши экспонаты. Этот обломок халкопирита должен вернуться туда, откуда он к нам прибыл. Ученые ждут, когда поступят новые экспонаты.

— Почему же я не могу получить его в личное пользование? Разрешите мне унести его отсюда.

— Вы знаете, что это невозможно.

— Вам жаль отдать мне кусок халкопирита, этот несчастный пятикилограммовый обломок? Но почему?

— Нам не по карману связанная с этим утечка энергии! — раздраженно воскликнул Хоскинс. — И вам это отлично известно.

— Дело в том, доктор Хоскинс, — прервал его служащий, — что вопреки правилам профессор пытался унести минерал с собой и чуть было не прорвал «Стасис».

На мгновение все умолкли. Повернувшись к ученому, Хоскинс холодно спросил:

— Это правда, профессор?

Адемовский смущенно кашлянул.

— Видите ли, я не думал, что это нанесет ущерб...

Хоскинс протянул руку и дернул за шнур, свободно висевший на наружной стене камеры, перед которой они сейчас стояли.

У мисс Феллоуз, которая в тот миг разглядывала этот ничем не примечательный, но вызвавший столь горячий спор кусок камня, перехватило дыхание — на ее глазах камень мгновенно исчез. Камера была пуста.

— Я очень сожалею, профессор, — сказал Хоскинс, — но выданное вам разрешение на исследование объектов, находящихся в «Стасисе», аннулируется навсегда.

— Но погодите...

— Я еще раз очень сожалею. Вы нарушили одно из наших самых важных правил.

— Я подам жалобу в Международную Ассоциацию...

— Жалуйтесь кому угодно. Вы только убедитесь, что в случаях, подобных этому, никто не заставит меня отступить.

Он демонстративно отвернулся от продолжавшего протестовать профессора и, все еще бледный от гнева, сказал, обращаясь к мисс Феллоуз:

— Вы не откажетесь позавтракать со мной?

Он провел ее в ту часть кафетерия, которая была отведена для членов администрации. Он поздоровался с сидевшими за столиками знакомыми и спокойно представил им мисс Феллоуз, испытывавшую мучительную неловкость. «Что они подумают?» — эта мысль не давала ей покоя, и она изо всех сил старалась принять по возможности деловой вид.

— Доктор Хоскинс, у вас часто случаются подобные неприятности? — спросила она, взяв вилку и принимаясь за еду. — Я имею в виду это происшествие с профессором.

— Нет, — с усилением ответил Хоскинс, — такое произошло впервые. Мне, правда, частенько приходится спорить с желающими вынести из «Стасиса» тот или иной экспонат, но до сегодняшнего дня никто еще не пытался сделать это.

— Мне помнится, вы однажды сказали, что с этим связан большой расход энергии.

— Совершенно верно. Мы, конечно, постарались учесть такую возможность, так как подобные случаи будут повторяться, и у нас имеется теперь специальный запас энергии, рассчитанный на покрытие утечки при непредусмотренном выносе из «Стасиса» какого-нибудь предмета. Но это не означает, что нам доставит удовольствие за полсекунды потерять годовой запас энергии. Ведь ущерб, нанесенный нашему капиталу потерей такого количества энергии, заставил бы нас на долгие годы отложить дальнейшее претворение в жизнь планов проникновения в глубины времени... Кроме того, вы можете себе представить, что случилось бы, найдись профессор в камере в тот миг, когда «Стасис» был прорван!

— А что бы с ним произошло?

— Видите ли, мы экспериментировали на неодушевленных предметах и на мышах — они бесследно исчезают. Мы полагаем, что они отправляются назад, в прошлое, вместе с тем объектом, который мгновенно переносится в то время, из которого его извлекли. Поэтому нам приходится как бы ставить на якорь те предметы, исчезновение которых из «Стасиса» нам нежелательно. Что касается профессора, то он отправился бы прямо в плейстоцен вместе с исчезнувшим куском камня и очутился бы там в то самое время, из которого этот камень извлекли, плюс те две недели, что он находился у нас.

— Это было бы ужасно!

— Уверяю вас, что судьба самого профессора меня мало беспокоит: если он был настолько глуп, чтобы совершить подобный поступок, то туда ему и дорога, это послужило бы ему хорошим уроком. Но представьте себе, какое это произвело бы впечатление на публику, если бы факт его исчезновения стал широко известен. Достаточно только людям узнать, что наши опыты столь опасны, как нас тут же лишат средств на их продолжение.

Хоскинс выразительно щелкнул пальцами и принялся мрачноковырять вилкой стоящую перед ним еду.

— А вы не могли бы вернуть его назад? — спросила мисс Феллоуз. — Тем же способом, каким вы раздобыли этот камень?

— Нет. Потому что, как только предмет отправлен обратно, он уже больше не фиксируется, если только связь с ним не предусматривается заранее, а в данном случае у нас не было для этого никаких оснований. Да и вообще мы никогда к этому не прибегаем. Для того, чтобы найти профессора, нужно было бы восстановить первоначальное направление поиска, а это все равно что забросить удочку в океан с целью поймать одну определенную рыбу. О господи, когда я думаю о всех мерах предосторожности,

принимаемых нами, чтобы избежать несчастных случаев, мне кажется, что я схожу с ума. Каждая камера «Стасиса» имеет свое прорывающее устройство — без этого нельзя, так как все они фиксируют различные предметы и должны функционировать независимо друг от друга. Кроме того, ни одно прорывающее устройство не вводится в действие до последней минуты, причем мы тщательно разработали единственно возможный способ прорыва потенциального поля «Стасиса» — для этого необходимо дернуть за шнур, выведенный за пределы камеры. А чтобы это устройство сработало, нужно приложить значительную физическую силу — для этого недостаточно случайного прикосновения к шнуру.

— Скажите, а... не влияет ли на ход истории подобное перемещение объектов из прошлого в настоящее время и обратно? — спросила мисс Феллоуз.

Хоскинс пожал плечами.

— Если подходить к этому с точки зрения теории, на ваш вопрос можно ответить утвердительно, но на самом-то деле, если исключить из ряда вон выходящие случаи, это не сказывается на ходе истории. Мы все время что-то удаляем из «Стасиса» — молекулы воздуха, бактерии, пыль. Около десяти процентов потребляемой энергии тратится на возмещение связанной с этим утечки. Но даже перемещение во времени сравнительно больших объектов вызывает изменения, которые быстро сходят на нет. Возьмите хотя бы этот халкопирит из плинсена. За его двухнедельное отсутствие какое-нибудь насекомое могло остаться без крова и погибнуть, что, в свою очередь, могло повлечь за собой целую серию изменений. По нашим математическим расчетам — это изменения самозатухающие.

— Вы хотите сказать, что природа сама восполняет нанесенный ей ущерб?

— До известной степени. Если вы перенесете человека из другой эпохи в настоящее время или, наоборот, отправите его назад в прошлое, то в последнем случае вы нанесете более существенный ущерб. Если вы проделаете это с обычным рядовым человеком, то рана может залечиться сама. Мы ежедневно получаем множество писем с просьбой перенести в нынешнее время Авраама Линкольна, или Магомета, или Ленина. Это, конечно, исключено. Даже если бы нам удалось их обнаружить, перемещение во времени одного из творцов истории человечества нанесло бы невозполнимый ущерб. Есть методы, с помощью которых мы рассчитываем, какие могут произойти изменения при перемещении того или иного объекта во времени, и мы делаем все, чтобы избежать необратимых последствий.

— Значит, Тимми... — начала было мисс Феллоуз.

— Нет, с ним все обстоит благополучно. Это абсолютно безопасно. Но...— Он как-то странно взглянул на нее.— Нет, ничего. Вчера вы сказали мне, что Тимми необходимо общаться с детьми.

— Да.— Мисс Феллоуз радостно улыбнулась.— Я не думала, что вы запомнили мою просьбу.

— Но почему же? Я питаю к ребенку самые теплые чувства и ценю ваше к нему отношение. Мне это не безразлично, и я не намерен обойти этот вопрос, не объяснив вам, как обстоит дело. Вы видели, чем мы занимаемся, до некоторой степени вам теперь известны трудности, которые нам приходится преодолевать, и вы должны понять, почему при всем желании мы не можем допустить, чтобы Тимми общался со своими сверстниками.

— Не можете? — растерянно воскликнула мисс Феллоуз.

— Но ведь я только что вам все объяснил. Нет ни малейшего шанса найти другого неандертальца его возраста — на такую удачу и рассчитывать не приходится. А даже если б нам повезло, то совершенно неразумно было бы пойти на риск и поселить в «Стасис» еще одно человеческое существо.

— Но вы меня неправильно поняли, доктор Хоскинс, — отложив в сторону ложку, решительно сказала мисс Феллоуз. — Я вовсе не хочу, чтобы вы перенесли в настоящее время еще одного неандертальца. Я знаю, что это невозможно. Но ведь можно привести в «Стасис» другого ребенка, чтобы он играл с Тимми.

— Ребенка ч е л о в е к а? — Хоскинс был потрясен.

— Другого ребенка, — отрезала мисс Феллоуз, чувствуя, как мгновенно ее расположение к Хоскинсу сменилось враждебностью. — Тимми — человек!

— Мне это и в голову не пришло.

— Но почему? Что в этом дурного? Вы вырвали ребенка из его эпохи, обрекли его на вечное заточение. Неужели вы не чувствуете себя в долгу перед ним? Доктор Хоскинс, если есть в этом мире человек, который по всем показателям, кроме биологического, может считаться отцом этого ребенка, так это вы. Почему же вам не хочется сделать для него такую малость?

— Я — его отец? — спросил Хоскинс, как-то неловко поднявшись из-за стола. — Если вы не возражаете, мисс Феллоуз, я провожу вас обратно в «Стасис».

Они молча возвратились в кукольный домик. Никто из них больше не произнес ни слова.

Если не считать случайных, мимоходом брошенных взглядов, прошло много времени, пока она снова встретилась с Хоскинсом. Иногда она жалела об этом, но когда Тимми впадал в тоску или молча стоял часами у окна, за которым почти ничего не было

видно, она с возмущением думала: «Какой же он недалекий человек, этот доктор Хоскинс!»

Тимми говорил с каждым днем все более бегло и правильно. Правда, он так и не смог до конца избавиться от некоторой невязности в произношении, в которой мисс Феллоуз находила даже своеобразную привлекательность. В минуты волнения он иногда, как вначале, прищелкивал языком, но это случалось все реже. Должно быть, он постепенно забывал те далекие дни, что предшествовали его появлению в нынешнем времени...

По мере того как Тимми подрастал, интерес к нему физиологов шел на убыль, но зато теперь им занялись психологи. Мисс Феллоуз так и не могла решить, кто из них вызывал в ней большую неприязнь. Со шприцами было покончено — уколы и выкачивания из организма жидкостей прекратились; его перестали кормить по специально составленной диете. Но зато теперь Тимми, чтобы получить пищу и воду, приходилось преодолевать препятствия. Он должен был поднимать половицы, отодвигать какие-то нарочно установленные решетки, дергать за шнуры. Удары слабого электрического тока доводили его до истерики, и от этого мисс Феллоуз приходила в отчаяние.

Она не желала больше обращаться к Хоскинсу — каждый раз, когда она думала о нем, перед ней всплывало его лицо, каким оно было в то утро за завтраком. Глаза ее наполнялись слезами, и она снова и снова думала: «Какой недалекий человек!»

И вот однажды возле кукольного домика совершенно неожиданно раздался его голос — он звал ее.

Поправляя на ходу свой форменный халат, она, не спеша, вышла из дома и, внезапно смутившись, остановилась, увидев перед собой стройную женщину среднего роста. Благодаря светлым волосам и бледному цвету лица незнакомка казалась очень хрупкой. За ее спиной, крепко уцепившись за ее юбку, стоял круглолицый большеглазый мальчуган лет четырех.

— Дорогая, это мисс Феллоуз, сестра, наблюдающая за мальчиком. Мисс Феллоуз, познакомьтесь с моей женой.

(Неужели это его жена? Мисс Феллоуз представляла ее совсем другой. Хотя почему бы и нет? Такой человек, как Хоскинс, вполне мог для контраста выбрать себе в жены слабое существо. Возможно, это именно то, что ему нужно...)

Она заставила себя непринужденно поздороваться.

— Добрый день, миссис Хоскинс. Это ваш... ваш малыш?

(Это было для нее полной неожиданностью. Она могла представить себе Хоскинса в роли мужа, но не отца, за исключением, конечно, того...) Она вдруг поймала на себе мрачный взгляд Хоскинса и покраснела.

— Да, это мой сын Джерри,— сказал Хоскинс.— Джерри, по-
здоровайся с мисс Феллоуз.

(Не сделал ли он ударение на слове «это»? Не хотел ли он
дать ей понять, что это его сын, а не...)

Джерри немного подался вперед, не расставаясь, однако, с
материнской юбкой, и пробормотал приветствие. Миссис Хоскинс
явно пыталась заглянуть через плечо мисс Феллоуз в комнату,
как бы стремясь увидеть там нечто весьма ее интересовавшее.

— Ну что ж, зайдем в «Стасис»,— сказал Хоскинс.— Входи, ми-
лочка. На пороге тебя ждет несколько неприятное ощущение, но
это быстро пройдет.

— Вы хотите, чтобы Джерри тоже вошел туда? — спросила
мисс Феллоуз.

— Конечно. Он будет играть с Тимми. Вы ведь говорили, что
Тимми нужен товарищ для игр. Может, вы уже забыли об этом?

— Но...— В ее взгляде, брошенном на него, отразилось глубо-
чайшее удивление.— Ваш мальчик?

— А чей же еще? — раздраженно сказал он.— Разве не этого
вы добивались? Идем, дорогая. Входи же.

С явным усилием подняв Джерри на руки, миссис Хоскинс пе-
реступила через порог. Джерри захныкал — видимо, ему не по-
нравилось испытываемое при входе в «Стасис» ощущение.

— Где же это существо? — тонким голосом спросила мис-
сис Хоскинс.— Я не вижу его.

— Иди сюда, Тимми! — позвала мисс Феллоуз.

Тимми выглянул из-за двери, во все глаза уставившись на по-
жаловавшего к нему в гости мальчика. Мускулы на руках мис-
сис Хоскинс заметно напряглись.

Обернувшись к мужу, она спросила:

— Ты уверен, Джеральд, что он не опасен?

— Если вы имевте в виду Тимми, то он не представляет ни-
какой опасности,— тут же вмешалась мисс Феллоуз.— Он спокой-
ный и послушный мальчик.

— Но ведь он ди... дикарь.

(Вот оно что! Результат все тех же газетных историй о маль-
чике-обезьяне.)

— Он вовсе не дикарь,— резко произнесла мисс Феллоуз.—
Он спокоен и рассудителен, как любой другой пятилетний ребен-
ок. Вы поступили очень великодушно, миссис Хоскинс, разрешив
вашему мальчику играть с Тимми, и я убедительно прошу вас не
беспокоиться за него.

— Я не уверена, что соглашусь на это,— раздраженно про-
говорила миссис Хоскинс.

— Мы ведь уже обсудили этот вопрос, дорогая,— сказал Хос-

кинс,— и я думаю, что не стоит перемалывать все заново. Спусти Джерри на пол.

Миссис Хоскинс повиновалась. Мальчик прижался к ней спиной и уставился на находившегося в соседней комнате ребенка, который, в свою очередь, не спускал с него глаз.

— Тимми, иди сюда,— сказала мисс Феллоуз,— иди, не бойся.

Тимми медленно вошел в комнату. Хоскинс наклонился, чтобы отцепить пальцы Джерри от материнской юбки.

— Отойди немного назад, дорогая, пусть дети познакомятся.

Мальчики очутились лицом к лицу. Несмотря на то что Джерри был младше, он был выше Тимми на целый дюйм, и на фоне его стройной фигурки и красиво посаженной пропорциональной головы гротескность облика Тимми вдруг бросилась в глаза почти как в первые дни.

У мисс Феллоуз задрожали губы.

Первым заговорил маленький неандерталец.

— Как тебя зовут? — дискантом спросил он, быстро приблизив к Джерри свое лицо, как бы желая получше рассмотреть его.

Вздрогнув от неожиданности, Джерри вместо ответа дал Тимми тумака, и Тимми, отлетев назад, не удержался на ногах и упал на пол. Оба громко заревели, а миссис Хоскинс поспешно схватила Джерри на руки, в то время как мисс Феллоуз, покраснев от сдерживаемого гнева, подняла Тимми, стараясь успокоить его.

— Они инстинктивно невазлюбили друг друга,— заявила миссис Хоскинс.

— Они инстинктивно относятся друг к другу точно так же, как любые другие дети, будь они на их месте,— устало сказал Хоскинс.— А теперь спусти Джерри с рук и дай ему привыкнуть к обстановке. По правде говоря, нам лучше сейчас уйти. Мисс Феллоуз может через часок привести Джерри ко мне в кабинет, и я позабочусь, чтобы его доставили домой.

В последовавший за этим час дети ни на минуту не спускали друг с друга глаз. Джерри плакал и звал мать, боясь отойти от мисс Феллоуз, и только спустя какое-то время позволил наконец утешить себя леденцом. Тимми тоже получил леденец, и через час мисс Феллоуз удалось добиться того, что оба они сели играть в кубики, правда в разных концах комнаты.

Когда мисс Феллоуз в этот день повела Джерри к отцу, она до такой степени была исполнена благодарности к Хоскинсу, что с трудом сдерживала слезы.

Мисс Феллоуз искала слова, чтобы выразить свои чувства, но подчеркнутая сдержанность Хоскинса помешала ей высказаться. Может быть, он до сих пор не простил ей того, что она заставила его прочувствовать жестокость его отношения к Тимми. А может,

он привел собственного сына, чтобы доказать ей, как хорошо он относится к Тимми, и одновременно дать понять, что он вовсе не его отец. Да, именно это он и имел в виду!

Так что она ограничилась лишь скупой фразой:

— Спасибо, большое спасибо, доктор Хоскинс.

На что ему оставалось лишь ответить:

— Не за что, мисс Феллоуз. Все нормально.

Постепенно это вошло в обычай. Два раза в неделю Джерри приводили на час поиграть с Тимми, потом этот срок был продлен до двух часов. Дети познакомились, постепенно изучили привычки друг друга и стали играть вместе.

И теперь, когда схлынула первая волна благодарности, мисс Феллоуз поняла, что Джерри ей не нравится. Телом он был значительно крупнее Тимми, да и вообще превосходил его во всех отношениях: он властвовал над Тимми, отводя ему в играх второстепенную роль. С создавшимся положением ее примиряло только то, что как бы там ни было, а Тимми со все большим нетерпением ждал очередного прихода своего товарища по играм.

— Это все, что у него есть в жизни,— с грустью говорила она себе.

И однажды, наблюдая за ними, она вдруг подумала: «Эти два мальчика—оба дети Хоскинса, один от жены, другой—от «Стасиса». В то время как я сама...»

«О господи,— сжав кулаками виски, со стыдом подумала она,— ведь я ревную!»

— Мисс Феллоуз,— спросил однажды Тимми (она не разрешала ему иначе называть себя),— когда я пойду в школу?

Она взглянула в его карие глаза, умоляюще смотревшие на нее в ожидании ответа, и мягко провела рукой по его густым волосам. Это была самая неаккуратная часть его внешности: она стригла его сама, и мальчик юлой вертелся под ножницами и мешал ей. Она никогда не просила прислать для этой цели парикмахера, ибо ее неумелая стрижка удачно маскировала низкий покатый лоб ребенка и чрезмерно выпуклый затылок.

— Откуда ты узнал о школе? — спросила она.

— Джерри ходит в школу. В детский сад,— старательно выговаривая слог, ответил он.— Джерри бывает во многих местах там, на воле. Когда же я выйду отсюда на волю, мисс Феллоуз?

У мисс Феллоуз мучительно сжалось сердце. Она, конечно, понимала: ничто не сможет помешать Тимми узнавать все больше и больше о внешнем мире, о том мире, который для него закрыт навсегда.

Постаравшись придать своему голосу побольше бодрости, она спросила:

— А что бы ты стал делать в детском саду, Тимми?

— Джерри говорит, что они играют там в разные игры, что им показывают ленты с движущимися картинками. Он говорит, что там много-много детей. Он рассказывает...— Тимми на мгновение задумался, потом торжествующе развел в стороны обе руки с растопыренными пальцами и только тогда кончил фразу: — Вот как много он рассказывает!

— Тебе хотелось бы посмотреть движущиеся картинки? — спросила мисс Феллоуз. — Я принесу тебе эти ленты и ленты с записью музыки.

Так удалось на какое-то время успокоить его.

В отсутствие Джерри он жадно просматривал детские киноленты, а мисс Феллоуз часами читала ему вслух книжки.

В самом простом рассказике содержалось столько для него непонятного, что приходилось объяснять сущность самых обычных вещей, находившихся за пределами трех комнат «Стасиса». Теперь, когда в его мысли вторгся внешний мир, он все чаще стал видеть сны.

Ему снилось всегда одно и то же — тот неведомый мир, что находился за пределами его домика. Он неуверенно пытался рассказать мисс Феллоуз содержание этих сновидений, в которых он всегда переносился в огромное пустое пространство, где кроме него были еще дети и какие-то странные, непонятные предметы, созданные его воображением на основе далеко не до конца понятых им книжных образов. Иногда ему снились картины из его полузабытого далекого прошлого, когда он жил еще среди нандертальцев.

Снившиеся ему дети не замечали его, и хотя он чувствовал, что находится вместе с ними за пределами «Стасиса», он в то же время понимал, что не принадлежит внешнему миру, и оставался всегда в страшном одиночестве, как будто и не покидал своей комнаты. Он всегда просыпался в слезах.

Пытаясь успокоить Тимми, мисс Феллоуз старалась обратить его рассказы в шутку, смеялась над ними, но сколько ночей она сама проплакала в своей квартире!

Однажды, когда мисс Феллоуз читала вслух, Тимми протянул руку к ее подбородку и, осторожно приподняв ее лицо от книги, заставил ее взглянуть себе в глаза.

— Мисс Феллоуз, откуда вы узнаете то, что рассказываете мне? — спросил он.

— Ты видишь эти значки? Они-то и говорят мне о том, что я потом уже рассказываю тебе. Из этих значков составляются слова. Взяв из ее рук книгу, Тимми долго с любопытством рассматривал буквы.

— Некоторые из значков совсем одинаковые,— произнес он наконец.

Она рассмеялась от радости, которую ей доставила его сообразительность.

— Правильно. Хочешь, я покажу тебе, как писать эти значки?

— Хорошо, покажите. Это будет интересная игра.

Ей тогда даже в голову не пришло, что он может научиться читать. До того самого дня, когда он прочел ей вслух книжку, она отказывалась верить в это. Через несколько недель она внезапно осознала огромную важность этого события и была ошеломлена. Сидя у нее на коленях, Тимми читал ей вслух детскую книжку, не пропуская ни одного слова. Он читал!

Потрясенная, она поднялась со стула и сказала:

— Я скоро вернусь, Тимми. Мне необходимо повидать доктора Хоскинса.

Ее охватило граничащее с безумием возбуждение. Ей показалось, что теперь ей удастся наконец найти средство сделать Тимми в какой-то степени счастливым. Если Тимми нельзя войти в современную жизнь, то эта жизнь сама должна прийти к нему в его трехкомнатную тюрьму, запечатленная в книгах, кинофильмах и звуках.

Ему необходимо дать образование, используя все его природные способности. Этим человечество могло бы как-то возместить то зло, которое оно ему причинило.

Она нашла Хоскинса в настроении, странно сходном с ее собственным — все его существо излучало неприкрытую радость и торжество. В правлении царило необычное оживление, и мисс Феллоуз, когда она растерянно остановилась в приемной, даже подумала, что ей не удастся сегодня поговорить с Хоскинсом.

Но он заметил ее, и его широкое лицо расплылось в улыбке.

— Идите сюда, мисс Феллоуз,— позвал он.

Он быстро сказал что-то по интерколу и выключил его.

— Вы уже слышали?.. Ну конечно, нет, вы еще ничего не можете знать. Мы ведь добились своего! Мы уже можем фиксировать объекты из недалекого прошлого.

— Вы хотите сказать, что теперь вам удастся перенести в настоящее время человека, жившего уже в историческую эпоху? — спросила мисс Феллоуз.

— Вы меня поняли абсолютно правильно. Только что мы зафиксировали одного индивидуума, жившего в четырнадцатом веке. Вы только представьте себе всю важность этого события! Как же я буду счастлив избавиться наконец от концентрации всех сил на мезозойской эре: казалось, этому не будет конца; какое я получу удовольствие от замены палеонтологов историками... Вы, кажется, что-то хотели сообщить мне? Ну давайте, выкладывайте, что там у вас. Говорите же. Вы застали меня в хорошем настроении и можете получить все, что пожелаете.

— Я очень рада,— улыбнулась мисс Феллоуз.— Меня как раз интересует один вопрос: не могли бы мы разработать систему образования для Тимми?

— Образования? Какого еще образования?

— Ну, общего образования. Я имею в виду школу. Надо дать ему возможность учиться.

— Но может ли он учиться?

— Конечно, ведь он уже учится. Он умеет читать, этому я научила его сама.

Ей показалось, что настроение Хоскинса вдруг резко ухудшилось.

— Я, право, не знаю, что вам на это сказать, мисс Феллоуз,— произнес он.

— Но ведь вы только что пообещали, что исполните любую мою просьбу...

— Я это помню. К сожалению, в данном случае я поступил опрометчиво. Видите ли, мисс Феллоуз, я думаю, вы прекрасно понимаете, что мы не можем продолжать эксперимент с Тимми до бесконечности.

Охваченная внезапным ужасом, она в упор взглянула на него, еще до конца не осознав весь смысл сказанных только что слов. Что он подразумевал под этим «не можем продолжать»? Ее сознание вдруг озарила яркая вспышка — она вспомнила о профессоре Адемевском и минерале, отправленном назад после двухнедельного пребывания в «Стасисе».

— Но ведь сейчас речь идет о мальчике, а не о куске камня... Хоскинс явно чувствовал себя не в своей тарелке.

— В случаях, подобных этому, даже ребенку нельзя придавать слишком большое значение. Теперь, когда мы надеемся заполнить сюда людей, живших в историческую эпоху, нам понадобятся все помещения «Стасиса».

Она все еще ничего не понимала.

— Но вы не сделаете этого. Тимми... Тимми...

— Ну-ну, не принимайте все так близко к сердцу, мисс Феллоуз. Быть может, Тимми пробудет здесь еще несколько месяцев,

и за это время мы постараемся сделать для него все, что в наших силах.

Она продолжала молча смотреть на него.

— Не хотите ли вы выпить чего-нибудь, мисс Феллоуз?

— Нет,— прошептала она.— Мне ничего не нужно.

Едва осознавая, что делает, она с трудом поднялась на ноги и, словно во власти кошмара, вышла из комнаты.

«Ты не умрешь, Тимми,— подумала она.— Ты не умрешь!»

С той поры ее неотступно преследовала мысль о необходимости как-то предотвратить гибель Тимми. Но одно дело думать, а другое — осуществить задуманное. Первое время мисс Феллоуз упорно цеплялась за надежду на то, что попытка перенести кого-либо из XIV века в настоящее время потерпит полную неудачу. Хоскинс мог допустить ошибку с точки зрения теории эксперимента, могли также обнаружиться недостатки в методе его осуществления. И тогда все останется по-старому.

Остальная часть человечества, конечно, надеялась на противоположный исход, и мисс Феллоуз вопреки рассудку возненавидела за это весь мир. Ажиотаж, поднявшийся вокруг «Проекта «Средневековье», достиг предельного накала. Печать и общественность изголодались по чему-либо из ряда вон выходящему. Акционерное общество «Стасис инкорпорейтид» давно уже не производило подобной сенсации. Какой-нибудь новый камень или ископаемая рыба уже никого не волновали. А это было как раз то, что требовалось.

Человек, живший уже в историческую эпоху, взрослый индивид, говорящий на понятном и теперь языке, тот, кто поможет ученым воссоздать неведомую поныне страницу истории.

Решительный час приближался, и на сей раз уже не только трое на балконе должны были стать свидетелями столь важного события. Теперь весь мир превращался в гигантскую аудиторию, а техническому персоналу «Стасиса» предстояло играть свою роль на глазах у всего человечества.

Среди чувств, кипевших в душе мисс Феллоуз, отсутствовало лишь одно: она отнюдь не была захлебывалась от радостного ожидания.

Когда Джерри пришел, как обычно, играть с Тимми, она едва узнала его. Секретарша, которая привела его, небрежно кивнув мисс Феллоуз, послешлила удалиться. Она торопилась занять хорошее место, откуда ей удастся без помех следить за воплощением в жизнь «Проекта «Средневековье». Мисс Феллоуз с горечью подумала, что если б наконец пришла эта глупая девчонка, она тоже смогла бы уйти, причем у нее была более веская, чем простое любопытство, причина присутствовать при эксперименте.

— Мисс Феллоуз,— смущенно произнес Джерри, неуверенно,

бочком приближаясь к ней и доставая из кармана какой-то обрывок газеты.

— Да! Что это там у тебя, Джерри?

— Это фотография Тимми.

Мисс Феллоуз внимательно посмотрела на ребенка и затем быстро выхватила из его рук клочок газеты. Всеобщее возбуждение, вызванное «Проектом «Средневековье», возродило в печати некоторый интерес к Тимми.

Джерри внимательно следил за выражением ее лица.

— Тут говорится, что Тимми — мальчик-обезьяна. Что это значит, мисс Феллоуз?

Мисс Феллоуз схватила мальчишку за руку, с трудом подавив желание как следует встряхнуть его.

— Никогда не говори этого, Джерри. Никогда, понимаешь? Это гадкое слово, и ты не должен употреблять его.

Перепуганный Джерри отчаянно старался освободиться от ее руки.

Мисс Феллоуз с яростью разорвала бумагу.

— А теперь иди в дом и играй с Тимми. Он покажет тебе свою новую книжку.

Наконец появилась та девушка. Мисс Феллоуз никогда раньше не видела ее. Дело в том, что никто из постоянных служащих «Стасиса», иногда замещавших ее, когда ей необходимо было отлучаться по делам, сейчас, в связи с приближением осуществления «Проекта «Средневековье», не мог помочь. Однако секретарша Хоскинса обещала найти какую-нибудь девушку, которая побудет с детьми.

— Вы и есть та девушка, которую прикрепили к Первой Секции «Стасиса»? — стараясь сдержать дрожь в голосе, спросила мисс Феллоуз.

— Да. Меня зовут Мэнди Террис. А вы — мисс Феллоуз, правильно?

— Совершенно верно.

— Простите, что я немного опоздала. Везде такая суматоха.

— Я знаю. Итак, я хочу, чтобы вы...

— Вы ведь будете смотреть, правда? — перебила ее Мэнди. На хорошеньком, тонком, но каком-то пустом личике отразилась жгучая зависть.

— Это не имеет значения. Я хочу, чтобы вы вошли в дом и познакомились с Тимми и Джерри. Они будут играть часа два и не причинят вам никакого беспокойства. Им оставлено молоко, у них много игрушек. Будет даже лучше, если вы по возможности предоставите их самим себе. А теперь я покажу вам, где что находится и...

— Это Тимми — мальчик-обез...?

— Тимми — ребенок, который живет в «Стасисе», — резко перебила ее мисс Феллоуз.

— Я хотела сказать, что Тимми — это тот, кому нельзя выходить из дома, не так ли?

— Да. А теперь зайдите в помещение, у нас мало времени.

И когда ей наконец удалось уйти, за ее спиной раздался пронзительный голос Мэнди Террис:

— Надеюсь, вам достанется хорошее местечко. Ей богу, мне так хочется, чтобы опыт удался.

Не уверенная в том, что, если она попытается ответить Мэнди, ей удастся сохранить самообладание, мисс Феллоуз, даже не оглянувшись, послешила поскорее уйти.

Но из-за того, что она задержалась, ей не удалось занять хорошее место. Она с трудом протолкалась только до экрана в Зале Собраний. Если бы ей повезло очутиться поблизости от места, где проводился эксперимент, если б только она могла подойти к какому-нибудь чувствительному прибору, если б ей удалось содрать опыт...

Она нашла в себе силы совладать с охватившим ее безумием. Ведь разрушение какого-нибудь прибора ни к чему бы не привело. Они бы все равно исправили его и поставили бы эксперимент заново... А ей никогда бы не разрешили вернуться к Тимми.

Ничто не могло ей помочь. Ничто, за исключением естественного и притом непоправимого провала эксперимента.

И в те мгновения, когда отсчитывались последние секунды, ей оставалось только ждать, напряженно следя за каждым движением на огромном экране, внимательно всматриваясь в лица занятых в опыте сотрудников, когда то один, то другой из них попадал в кадр; она старалась уловить в их взглядах выражение беспокойства и неуверенности — намек на возникновение неожиданных затруднений в осуществлении опыта; она ни на секунду не отрывала взгляд от экрана...

Но ее надежды не оправдались. Была отсчитана последняя секунда, и очень спокойно, без лишнего шума опыт был благополучно завершен!

В недавно отстроенном новом помещении «Стасиса» стоял бородатый сутулый крестьянин неопределенного возраста, в рваной, грязной одежде и деревянных башмаках; он с тупым ужасом озирался по сторонам: его сознание не в состоянии было воспринять внезапную и совершенно невероятную перемену обстановки.

И в тот момент, когда весь мир обезумел от восторга, мисс Феллоуз, застывшая от горя, одна стояла неподвижно в поднявшейся суетоке. Ее пинали, швыряли из стороны в сторону, только что не топтали ногами; она стояла в гуще ликующей толпы, вся сжавшись под бременем рухнувших надежд.

И когда скрипучий голос громкоговорителя назвал ее имя, это дошло до ее сознания только после троекратного повторения.

— Мисс Феллоуз, мисс Феллоуз, вас требуют в Первую Секцию «Стасиса». Мисс Феллоуз, мисс Феллоуз...

— Пропустите меня! — задыхаясь, крикнула она, а громкоговоритель, ни на секунду не останавливаясь, продолжал повторять все ту же фразу. Собрав все силы, она стала отчаянно пробиваться через толпу, расталкивая окружающих ее людей. Не останавливаясь ни перед чем, пустив в ход даже кулаки, раздавая направо и налево удары и поминутно застревая в людском водовороте, она медленно, как в кошмаре, но все же продвигалась к выходу.

Мэнди Террис рыдала.

— Я просто не могу себе представить, как это произошло. Я отлучилась всего лишь на минутку, чтобы взглянуть на тот маленький экран, который они установили в коридоре. Только на минутку. И вдруг, прежде чем я успела что-либо сделать... Вы сами сказали мне, что они не причинят никакого беспокойства, вы сами посоветовали оставить их одних! — выкрикнула вдруг Мэнди, переходя в наступление.

— Где Тимми? — глядя на нее непонимающими глазами, спросила мисс Феллоуз. Она не заметила, что ее сотрясает нервная дрожь.

Одна сестра протирала плачущему Джерри руку дезинфицирующим средством, другая готовила шприц с противостолбнячной сывороткой.

— Он укусил меня, мисс Феллоуз! — задыхаясь от злости, крикнул Джерри. — Он укусил меня!

Но мисс Феллоуз не обратила на него внимания.

— Что вы сделали с Тимми? — крикнула она.

— Я заперла его в ванной комнате, — ответила Мэнди. — Я просто-напросто швырнула туда это маленькое чудовище и заперла его там.

Мисс Феллоуз бегом помчалась в кукольный домик. Она задержалась у дверей ванной — казалось, прошла целая вечность, пока ей удалось наконец открыть дверь и отыскать забившегося в угол уродливого мальчугана.

— Не бейте меня, мисс Феллоуз,— прошептал он. Глаза его покраснели, губы дрожали.— Я это сделал не нарочно.

— О Тимми, откуда ты взял, что я буду тебя бить?

Подхватив ребенка на руки, она крепко прижала его к себе.

— Она сказала, что вы выпорете меня длинной веревкой. Она сказала, что вы будете меня бить, бить, бить...— взволнованно ответил Тимми.

— Никто тебя не будет бить. С ее стороны очень дурно сказать такое. Но что случилось? Что случилось?

— Он назвал меня мальчиком-обезьяной. Он сказал, что я не настоящий мальчик, что я животное.

Из глаз Тимми хлынули слезы.

— Он сказал, что не хочет больше играть с обезьяной. А я сказал, что я не обезьяна. Я не обезьяна! Потом он сказал, что я очень смешно выгляжу, что я ужасно безобразен. Он повторил это много-много раз, и я укусил его.

Теперь они плакали оба.

— Но ты же знаешь, Тимми, что это неправда,— всхлипывая, сказала мисс Феллоуз,— ты настоящий мальчик. Ты самый настоящий и самый хороший мальчик на свете. И никто, никто никогда тебя у меня не отнимет.

Теперь ей легко было решиться — она наконец знала, что делать. Но действовать нужно было быстро. Хоскинс не станет больше ждать, ведь пострадал его собственный ребенок...

Нет, это должно произойти ночью, сегодня ночью, когда почти все служащие «Стасиса» будут либо спать, либо праздновать успешное претворение в жизнь «Проекта «Средневековье».

Она вернется в «Стасис» в необычное время, но это случалось и раньше. Охранник хорошо знал ее, и ему даже в голову не придет требовать от нее каких бы то ни было объяснений. Он и внимания не обратит на то, что у нее в руке будет чемодан. Она несколько раз прорепетировала эту простую фразу: «Игры для мальчиков» — и последующую за ней спокойную улыбку. И он поверит.

Когда она снова появилась в кукольном домике, Тимми еще не спал, и она изо всех сил старалась вести себя как обычно, чтобы не испугать его. Она поговорила с ним о его снах и выслушала его вопросы о Джерри.

Потом ее увидят немногие, и никому не будет никакого дела до узла, который она будет нести. Тимми поведет себя очень спокойно, а затем все уже станет *fait accompli**. Задуманное будет

* Свершившимся фактом (фр.).

выполнено, и что толку пытаться исправить то, что уже произошло. Ей дадут возможность существовать. Им будет дарована жизнь.

Она открыла чемодан и вытащила из него пальто, шерстяную шапку с наушниками и еще кое-что из одежды.

— Мисс Феллоуз, почему вы надеваете на меня все эти вещи? — встревожившись, спросил Тимми.

— Я хочу вывести тебя отсюда, Тимми. Мы отправимся в страну твоих снов, — ответила мисс Феллоуз.

— Мои снов? — его лицо загорелось радостью, но он еще не полностью избавился от страха.

— Не бойся, ты будешь со мной. Ты не должен бояться, когда ты со мной, не так ли, Тимми?

— Конечно, мисс Феллоуз. — Он прижался к ней своей бесформенной головкой, и, обняв его, она ощутила под рукой биение его маленького сердца.

Наступила полночь. Мисс Феллоуз взяла ребенка на руки, выключила сигнализацию и осторожно открыла дверь.

И тут из ее груди вырвался крик ужаса — она оказалась лицом к лицу со стоявшим на пороге Хоскинсом!

С ним были еще двое, и, увидев ее, он был поражен не меньше, чем она сама.

Мисс Феллоуз пришла в себя на какую-то долю секунды раньше и попыталась быстро проскочить мимо него, но, несмотря на этот выигрывш во времени, Хоскинс все же опередил ее. Он грубо схватил ее и оттолкнул назад в глубину комнаты по направлению к шкафу. Он знаком приказал остальным войти в помещение и сам стал у выхода, загородив дверь.

— Этого я не ожидал. Вы что, окончательно сошли с ума?

Когда Хоскинс толкнул ее, она успела повернуться так, что ударилась о шкаф плечом и Тимми почти не ушибся.

— Что случится, если я возьму его с собой, доктор Хоскинс? — умоляюще произнесла она. — Неужели потеря энергии для нас важнее, чем человеческая жизнь?

Хоскинс решительно вырвал из ее рук Тимми.

— Потеря энергии в таком размере привела бы к утечке многих миллионов долларов из карманов вкладчиков. Это катастрофически затормозило бы работы, ведущиеся акционерным обществом «Статис инкорпорейтид». Это означало бы то, что всем и каждому стала бы известна история чувствительной медсестры, которая нанесла колоссальный ущерб обществу во имя спасения мальчика-обезьяны.

— Мальчика-обезьяны! — в бессильной ярости воскликнула мисс Феллоуз.

— Под такой кличкой он фигурировал бы в описаниях этого события.

Между тем один из пришедших с Хоскинсом мужчик начал протягивать через отверстия в верхней части стены нейлоновый шнур. Мисс Феллоуз вспомнила шнур, висевший на стене камеры, где находился обломок камня профессора Адемавского, тот шнур, за который дернул в свое время Хоскинс.

— Нет! — вскричала она.

Но Хоскинс опустил Тимми на пол и, осторожно сняв с него пальто, сказал:

— Оставайся здесь, Тимми, с тобой ничего не случится. Мы только выйдем на минутку из комнаты. Хорошо?

Побледневший и лишившийся дара речи Тимми, однако, нашел в себе силы утвердительно кивнуть головой. Хоскинс вывел мисс Феллоуз из кукольного домика, держась на всякий случай позади нее. На какой-то миг мисс Феллоуз утратила способность к сопротивлению. Она туло следила за тем, как укрепляли снаружи конец шнура.

— Мне очень жаль, мисс Феллоуз, — сказал Хоскинс, — я охотно избавил бы вас от этого зрелища. Я намеревался сделать это ночью, чтобы вы узнали обо всем уже после.

— И все из-за того, что пострадал ваш сын, который замучил этого ребенка до такой степени, что он уже не мог совладать с собой и поранил его?

— Поверьте мне, что дело не в этом. Мне понятна причина того, что здесь сегодня произошло, и я знаю, что во всем виноват Джерри. Но эта история уже получила огласку, да иначе и не могло быть при том количестве корреспондентов, которые собрались здесь в такой день. Я не могу пойти на риск и допустить, чтобы появившиеся в печати ложные слухи о нашей небрежности и о так называемых «диких неандертальцах» умалили успех «Проекта «Средневековье». Так или иначе Тимми все равно должен скоро исчезнуть, так почему бы ему не исчезнуть сейчас, умерив тем самым пыл любителей сенсаций и сократив количество грязи, которое они постараются на нас вылить.

— Но ведь это не то же самое, что отправить назад, в прошлое, осколок камня. Вы убьете человеческое существо.

— Это не убийство. Он ничего не почувствует, он просто опять станет мальчиком-неандертальцем и попадет в свою привычную среду. Он не будет больше чужаком, обреченным на вечное заключение. Ему представится возможность жить на свободе.

— Какая такая возможность? Ему всего лишь семь лет, и он

привык, чтоб о нем заботились, чтобы его кормили, одевали, оберегали. Он будет одинок, ведь за эти четыре года его племя могло уйти из тех мест, где он его покинул. А если даже племя еще там, ребенка никто не узнает, он должен будет сам о себе заботиться, а ведь ему негде было научиться этому.

Хоскинс беспомощно покачал головой.

— О господи, неужели вы считаете, мисс Феллоуз, что мы не думали об этом? Разве вы не понимаете, что мы вызвали из прошлого ребенка только потому, что это было первое человеческое или, вернее, получеловеческое существо, которое нам удалось зафиксировать, и мы боялись отказаться от этого, так как не были уверены, что нам так повезет еще раз? Неужели мы держали бы здесь Тимми столь долго, если б нас не смущала необходимость отослать его обратно в прошлое? Мы делаем это сейчас потому, — в его голосе зазвучала решимость отчаяния, — что мы не в состоянии больше ждать. Тимми может послужить причиной компрометирующей нас шумихи. Мы находимся сейчас на пороге великих открытий, и мне очень жаль, мисс Феллоуз, но мы не можем допустить, чтобы Тимми помешал нам. Не можем. Я очень сожалею, мисс Феллоуз, но это так.

— Ну что ж, — грустно произнесла мисс Феллоуз. — Разрешите мне хоть попрощаться с ним. Дайте мне пять минут, я не прошу ничего больше.

— Идите, — после некоторого колебания сказал Хоскинс.

Тимми бросился ей навстречу. В последний раз он подбежал к ней, и она в последний раз прижала его к себе.

Какое-то мгновение она молча сжимала его в своих объятиях. Потом она ногой пододвинула к стене стул и села.

— Не бойся, Тимми.

— Я ничего не боюсь, когда вы со мной, мисс Феллоуз. Этот человек очень сердит на меня? Тот, что остался за дверью?

— Нет. Он просто нас с тобой не понимает... Тимми, ты знаешь, что такое мать?

— Это как мама Джерри?

— Он рассказывал тебе о своей матери?

— Немного. Мне кажется, что мать — это женщина, которая о тебе заботится, которая очень добра к тебе и делает для тебя много хорошего.

— Правильно. А тебе когда-нибудь хотелось иметь мать, Тимми?

Тимми откинул голову, чтобы увидеть ее лицо. Он медленно протянул руку и стал гладить ее по щеке и волосам, как давным-давно, в первый день его появления в «Стасисе», она сама гладила его.

— А разве вы не моя мать? — спросил он.

— О Тимми!

— Вы сердитесь, что я так спросил?

— Нет, что ты! Конечно, нет.

— Я знаю, что вас зовут мисс Феллоуз, но... иногда я про себя называю вас «мама». В этом нет ничего дурного?

— Нет, нет. Я никогда не покину тебя, и с тобой ничего не случится. Я всегда буду с тобой, всегда буду заботиться о тебе. Скажи мне «мама», но так, чтобы я слышала.

— Мама,— удовлетворенно произнес Тимми, прижавшись щекой к ее лицу.

Она поднялась и, не выпуская его из рук, взобралась на стул. Она уже не слышала внезапно поднявшегося за дверью шума и криков. Свободной рукой она ухватила за протянутый между двумя отверстиями в стене шнур и всей своей тяжестью повисла на нем.

«Статис» был прорван, и комната опустела.

Перевела с английского Светлана ВАСИЛЬЕВА

ФИЛИП ДИК

Из глубин памяти

Куайл проснулся — и сразу захотел на Марс. «Чудесные долины... побродить бы по ним...» — с завистливой тоской подумал он. Он почти что чувствовал обволакивающее присутствие того, другого мира, который видели только секретные агенты да высшие правительственные чины. Куда там клерку... Нет, это невозможно.

— Ты собираешься вставать? — сонно пробормотала Кирстен с обычной злобной раздражительностью. — Свари кофе.

— Хорошо, — сказал Дуглас Куайл и босиком прошлепал из спальни на кухню. Там он поставил кофе, уселся за столик, достал маленькую жестянку Диновского Нюхательного и резко втянул в себя воздух. Острая смесь защипала в носу, обожгла уголки рта, но Куайл продолжал вдыхать; это пробуждало его и приводило ночные фантазии и тайные мечты к некому подобию рациональности.

Я добыю, твердил себе Куайл. Я попаду на Марс.

Конечно, это неосуществимо, и он постоянно осознавал иллюзорность своего желания, даже во сне. Дневной свет, копошение жены, расчесывающей волосы перед зеркалом,— все сговорилось поставить его на место, напомнить ему, кто он такой. Самый обыкновенный мелкий служащий, горько сказал себе Куайл. Кирстен напоминала об этом по крайней мере раз в день, и он ее не винил; дело жены возвращать мужа на землю. На Землю, подумал он и засмеялся. Буквально выражаясь.

— Чего ты там хихикаешь? — спросила Кирстен, влетая на кухню в развевающемся розовом халатике.— Небось, опять замечтался.

— Да,— произнес он и уставился в окно, вниз, на оживленное движение, на маленькие деловитые фигурки людей, спешащих на работу. Скоро он будет среди них. Как всегда.

— Спорю, что о какой-нибудь шлюхе,— уничтожительно заметила Кирстен.

— Нет. О боже. Боге войны. С изумительными кратерами, в глубинах которых прячутся всевозможные растения.

— Послушай,— Кирстен присела перед ним на корточки; резкость исчезла из ее голоса.— Дно океана — нашего океана — много, гораздо красивее. Ты знаешь это; все это знают. Достань жабро-костюмы, возьми неделю за свой счет, и проживем там в одном из круглогодичных курортов. Мы еще к тому же...— Она осеклась.— Ты не слушаешь! А следовало бы. Ты одержим своим Марсом, своей навязчивой идеей.— Ее голос поднялся до пронзительных нот.— Боже милосердный, Дуг, куда ты катишься?!

— На работу,— сказал он, поднимаясь на ноги, забыв про завтрак.— Вот куда я качусь.

Она пристально посмотрела на мужа.

— С каждым днем ты становишься все упрямее. Куда это тебя приведет?

— На Марс,— ответил он и достал из шкафа свежую рубашку,

Выйдя из такси, Дуглас Куайл пересек три набитые до отказа пешеходные ленты и подошел к современному привлекательному зданию. Там он остановился, прямо среди дневной толчеи, и медленно прочитал мерцающую неоновую вывеску. Он и раньше приглядывался к ней... но никогда не приближался. Однако рано или поздно это должно было случиться... «ВОСПОМИНАНИЯ, ИНК».

Ответ на его мечту? Но ведь иллюзия, даже самая убедительная, всегда остается не более чем иллюзией. По крайней мере объективно. А субъективно — совсем напротив...

Так или иначе, его ждут. Через пять минут встреча.

Набрав полную грудь чикагского воздуха вперемешку с копотью, он прошел через сверкающее многоцветье входа в приемную.

Аккуратная симпатичная блондинка за столом приветливо улыбнулась.

— Добрый день, мистер Куайл.

— Да,— невнятно пробормотал он.— Я хотел бы пройти курс воспоминаний. Вы, очевидно, знаете.

Секретарша сняла трубку видеофона.

— Мистер Макклейн, здесь мистер Куайл. Можно ему заходить или еще рано?

— Пст фрум-брум-грум,— зарокотало в трубке.

— Пожалуйста, мистер Куайл,— сказала секретарша.— Мистер Макклейн ждет вас. Направо, комната Д.

После короткого замешательства он нашел нужную дверь. За необъятным столом из настоящего орехового дерева восседал радушного вида мужчина средних лет, в модном сером костюме из кожи марсианской лягушки. Уже одна только одежда говорила Куайлу, что он попал по адресу.

— Садитесь, Дуглас,— пригласил Макклейн, махнув пухлой рукой на кресло у стола.— Итак, вы хотите побывать на Марсе. Превосходно.

Куайл сел.

— Я не совсем уверен...— напряженно произнес он.— Дело в том, что это стоит уйму денег, а в действительности я, похоже, ничего не получаю.

Ненамного дешевле настоящей поездки, подумал он.

— У вас будут ощутимые доказательства,— живо возразил Макклейн.— Все, что потребуется. Вот, позвольте показать.— Он выдвинул ящик и достал толстую папку.— Корешок билета.— Из папки появился квадратик прокомпостированного картона.— Следовательно, вы ездили туда — и обратно. Далее, открытки.— Он извлек четыре цветные стереооткрытки и разложил их перед Куайлом.— Пленка. Снимки марсианских достопримечательностей, которые вы делали взятой напрокат камерой. Имена встреченных там людей. Плюс на две сотни сувениров; вы получите их — с Марса — в следующем месяце. Ну и паспорт, почтовая квитанция и т. д.— Он взглянул на Куайла.— Не беспокойтесь, вы будете уверены, что побывали там. Вы не запомните меня, не запомните свой визит. Но мы гарантируем, что для вас это будет самое настоящее путешествие. Полные две недели воспоминаний, вплоть до мельчайших подробностей. Посудите сами: вы не секретный агент Интерплана, а иначе вам на Марс не попасть. Лишь с нашей помощью вы осуществите свою заветную мечту. И учтите: когда бы

вы ни усомнились в достоверности воспоминаний, можете вернуться к нам и сполна получить свои деньги.

— Неужели наложенная память столь прочна? — спросил Куайл.

— Лучше настоящей, сэр, — заверил Макклеин. — Побывай вы действительно на Марсе в качестве агента Интерплана, многое бы уже забылось. Мы же обеспечиваем такие устойчивые воспоминания, что не потускнеет ни одна деталь. Это творение опытных специалистов, экспертов, людей, которые провели на Марсе долгие годы. И в каждом случае мы все тщательно проверяем. Причем ваша мечта имеет достаточно вещественную основу; выбери вы Плутон или захоти вы стать Императором Лиги Внутренних Планет, у нас бы возникло гораздо больше трудностей... и соответственно значительно возросла бы плата.

— Хорошо, — решил Куайл и потянулся за бумажником. — Если нет другого пути, придется довольствоваться...

— Не надо так говорить! — возмущенно воскликнул Макклеин. — Вы думаете, что вам подсовывают второсортный товар? Естественная память, со всеми ее неточностями, искажениями и провалами — вот второсортный товар!

Он взял деньги и нажал кнопку на селекторе.

— Что же, мистер Куайл, — мягко проговорил он, когда в открывшуюся дверь вошли двое коренастых мужчин, — желаю секретному агенту счастливого пути на Марс.

Макклеин поднялся и вышел из-за стола, чтобы пожать вспотевшую ладонь Куайла.

— Хотя, собственно, ваше путешествие уже завершилось. Сегодня в шестнадцать тридцать вы... гмм... прибудете на Землю. Такси отвезет вас домой, и, как я говорил, вы никогда не вспомните меня или свой визит к нам. Вы забудете даже, что слышали о нашем существовании.

От волнения у Куайла пересохло во рту. На нетвердых ногах он вышел вслед за двумя техниками из кабинета.

Неужели я искренне буду полагать, что слетал на Марс! думал он. Что сумел осуществить заветную мечту всей жизни!

Им овладело какое-то зудящее предчувствие недоброго... Оставалось только ждать.

* * *

Селектор на столе Макклеина загудел, и раздался спокойный мужской голос:

— Мистер Куайл под наркозом, сэр. Разрешите начинать или вы будете присутствовать лично?

— Начинайте, Лоу,— бросил Макклейн.— Это самый обычный случай; не должно быть никаких осложнений.

Имплантацию искусственной памяти о путешествии на другие планеты приходилось делать с монотонной регулярностью. За месяц, прикинул он с кислой миной, около двадцати раз. Эрзац-путешествия буквально стали нашим хлебом.

— Хорошо, мистер Макклейн,— ответил Лоу, и селектор замолчал.

Открыв большой шкаф, Макклейн покопался и вытащил два пакета: пакет № 3 — «Путешествие на Марс» — и пакет № 62 — «Секретный агент Интерплана». Он вернулся за стол, удобно устроился в кресле и вывалил содержимое пакетов: предметы, которые предстояло поместить в квартиру Куайла, пока тот находится без сознания.

Пистолет за одну кредитку, самый дорогой пункт в нашем списке, иронично отметил Макклейн. Крошечный передатчик, который следует проглотить в случае провала агента... Кодовая книга, поразительно напоминающая настоящие... Всякая мелочь, не имеющая сама по себе существенного значения, но неразрывно связанная с воображаемым путешествием: половинка древней серебряной монеты достоинством в 50 центов, пара неправильно записанных стихов Джона Донна, каждый на отдельном листке папиросной бумаги, ложка из нержавеющей стали с выгравированной надписью **«СОБСТВЕННОСТЬ МАРСИАНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ»**, телефонное подслушивающее устройство, которое...

Загудел селектор.

— Простите за беспокойство, мистер Макклейн, но происходит что-то непонятное. Пожалуй, вам лучше все-таки прийти. Куайл все еще под наркозом, хорошоотреагировал на наркидрин. Но...

— Иду.

Почувствовав тревогу, Макклейн вышел из кабинета и поспешил в лабораторию.

Дуглас Куайл лежал на кровати с прикрытыми глазами, медленно и регулярно дыша. Казалось, он осознает — но лишь очень смутно — присутствие двух техников и появившегося Макклейна.

— Нет места для внедрения ложной памяти? — раздраженно спросил Макклейн. — Найдите соответствующий участок и сотрите. Он работает в Бюро Эмиграции и как всякий государственный служащий, безусловно, две недели отдыхал. Замените одни воспоминания на другие, вот и все.

— Наша проблема, к сожалению, не в этом,— обиженно сказал Лоу и, склонившись над постелью, обратился к Куайлу:

— Расскажите мистеру Макклейну то, что рассказали нам. Слушайте внимательно,— добавил он, повернувшись к шефу.

Серо-зеленые глаза лежащего человека остановились на лице Макклейна. Взгляд стал стальным,—поежившись, отметил Макклейн,— жестким, безжалостным, засветился холодным огнем.

— Что вам еще нужно? — с ненавистью процедил Куайл. — Вы развалили мою «легенду». Убирайтесь отсюда, пока я с вами не расправился. — Его взгляд прожег Макклейна насквозь. — Особо-бенно вы... Вы руководитель этой операции!

— Как долго вы находились на Марсе? — спросил Лоу.

— Месяц, — резко ответил Куайл.

— Ваша цель?

Бледные губы искривились.

— Агент Интерплана. Зачем повторять? Разве вы не записывали? Оставьте меня в покое.

Он закрыл глаза; обжигающее сияние исчезло. Макклейн почувствовал волну мгновенного облегчения.

— Крепкий орешек, — тихо заметил Лоу.

— Ничего, — отозвался Макклейн. — Когда мы снова сотрем его память, он станет кротким, как ягненок... Так вот почему вы так отчаянно стремитесь на Марс, — обратился он к Куайлу.

— Я никогда не стремился на Марс, — не открывая глаз, проговорил Куайл. — Мне приказали. Разумеется, было интересно... У вас тут настоящая сыворotka правды; я вспоминаю вещи, о которых и понятия не имел. — Он замолчал и погрузился в раздумье. — Любопытно, моя жена, Кирстен... тоже человек Интерплана? Следит, чтобы я случайно не обрел память? Не удивительно, что ей так не нравилось мое желание.

На его лице возникла и тут же пропала понимающая улыбка.

— Пожалуйста, поверьте, мистер Куайл, мы натолкнулись на это совершенно неумышленно, — просительно сказал Макклейн. — В процессе работы...

— Я верю вам, — произнес Куайл. Он казался очень уставшим; наркотик действовал все сильнее. — Что я плел про свою поездку? — едва слышно пробормотал он. — Марс? Не припомню — хотя с удовольствием побывал бы. А кто нет? Но я... всего лишь ничтожный клерк...

Лоу выпрямился и обратился к своему начальнику:

— Он хочет иметь фальшивую память о путешествии, которое совершил на самом деле. И фальшивое обоснование, которое является настоящим. Под воздействием наркидринa он говорит правду и отчетливо помнит все подробности. Очевидно, в правительственной военной лаборатории стерли сознательную память о действительных событиях. Сохранились только смутные ассоциации; Марс и деятельность шпиона связываются для него с чем-то значительным. Этого они стереть не смогли; это не воспоминание,

а присущее ему желание, из-за которого, безусловно, он и вызвался на выполнение задания.

— Что нам делать? — спросил другой техник, Килер. — Наложить фальшивую память на настоящую? Трудно предсказать результат; что-то останется, и путаница сведет его с ума. Ему придется жить с двумя противоположными воспоминаниями одновременно: что он был на Марсе и что не был. Что он действительно агент Интерплана и что это нами имплантированная фальшивка... Дело очень щекотливое.

— Согласен, — сказал Макклейн. Ему в голову пришла мысль. — Что он запомнит, выйдя из-под наркоза?

— Теперь, вероятно, у него останутся смутные отрывочные воспоминания о настоящей поездке, — ответил Лоу. — И скорее всего, он будет сильно сомневаться в их реальности; решит, что это наша ошибка. Ведь он запомнит свой визит — если, конечно, вы не прикажете это стереть.

— Чем меньше мы будем с ним что-то делать, тем лучше, — заявил Макклейн. — И так нам чертовски не повезло — нарваться на агента Интерплана и разбить его легенду! Причем такую хорошую, что он сам не знает, кто он такой... Вернем ему половину платы.

— Половину? Почему половину?

— На мой взгляд, это неплохой компромисс, — грустно улыбнулся Макклейн.

Сидя в такси, которое несло его домой в жилой район Чикаго, Дуглас Куайл блаженно улыбался. Как приятно вернуться на Землю!

Месячное пребывание на Марсе уже начало тускнеть в его памяти. Остались лишь картины зияющих кратеров, изломанных скал и самого движения. Мир пыли, где мало что происходит, где значительную часть дня надо проводить за проверкой и перепроверкой портативного кислородного питания. И скудные проявления жизни — незрачные серо-бурые кактусы и лузырчатые черви.

Кстати, он ведь привез несколько образчиков марсианской фауны; протащил их через таможеню. В конце концов они не представляют никакой опасности; им не выжить в густой атмосфере Земли.

Куайл полез в карман за коробочкой с марсианскими червями...

И вместо нее нашел конверт.

К своему удивлению он обнаружил в конверте пятьсот семьдесят кредиток мелкими бумажками.

Вместе с деньгами выскользнула записка: «Возвращаем половину платы. Маклейн». И дата. Сегодняшняя.

— Воспоминания,— произнес вслух Куайл.

— Какие воспоминания, сэр или мадам? — почтительно поинтересовался робот-водитель.

— У вас есть телефонная книга? — спросил Куайл.

— Разумеется, сэр или мадам.

— Вот...— пробормотал Куайл, пролистав страницы. Он ощутил страх, леденящий душу страх.— Я передумал ехать домой. Ответьте меня в «Воспоминания, Инк.».

Такси развернулось и помчалось в обратном направлении.

— Можно позвонить?

— Сделайте одолжение,— сказал робот-водитель и открыл нишу с блестящим цветным видеофоном.

Куайл набрал домашний номер и через несколько секунд предстал перед миниатюрным, но неприятно реалистичным изображением жены.

— Я был на Марсе,— сообщил он.

— Ты пьян! — Ее губы презрительно скривились.— Или еще похуже.

— Ей бог!

— Когда?

— Не знаю.— Куайл пришел в замешательство.— Наверное, нарушение памяти. Только мне она не привилась.

— Ты все-таки пьян,— уничтожающе процедила Кирстен и бросила трубку.

Куайл медленно отодвинул видеофон, чувствуя, как к лицу приливает кровь.

И всегда один тон, горько сказал он себе. Всегда грубость, как будто она знает все, а я ничего. Господи, что за жизнь!..

Вскоре такси остановилось перед современным, очень привлекательным зданием, над которым мигала красочная неоновая вывеска: «ВОСПОМИНАНИЯ, ИНК.»

Секретарша, деловитая и собранная, чуть не раскрыла рот от удивления, но тут же взяла себя в руки.

— О, мистер Куайл! — нервно улыбнулась она.— Вы что-то забыли?

— Остаток моих денег,— сухо ответил он.

— Денег? — Секретарша мастерски разыграла непонимание.— По-моему, вы ошибаетесь, мистер Куайл. Вы действительно приходили консультироваться, но...— Она пожала плечами.— Мы не оказали вам никаких услуг.

— Я все помню, мисс,— отчеканил Куайл.— Свое письмо в за-

шу фирму, свой визит к вам, разговор с мистером Макклейном. Помню двух техников, которые мной занимались.

Не удивительно, что фирма вернула половину платы. Ложная память «поездки на Марс» не привилась. Или по меньшей мере привилась не полностью, не в такой степени, как ему гарантировали.

— Мистер Куайл,— урезонивающе сказала девушка.— Несмотря на то что вы мелкий служащий, вы очень привлекательный мужчина, и злость вам не к лицу. Если желаете, я могу позволить вам... гм... пригласить меня на вечер...

Куайл пришел в бошенство.

— Я помню вас! — заорал он.— И помню обещание мистера Макклейна, что, если я не забуду посещение вашей компании, мне полностью вернут деньги. Где этот Макклейн?!

Через некоторое время он снова оказался за необъятным столом из орехового дерева, на том же месте, где сидел пару часов назад.

— Ну и техника у вас! — язвительно сказал Куайл. Его разочарование — и возмущение — не знало границ.— Моя так называемая «память» о путешествии на Марс в качестве тайного агента Интерплана урывочна и полна противоречий. К тому же я отчетливо помню нашу сделку... Нет, мне положительно надо обратиться с жалобой в Коммерческое Бюро.

Он кипел негодованием; горькое ощущение, что его обманули, захлестнуло Куайла и пересилило обычную его неприязнь к подобным разбирательствам.

Хмуро насупившись, Макклейн проговорил:

— Мы сдаемся, Куайл. Вы получите свои деньги. Я полностью признаю тот факт, что мы ничего для вас не сделали.

— Вы даже не обеспечили меня «доказательствами» пребывания на Марсе,— обвиняюще продолжал Куайл.— Вся ваша болтовня — лишь пускание пыли в глаза. Никаких билетов. Никаких открыток. Никакого паспорта. Никаких...

— Послушайте, Куайл,— перебил Макклейн.— Я мог бы объяснить вам...— Он замолчал.— Нет. Не надо.— Он нажал кнопку на селекторе.— Ширли, выпишите, пожалуйста, чек Дугласу Куайлу на пятьсот семьдесят кредиток.

Через минуту секретарша принесла чек, положила его перед Макклейном и исчезла, оставив двух мужчин испепелять друг друга взглядами.

— Позвольте дать вам совет,— молвил Макклейн, подписав чек.— Не обсуждайте ни с кем вашу недавнюю поездку на Марс.

— Какую поездку?

— Ну, ту поездку, которую вы частично помните,— уклончиво ответил Макклейн.— Ведите себя так, словно ничего и не было. И не задавайте мне вопросов. Просто послушайтесь моего совета; так будет лучше для нас всех.— Макклейн обнаружил, что он сильно вспотел.— Простите, меня ждут дела, другие клиенты...

Он встал и проводил Куайла до выхода.

— У фирмы, которая так выполняет свою работу, не должно быть никаких клиентов! — сказал Куайл и хлопнул дверью.

Сидя в такси, Куайл мысленно формулировал жалобу в Коммерческое Бюро. Безусловно, его долг предупредить людей, каково истинное лицо фирмы «Воспоминания, Инк.».

Придя домой, он устроился за портативной машинкой, открыл ящик стола и стал рыться в поисках копировальной бумаги. И заметил маленькую, знакомого вида коробку. Коробку, куда аккуратно положил на Марсе некоторые разновидности местной фауны и которую потом незаконно провез через таможню.

Открыв коробку, Куайл недоверчиво уставился на шесть дохлых пузырчатых червей и кое-какие одноклеточные организмы, служившие им пищей. Все высохло, покрылось пылью, но без труда поддавалось узнаванию; целый день он тогда переворачивал тяжелые серые валуны, знакомясь с новым для себя увлекательным миром.

Но я не был на Марсе! осознал он.

Хотя, с другой стороны...

В дверях появилась Кирстен, держа в обеих руках объемистые хозяйственные сумки.

— Ты чего дома среди рабочего дня?!

Голос ее, как всегда, звучал гневно-вызывающе.

— Ездил я на Марс или нет? — спросил Куайл.

— Конечно, нет. Уж ты бы запомнил, надо полагать.

— Мне кажется, ездил,— растерянно проговорил он.— И в то же время кажется, что нет.

— Реши в конце концов.

— Но как?! — простонал Куайл.— Я помню два набора фактов, но не знаю, какой из них настоящий! Можно мне положиться на тебя? Ведь с тобой они ничего не делали!

— Дуг, если ты сейчас же не возьмешь себя в руки, все кончено,— равнодушно бросила она.— Я собираюсь тебя оставить.

— Я попал в беду.— Голос его звучал хрипло и беспомощно.— Может быть, я схожу с ума. Надеюсь, что нет, но... может быть. По крайней мере это бы все объяснило.

Поставив сумки, Кирстен подошла к шкафу и достала пальто.

— Я не шучу,— тихо произнесла она, оделась и вернулась к двери.— Позвоню тебе на днях. Прощай, Дуг.

— Погоди! — взмолился Куайл. — Скажи мне только: был я на Марсе или нет?!

Дверь закрылась. Его жена ушла. Наконец.

— Вот и все, — раздался голос сзади. — А теперь, Куайл, поднимите руки и медленно повернитесь.

На него смотрел вооруженный человек в темно-фиолетовой форме Интерпланетного Полицейского Управления. И этот человек казался Куайлу удивительно знакомым. Где-то он его видел...

— Итак, вы вспомнили свое путешествие на Марс, — констатировал полицейский. — Нам известны все ваши действия и все мысли, в частности некоторые ваши мысли по пути домой из фирмы «Воспоминания, Инк.». Информацию передает телепатопередатчик в вашем мозге, — пояснил он.

Телепатический передатчик, использование живой протоплазмы, найденной на Луне! Куайла передернуло от отвращения. Там, в глубинах его собственного мозга, живет нечто, питаюсь его клетками. Питаясь и подслушивая. Но, как ни мерзко, это, наверное, правда. О грязных методах Интерплана писали даже в газетах.

— При чем тут я? — хрипло выдавил Куайл. Что он сделал — или подумал? И какая тут связь с «Воспоминаниями, Инк.»?

— В сущности, никакой связи с компанией нет, — сказал полицейский. — Это дело строго между нами. Он постучал себя по уху, и Куайл заметил маленький белый наушничек. — Между прочим, я до сих пор слушаю все ваши мысли. Так что должен предупредить: то, что вы думаете, может быть использовано против вас. — Он улыбнулся. — Впрочем, сейчас это не имеет значения. Своими словами и мыслями вы уже приговорили себя. К сожалению, под воздействием наркидринна вы кое-что поведали техникам и владельцу фирмы: куда вас посылали, кто и что вы там делали. Они испуганы. Они проклинают ту минуту, когда увидели вас. И не без оснований, — задумчиво добавил он.

— Я никуда не ездил, — возразил Куайл. — Это ложная память, неудачно имплантированная техниками Макклейна!

Но потом он подумал о коробке в ящике стола; с каким трудом искал он марсианских червей! Память казалась настоящей. И коробка — она наверняка настоящая. Если ее не подсунул Макклейн. Может быть, это одно из «доказательств», о которых он так многословно распространялся.

Мои воспоминания о поездке на Марс, подумал Куайл, не могут убедить меня самого, но, к сожалению, убедили Интерплан. Там полагают, что я действительно добывал на Марсе, и уверены, что я по крайней мере частично это осознаю.

— Мы знаем не только о вашем пребывании на Марсе, — согласился с его мыслями полицейский, — но и то, что вы помните

достаточно, чтобы являть для нас угрозу. Снова стирать вашу память бессмысленно, потому что вы просто-напросто придете к ним опять, и все повторится сначала. Сделать что-то с Макклейном и его фирмой мы не имеем права. Кроме того, Макклейн не совершил никакого преступления. Как, строго говоря, и вы. Мы прекрасно понимаем, что вы обратились к ним не умышленно; вас толкала обычная тяга заурядных людей к приключениям.—Полицейский на миг замолчал.—К несчастью, вы не заурядный человек; у вас было вполне достаточно приключений. Меньше всего на свете вы нуждались в услугах «Воспоминаний, Инк.». Не могло быть ничего хуже для вас и для нас. И между прочим, для Макклейна.

— Почему же это я являю для вас угрозу, если помню свое путешествие — предполагаемое путешествие! — и что я там делал?

— Потому что, — ответил агент Интерплана, — то, что вы там делали, далеко не соответствует нашему публичному облику «защитника-благотелья». Вы выполняли особое задание. И все это неминуемо всплывает — благодаря наркидрину. Коробка с мертвыми червями полгода лежит в ящике, с самого вашего возвращения. И ни разу вы не проявили ни малейшего любопытства. Мы даже не знали о ее существовании, пока вы не вспомнили о ней по пути домой. Нам пришлось действовать.

Откуда-то из укрытия появился второй человек в форме Интерплана; они тихо между собой заговорили. Куайл лихорадочно соображал. Теперь он помнил больше — полицейский не ошибался относительно наркидрин. Вероятно, они — Интерплан — сами его использовали. Вероятно? Да наверняка! Он лично видел, как они вводили наркотик заключенному. Где это могло быть?.. На Земле? Нет, скорее на Луне, решил Куайл, видя новые и новые картины, возникающие из глубин его поврежденной, но быстро восстанавливающейся памяти.

Он вспомнил и еще кое-что. Цель задания.

На удивительно, что они стерли его память.

— О, боже! — отчетливо сказал первый полицейский, поймав мысли Куайла. — Произошло самое ужасное. — Он подошел к Куайлу и направил оружие. — Нам придется убить вас. Немедленно.

— Почему немедленно? — заметно нервничая, спросил второй агент. — Отвезем его в Нью-Йорк, в штаб-квартиру, и пусть там...

— Он знает, почему немедленно.

Первый полицейский тоже сильно нервничал, но совсем по другой причине. Память вернулась к Куайлу полностью, и он отлично понимал его напряженность.

— На Марсе, — хрипло проговорил Куайл, — я убил человека. Пройдя через пятнадцать телохранителей. Вооруженных.

Пять лет готовил его Интерплан к этому заданию. Он был профессиональным убийцей. Он знал, как расправиться с врагом... И тот, с наушником, понимал это.

Если действовать быстро...

Револьвер выстрелил. Но Куайл уже скользнул вбок, молниеносно срубил вооруженного агента и в тот же миг взял на мушку второго, растерянного полицейского.

— Уловил мои мысли,— произнес Куайл, пытаясь отдышаться.— Но я все-таки сделал то, что хотел.

— Он не будет стрелять, Сэм,— прохрипел упавший агент.— Он ведь понимает, что ему конец. Сдавайся, Куайл.— Кривясь от боли, полицейский поднялся на ноги.— Оружие. Ты не станешь им пользоваться. А если отдашь, я обещаю не убивать тебя. Пускай решает начальство. Возможно, они снова сотрут твою память; не знаю.

Сжимая револьвер, Куайл бросился из квартиры. Если станете меня преследовать, я убью вас, подумал Куайл. Так что не советую.

Его не преследовали. Очевидно, полицейские уловили его мысли и решили не рисковать. Он уцелел — на время. Но что дальше?

Куайл влился в толпу пешеходов. Голова его раскалывалась. Но он по крайней мере спасся от смерти. Еще чуть-чуть, и его застрелили бы в собственной квартире.

Рано или поздно они это сделают. Когда найдут. А с передатчиком внутри, на это не понадобится много времени.

Ирония судьбы... Он получил все, о чем мечтал, что просил у компании «Воспоминания, Инк.»: приключения, подвиги, операции Интерплана, тайное и опасное путешествие на Марс, где ставкой была сама жизнь...

Хорошо, когда такое — всего лишь воспоминания.

Куайл сидел в парке, на лавочке, бездумно наблюдая за стайкой «нахалят» — привезенных с лун Марса полуптиц, способных даже в высокой гравитации Земли к свободному парению.

Может быть, я смогу вернуться на Марс, размышлял он. Но что тогда? На Марсе будет еще хуже. Политическая организация, руководителя которой он ликвидировал, засечет его в первую же секунду. Вдобавок к Интерплану еще и они.

Интересно, мои мысли слышны?... Прямая дорожка к сумасшествию: сидеть в одиночестве и представлять, как смыкается кольцо преследователей... Куайл поежился, поднялся на ноги, бесцельно побрел, засунув руки глубоко в карманы. Куда бы я ни пошел, вы всегда будете со мной. Пока я ношу в голове это дьявольское устройство.

Давайте договоримся, думал он — для себя и для них. Наложите мне снова фальшивую память, что я жил серой скучной жизнью и никогда не был на Марсе, никогда не держал в руках оружия и не видел вблизи интерплановскую форму.

— Вам уже объяснили, — произнес голос в голове. — Этого будет недостаточно.

Куайл застыл на месте.

— Мы уже поддерживали с вами связь подобным образом, — продолжал голос. — На Марсе, когда вы были нашим оперативным работником. И вот теперь пришлось снова. Где вы находитесь?

— Шагаю к смерти. От ваших пуль. Откуда вам известно, что этого недостаточно?

— Если вам имплантировать комплект воспоминаний среднего человека, вы почувствуете... беспокойство. И неминуемо обратитесь к Макклеynu или его конкурентам.

— Можно дать мне не обычные воспоминания, а что-нибудь более яркое, — предложил Куайл. — То, что утолит мою жажду. Я мечтал стать агентом Интерплана — поэтому-то вы сперва и обратили на меня внимание. Надо найти замену — равную замену. Например, что я был богатейшим человеком на Земле, но пожертвовал все деньги на культуру и образование. Или что я — знаменитый исследователь космоса. Что-нибудь в этом духе.

Молчание.

— Попробуйте, — отчаянно взмолился Куайл. — Привлеките ваших блестящих военных психологов, раскройте мое заветное чаянье... Женщины! — выпалил он. — Тысячи женщин, как у Дон Жуана. Эдакий межпланетный повеса — любовница в каждом городе Земли, Луны и Марса. Только я все это бросил — надоело... Ну, пожалуйста!

— И вы добровольно сдадитесь? — спросил голос внутри головы. — Если мы согласимся на такое решение? Если оно возможно?

— Да, — ответил он после короткого колебания. Я рискну, надеясь, что вы попросту меня не убьете.

— Что ж, мы рассмотрим ваше предложение. Но если не получится, если ваша истинная память снова начнет пробиваться... — Голос сделал паузу. — Вас придется ликвидировать. Ну, Куайл, все еще хотите попытаться?

— Да, — решил он. Потому что альтернативной была немедленная смерть. Так по крайней мере ему представлялся шанс.

— Явитесь в штаб-квартиру в Нью-Йорке, двенадцатый этаж. Мы сразу же примемся за работу и попробуем определить вашу подлинную и абсолютную мечту. Потом привезем вас в «Воспоми-

нения, Инк.» И — удачи! Мы в долгу перед вами; вы были хорошим орудием.

В голосе не звучало никакой угрозы. Они — организация — скорее испытывали к нему симпатию.

— Спасибо,— сказал Куайл. И отправился искать такси.

* * *

— У вас самые интересные фантазии, мистер Куайл,— заявил пожилой психолог с суровым лицом.— Вероятно, сознательно вы не отдаете себе отчета в таком желании. Даже не мечтаете и не предполагаете о нем; так часто бывает. Надеюсь, вы не очень огорчитесь, когда узнаете правду.

— Лучше ему не огорчаться,— отрывисто пролаял старший полицейский офицер.— Если не хочет получить пулю.

— В отличие от желания стать тайным агентом,— невозмутимо продолжал психолог,— которое, вообще говоря, является продуктом зрелости и содержит некое рациональное зерно, ваша детская фантазия столь нелепа, что вы ее не осознаете. Заключается она в следующем: вам девять лет, вы прогуливаетесь по какой-то сельской местности. Прямо перед вами приземляется неизвестной конструкции космический корабль из иной звездной системы. Корабль невидим для всех, кроме вас, мистер Куайл. Его пассажиры — маленькие беспомощные существа, наподобие полевой мышки. Однако они намереваются завоевать Землю; десятки тысяч подобных кораблей немедленно отправятся в путь, как только этот передовой отряд даст «добро».

— Надо полагать, я их останавливаю,— сказал Куайл, ощущая смесь увлеченности и презрения.— Сокрушаю их в одиночку. Вероятно, наступив ногой.

— Нет,— терпеливо возразил психолог.— Вы останавливаете вторжение, но не уничтожая, а выказывая сострадание и доброту, хотя путем телепатии — их способ общения — узнали, зачем они прилетели. Им никогда не встречались такие гуманные черты в разумных существах, и, чтобы показать, как высоко они это ценят, они заключают с вами договор.

— Пока я живу, Земля в безопасности! — догадался Куайл.

— Совершенно верно.— Психолог обратился к офицеру Интерплана.— Эта мечта полностью соответствует его личности, несмотря на деланую иронию.

— Таким образом, одним своим существованием я спасаю Землю от покорения,— проговорил Куайл, чувствуя растущую волну удовольствия.— Значит, я являюсь самым важным, самым значительным человеком на Земле! И пальцем не шевеля!

— Да, сэр,— подтвердил психолог.— Это краеугольный камень вашей психики. Детская мечта всей жизни, в которой без помощи наркотиков и глубокой терапии вы никогда бы себе не признались. Но она всегда была в вас; ушла в подсознание, но не исчезла.

Старший полицейский офицер повернулся к напряженно слушававшему Макклейну.

— Вы можете имплантировать подобную лжепамять?

— Мы в состоянии реализовать любую фантазию,— ответил Макклейн.— По правде говоря, мне доводилось слышать истории куда почище этой. Через двадцать четыре часа он не будет хотеть спасти Землю; он будет искренне верить, что является спасителем человечества.

— В таком случае приступайте к работе,— велел офицер.— Мы предварительно уже стерли его память о поездке на Марс.

— О какой поездке на Марс? — спросил Куайл.

Ему никто не ответил.

Вскоре все спустились вниз. Куайл, Макклейн и старший офицер сели в машину и отправились в Чикаго, в «Воспоминания», Инк.з.

— И постарайтесь на сей раз не допускать ошибок,— многозначительно посоветовал полицейский.

— Все пойдет как по маслу,— промямлил Макклейн, обильно потев.— Ничего общего с Марсом или Интерпланом... Надо же, голыми руками остановить вторжение с иной звездной системы.— Он покачал головой.— Чего только не выдумают дети... Причем милосердием, а не силой. Оригинально.— Он промокнул лоб лотняным платком.

Все промолчали.

— Это даже трогательно,— добавил Макклейн.

— Но самонадеянно,— непреклонно отрезал офицер.— Так как после его смерти вторжение все-таки состоится. Самая грандиозная мания, которую я встречал.— Он окинул Куайла неодобрительным взглядом.— Подумать только, что такой человек получал у нас зарплату.

Наконец они достигли Чикаго, прибыли в «Воспоминания, Инк.з» и сдали Куайла на попечение Лоу и Килера. Потом Макклейн, полицейский офицер и секретарша Ширли вернулись в кабинет. Ждать.

— Приготовить для него пакет? — спросила Ширли.

— Да, конечно. Комбинация пакетов 81, 20 и 6.— Из большого шкафа Макклейн достал соответствующие пакеты и отнес их к столу.— Из пакета 81 — волшебная врачевательная палочка, подаренная клиенту — то есть в данном случае мистеру Куайлу — инопланетянами. Знак их признательности.

— Она работает? — живо поинтересовался офицер.

— Работала когда-то. Но он... гм... видите ли, давно израсходовал ее магическую силу, целя налево и направо. — Макклейн хохотнул и открыл пакет № 20. — Благодарность от Генерального секретаря ООН. За спасение Земли. И из пакета № 6...

— Записка, — подсказала Ширли. — На непонятном языке...

— ...где пришельцы сообщают, кто они такие и откуда явились, — подхватил Макклейн. — Включая подробную звездную карту с изображением маршрута их полета. Разумеется, все на их языке, так что прочесть невозможно. Но он помнит, как они читали... Это надо отвезти в квартиру Куайла, — сказал он полицейскому офицеру. — Чтобы он их нашел. И подтвердил свои фантазии.

Загудел селектор.

— Мистер Макклейн, простите, что беспокою вас. — Это был голос Лоу. Макклейн замер, узнав его; замер и окаменел. — Тут что-то происходит. Пожалуй, лучше вам прийти. Как и в прошлый раз, Куайл хорошо отреагировал на наркидрин. Но...

Макклейн сорвался с места.

Дуглас Куайл лежал на кровати с прикрытыми глазами, медленно и регулярно дыша, смутно осознавая присутствие посторонних.

— Мы начали его расспрашивать, — произнес Лоу с побелевшим от ужаса лицом. — Нам необходимо было точно определить место для наложения джепамяти. И вот...

— Они велели мне молчать, — пробормотал Куайл слабым голосом. — Я и помнить-то не должен был. Но как можно забыть такое?

Да, такое трудно сделать, подумал Макклейн. Но тебе удалось — до сих пор.

— Мне подарили в благодарность документ, на их языке, — шептал Куайл. — Он спрятан у меня дома; я покажу вам.

— Советую не убивать его, — сказал Макклейн вошедшему офицеру. — Иначе они вернутся...

— И невидимую волшебную палочку-уничтожительницу, — продолжал бормотать Куайл. — Так я убил того человека на Марсе, выполняя задание Интерплана. Она лежит в ящике стола, вместе с коробкой пузырчатых червей.

Офицер молча повернулся и вышел из комнаты.

Все эти «вещественные доказательства» можно убрать на место, подумал Макклейн. Включая благодарность от Генерального секретаря ООН. В конце концов...

Скоро последует настоящая.

Перевел с английского Владимир БАКАНОВ

ГЕНРИ СЛИЗАР,
ХАРЛАН ЭЛЛИСОН

Единственная возможность

Кроме огромного носа и зеленоватого оттенка кожи, в госте не было ничего странного.

К чести Милта Кловиза надо сказать, что вид зеленого человека, безмятежно сидящего в кресле, не сбил его с толку. Он закрыл дверь в свою квартиру и снял шляпу, бросив ее почему-то на пол, а не на полку шкафа.

— Вы зеленый, — заметил Милт Кловиз с полным самообладанием.

Посетитель, казалось, обрадовался проявленным наблюдательности и хладнокровию.

— Совершенно верно, — бодро подтвердил он. — Мы надеялись, что вы спокойно воспримите сей факт.

Милт Кловиз пытался сохранить приписываемое спокойствие духа. Ему удалось опуститься на стул без дрожи в коленях.

— Мы твердо верили, что землянин, воспитанный на фантастической литературе вашей эпохи, — гость махнул зеленой рукой в сторону полки с любимыми книгами Милта, — будет готов к нашему появлению.

— Откуда?.. — Вымученное слово застряло в горле и оборвало вопрос, но зеленый человечек понял.

— Вам неизвестно название нашего мира... Мы серьезнейшим образом обеспокоены вашим поведением.

— Моим?! — поразился Милт.

— О, не вашим лично... Вашего вида. Мы давно с тревогой наблюдаем за человечеством и, наконец, пришли к решению.

— К какому решению?

— Ваша возня с атомной энергией представляет значительную угрозу нашей безопасности. По этой причине Совет Старейших мудро постановил принять предупредительные меры.

— Меры?..

— Уничтожить вашу планету. Через шесть гипосек... Простите, по земному исчислению времени ровно через две недели.

Милт почувствовал, как по спине пробежали мурашки. Уж не послышалось ли ему? Разве такое вообще возможно?..

— С-старая песенка. Впервые эту тему использовали еще в XVIII веке.— Милт ощутил прилив сил. Здесь, в родной стихии, он чувствовал себя как рыба в воде.— Ее развивали Жюль Верн, потом Уэллс, а уж современные писатели обсосали до косточек. Да сейчас это просто клише! Ведь...

Зеленый гость поднял руку.

— Я удивлен, мистер Кловиц. Ваша недоверчивость переходит всякие границы. Мы собирались предложить вам счастливую возможность уцелеть, но...— он горестно покачал головой,— вы, кажется, предпочитаете погибнуть вместе со всеми. Что ж, в моем списке есть другие кандидатуры.

Он встал и подошел к двери.

— Эй! Стойте! Мне надо поговорить с вами! — вскричал Милт. Зеленый человечек обернулся.

— Ну, что?

— Послушайте... в самом деле... Поневоле растеряешься: в собственной квартире — пришелец с другой планеты!

— Из другой галактики! — оскорбленно поправил гость.

— Да, конечно, я это и имел в виду,— пробормотал Милт.— Понимаете, я был потрясен... Если вы дадите мне возможность...

Зеленый человечек, явно сомневаясь, поджал полные губы.

— Хорошо.— Он вернулся, сел и, достав странную металлическую карточку, принялся постукивать по ней еще более странным пишущим инструментом.— Так... Сейчас назначим место, куда вы должны прибыть со своей парой...

— С какой парой? Я холостяк.

— Простите?

— Холостяк. Одинокий. Не женат.

— Я не понимаю.— Глаза зеленого человечка мигнули, нащепка на месте носа сморщилась.— Из докладов наблюдателей ясно, что ваша раса спарена. Два пола: мужской и женский. Так вы и размножаетесь.

— Это верно. Только у меня нет пары, пока еще нет. А может, и не будет. Так что об этом беспокоиться нечего.

Зеленый гость тяжело вздохнул. Он медленно покачал головой и начал подниматься на ноги с видом глубочайшего разочарования.

— Куда вы?

— Я, естественно, предполагал, что у вас есть пара; мы считали это общим принципом. И у меня строгий приказ вывезти пару.

— Но погодите...

— Увы, я не могу нарушить распоряжение Совета.

Гость направился к двери. Милт в отчаянии схватил зеленого человечка за рукав и втащил его в комнату.

— Неужели вы покинете...

— У меня приказ,— мрачно повторил пришелец.
 — Но я достану пару! Обещаю!
 — Мне кажется маловероятным...
 — Чтoб мне провалиться! — истерически выкрикнул Милт; сдерживаться уже было не в его силах.— Найду немедленно! Увидите! Такую, знаете ли, настоящую, земного типа пару...
 — Боюсь, что у вас не хватит времени.
 — Ну... неделю... несколько дней!
 Пришелец заколебался, подав Милту проблеск надежды.
 — Несколько дней? Сколько же вы хотите?
 — Пять!
 Гость нахмурился.
 — Четыре! Три!
 — Вы считаете, что уложитесь в три дня?
 — Уверен!
 — Я уже отстаю от графика, так что всякое промедление...
 — Клянусь! Через три дня я буду готов!
 — Ладно,— согласился посетитель.— Даю три дня. Если к моему возвращению вы еще будете... э... холостым...
 Он выразительно пожал плечами и вышел за дверь.

Это должна быть Наоми Уинклер. Не потому, что Наоми была воплощением его грез или только с ней видел себя Милт на далекой планете,— просто ни с какими другими девушками он не общался.

Нельзя сказать, что Милт Кловиц рос мамонькиным сыном. Но и до, и после смерти матери он не очень-то задумывался об окружающем мире. Он спокойно работал в рекламном агентстве, зачитывался любимой фантастикой, и жизнь его текла размеренно и безмятежно.

Милт познакомился с Наоми, когда она заняла место машинистки в транспортном отделе агентства. Встречались они изредка. И хотя Милт три раза неуклюже целовал ее, мысль о брачном союзе не приходила ему в голову. Женитьба совершенно не вписывалась в круг его интересов.

— Алло, Наоми? Это Милт. Я тут... э, думал, не согласишься ли ты пообедать со мной сегодня вечером? Да, понимаю, суббота и все прочее, но если бы мы встретились...

Милт и не предполагал, что может говорить так долго и убедительно. Свидание было назначено.

— Здесь очень приятно, Милт. Но ты уверен, что можешь себе позволить?.. По-моему, все так дорого...

Нет, если смотреть на нее в три четверти, да еще в мерцающем пламени свечи, спрятанной за бутылкой кьянти, она действительно казалась хорошенькой. Волосы отливали темно-каштановым светом, ярко блестели большие карие глаза. Правда, черты лица были мелковаты, а нос, пожалуй, чуть крупноват, но в данный момент Милт искал не идеал. Просто пару.

— Не беспокойся, Наоми. Сегодняшний вечер особый. Уж если человек не может потратиться на любимую девушку, то...

Слово вылетело. Теперь надо действовать быстро.

— Да, это правда, Наоми. Я слишком долго таил свое чувство. Я люблю тебя.

— Ты... — выдавила Наоми.

— И хочу, чтобы ты вышла за меня замуж! Немедленно!

Она смотрела на него в немом изумлении.

— Не надо! — взмолился Милт. — Только не говори, что мы едва знакомы. Это не имеет значения. Моей любви хватит на двоих. Лишь дай мне возможность доказать тебе...

Слова лились из Милта нескончаемым потоком. Он судорожно набирал полные легкие воздуха и снова говорил, не позволяя ей открыть рта, уговаривая, увещевая, вздохнув описывая планы на счастливое будущее, на детей, на большой гараж...

— Подожди же! — Наоми с подозрительной силой хлопнула по столу, и бокалы подпрыгнули. — Ты мне нравишься, Милт, и если бы я знала тебя лучше...

Милт возликовал. Она сдается! Он схватил ее довольно толстую руку и сжал в порыве мужской страсти. Она отстранилась и произнесла:

— Дай же мне хоть подумать, Милт!

— Я позвоню тебе завтра утром, — торопливо проговорил Милт.

В двенадцать он проводил ее домой и запечатлел жгучий поцелуй в область между носом и ртом.

В восемь утра Милт уже звонил. Голос ее был сонным, а ответ коротким.

— Нет.

— Нет?

— Я считаю, нам надо подождать. В конце концов совершенно некуда спешить...

— Некуда?! — простонал Милт. — Если б ты только знала!

— Что?

— Как я люблю тебя, Наоми! Я не могу без тебя жить! — воскликнул он с неподдельной искренностью, ясно осознавая справедливость своих слов.

— Дай мне еще подумать,— сказала Наоми.

Она думала. В девять вечера телефон Милта зазвонил, и Наоми Уинклер промолвила самое лучшее, самое заветное слово.

— Да. Я хотела бы только...

— Все, что угодно! — восторженно заорал Милт. — Проси!

— Мне бы хотелось подождать до осени. У меня нет ни одного приличного летнего платья, Милт, так что если ты не против...

— До осени?! Нет, Наоми, это невозможно!

— Почему? Куда эти гонки? Ты не познакомился еще с моими родителями...

— Мы не можем ждать,— с ноткой истерики проворковал Милт. — Просто не можем. Поверь мне, Наоми. Нам надо пожениться немедленно. Сегодня. В крайнем случае завтра.

— Я не понимаю твоего поведения,— оборвала она сурово. Наступило молчание. — Я подумаю.

Она думала. Прошел еще один день.

Затем, вечером второго дня Наоми появилась в его квартире с большой сумкой.

Это был самый короткий из всех зарегистрированных (да и не зарегистрированных) медовых месяцев. Сразу после церемонии Милт лихорадочно затолкал супругу в дверь номера 15 (мотель «Сад южных удовольствий»), бросил сумку и выпалил:

— Я сейчас вернусь. У меня страшно важная встреча. Дело жизни или смерти. Одна нога там, другая здесь.

Он кинулся вниз и припустил по улице, пробежав метров сто, прежде чем сообразил взять такси.

Зеленый человечек появился ровно в полночь. Без фокусов, без эффектов — просто вошел в дверь и закрыл ее за собой.

Милт сиял как медный таз.

— Все в порядке. Как и обещал. При паре и прочее. Официально.

Он протянул свидетельство о браке.

Зеленый посетитель взял бумагу из пальцев Милта и придирчиво осмотрел. Его большой нос сморщился. Он медленно покачал головой и вернул документ.

— Ну, когда едем? — бодро спросил Милт.

— Видите ли...

У Милта душа ушла в пятки. Его лицо вытянулось, а голос прозвучал хрипло и надтреснуто.

— Эй, никаких пятен! Вы гарантировали мне спасение. Спариться? Пожалуйста, я спарился. Взгляните!

Он помахал свидетельством перед самой выдающейся деталью лица гостя.

— Успокойтесь, мистер Кловиц. Кое-что изменилось. Совет Старейших пересмотрел свои планы. Вам решили предоставить отсрочку.

— Нет, так нельзя,— отчаянно причитал Милт.— Вы не можете бросить меня на погибель. Вы...

— Пожалуйста, мистер Кловиц, послушайте! Вам не придется погибать. Никому не придется погибать. Совет постановил перенести дату обезвреживания на десять тысяч земных лет. Вполне вероятно, что будущее развитие событий вовсе лишит нас необходимости уничтожать вашу расу. Вам...

До Милта дошло.

— Так вы не собираетесь уничтожать Землю?

— Нет.

Милт со сдавленным стоном олустился на диван. Ему показалось, что с его плечей сняли страшный груз, под которым он ходил три дня.

— Слава богу,— выдохнул он и закрыл лицо руками.

Посетитель подошел к двери.

— Надеюсь, вы не станете распространяться о происшедшем. Вряд ли вам удастся найти понимание. Так что для вашего же блага — лучше молчите,— посоветовал он.

Милт тупо кивнул.

— Приятно было познакомиться,— сказал зеленый человечек. И исчез.

Этот случай, естественно, вызвал глубокую перемену в поведении Милта. Его неожиданная зрелость и некая потаенная мудрость привели в восторг родителей Наоми, которые познакомились с молодым мужем через неделю. Милт нашел их тихими, приятными людьми. Миссис Уинклер прекрасно готовила, а мистер Уинклер полностью разделял его привязанность к научной фантастике.

Милта Кловица беспокоило лишь смутное ощущение, что он где-то видел отца Наоми. Что-то в чертах этого человека было знакомо. Как будто бы его нос...

Перевел с английского В. БАКАНОВ

■ ПУБЛИЦИСТИКА

ЕРЕМЕЙ ПАРНОВ

Звездное помрачение

«Эра информатики», «Новая технологическая революция», «Пятое поколение компьютеров»... Переполюющая газетно-журнальные полосы реклама назойливо предлагает обзавестись электронным помощником, который в два счета разрешит все жизненные проблемы. Цветные фото Айзека Азимова, снятого в полный рост рядом с электронной системой, предназначенной специально для писателей, обошло чуть ли не все иллюстрированные еженедельники.

В салоне бытовых компьютеров и впрямь может примерещиться, что чуть ли не вся Америка живет по лазерным часам двадцать первого века. Зато полуподвальная лавка где-нибудь в Бруклине, в которой бойко торгуют атрибутикой для черной магии и всевозможных гаданий, мгновенно нацелит воображение на эпоху черных месс и костров инквизиции. Прошлое и будущее, великое и ничтожное, трагическое и жалкое — все это удивительным образом сосуществует друг с другом, переплетаясь сложными разветвлениями побегов и корней. Недаром говорят, что в капле воды отражается мир.

Есть в Нью-Йорке на углу Восьмой авеню и снискавшей сомнительную известность Сорок Второй улицы небольшой магазинчик, торгующий преимущественно игральными картами. Именно там мне дано было явственно ощутить пересечение разнонаправленных мировых линий, когда под влиянием обезумевшего часовщика сходят с ума часовые стрелки. Впрочем, как верно заметил еще Шекспир, и в безумии может скрываться своя система.

Мое внимание привлекла новинка: набор колод для ультрасовременного покера, подсчет очков в котором ведется на тротильные мегатонны и многопорядковые числа человеческих жизней.

Четыре туза, например, эквивалентны массивированной ядерной бомбардировке большой страны, «стрит» или же, скажем, полная масть позволяют счастливому игроку уничтожить население целого континента. Милая забава, не правда ли?

Стоит, однако, задуматься о том, какие силы заинтересованы в столь обескураживающем растлении общественного сознания, кому на руку «тихие» игры за ломберным столиком в радиоактивный геноцид?

По иронии судьбы рядом с «мегатонной» колодой лежала другая — «эзотерический тарот» в семьдесят восемь листов с полной средневековой труппой: магом и жрицей, смертью и дьяволом, планетами, стихийными силами и даже страшным судом. Эти гадальные карты, густо напичканные астрологической и каббалистической символикой, известны, как считают специалисты, с XIV века. Во всяком случае я встречал их на старинных полотнах, выставленных в Прадо и Хофбурге. Чьей же волей было реанимировано и размножено в тысячах копий дремучее колдовство, о котором успели позабыть даже ученые-медиевисты? Кому понадобилось распространять эту духовную отраву, эту отъявленную чушь, никак не отвечающую ни стилю, ни ритму современной жизни?

Сами собой выстраиваются определенные соответствия. Фишки на зеленом сукне, где идет кошунственный торг, и реальные ракеты с реальной боеголовкой, способной испепелить миллионный город. Карты игральные и карты стратегические. Готические таблички с колдовскими знаками и устремленные в небо древние шпили Европы, поделенной на берегах Потомака на мифические зоны «локальных» конфликтов, а по существу уготованной на заклание вместе с тысячелетним прошлым, легендами, забытой серебряной стариной.

Я далек от того, чтобы подозревать нынешнюю вашингтонскую администрацию в личной причастности к такой, в сущности, жалкой малости, как покер или приоткрывающий завесы грядущего пасьянс. Уловив дух времени, ощутив некий общественный спрос, индустрия развлечений, конечно же, ответила спонтанно, не дожидаясь особых инструкций. Бизнес, как правило, решает свои проблемы и оперативно, и самостоятельно. Это своеобразный общественный барометр, реакция которого нуждается в серьезном анализе. Суть в том, что духовное помрачение, атмосфера бесстыдного пира во время чумы — симптомы глубочайшего недуга, соматически, как говорят медики, связанного с далеко зашедшим синдромом ядерного безумия.

Выделим в этом зловещем диагнозе две наиболее типичные разновидности, которые можно условно назвать «психозом звездных войн» и «дьявольской лихорадкой».

ДВА ЛИКА МЕДУЗЫ ГОРГОНЫ

На Всемирном конгрессе научных фантастов, проходившем в 1982 году в австрийском городе Линц в рамках впечатляющей выставки радиоэлектронных новинок, я мог ознакомиться с технологией создания современной космической сказки.

На гигантском дисплее специально сконструированного компьютера можно было наблюдать, как вспыхивал, разлетаясь на куски, разогретый до белого каления голубенький шарик со знакомыми до боли очертаниями материков. Компьютер, куда информацию о нашей планете ввели вместе с данными о простейшей реакции алюмотермии, сам синтезировал обобщенный образ. Поэтому так ошарашивающе натурально выглядела Земля, как бы взорванная из космоса. Специалисты по электронике подробно, этап за этапом, объяснили, как создавались самые головокрумные трюки для фантастических фильмов. Это было занятно, хотя образ расплавленной оболочки и мгновенно испарившихся океанов оставил в душе тягостный осадок.

Не нужна «натура», не требуется павильон, кино снимается прямо с телевизионного экрана. Научно-фантастическое, разумеется, кино, где на просторах космоса разворачиваются огненные баталии и в лазерных вспышках гибнут армады фотонных гигантов. Таков прогресс, такова его все ускоряющаяся поступь. Все быстрее, все новее, все необычнее.

Детище девятнадцатого столетия — телефон — прошел путь от идеи до первого образца за 56 лет. Радио покрыло эту «горевую» дорожку уже за 35 лет. Радару понадобилось всего 15, телевизору — 14, квантовым генераторам (лазерам) — 9, транзисторам — только 5 лет!

Научного фантаста и пионера космоплавания называли калужским мечтателем. На заре авиации он занимался такими, казалось бы, совершенно не практичными делами, как многоступенчатые ракеты, выход в открытый космос, невесомость. Уже на глазах нашего поколения все это воплотилось в конкретнейшую реальность. На вечере, посвященном космической фантастике, Алексей Леонов рассказывал, как пригодились ему схемы и чертежи гениального провидца. Считанные годы разделяют основополагающие этапы: первый искусственный спутник, первый пилотируемый аппарат, первый выход человека в открытый космос, первое прилунение. Все было впервые: станции на Венере и Марсе, полет к комете Галлея.

А атомная энергия, обозначившая, по сути, рубеж новой исторической эры? Не успел Резерфорд, разрушивший первое атомное ядро, сказать, что сомневается в практическом освоении сокровенных секретов природы, как над планетой поднялся зловещий грибообразный столб. Если считать по календарю экспериментальной науки, то атомная бомба пробежала свой отрезок дороги всего за 6 лет. По векам научной фантастики выйдет чуть более четверти века. Для нейтронной бомбы рубеж от игры воображения до грозной реальности сократился уже вдвое.

Таковы темпы, таков еще никем не сформулированный регламент удивительного забега с постоянно увеличивающимся ускорением.

По самой своей природе научная фантастика всегда находилась на переднем крае. Однако в последние годы особенно резко обозначился водораздел между прогрессивной научно-фантастической литературой и реакционной квазифантастикой «массовой культуры». Тотальное навязывание концепций будущего в традиционном американском варианте приняло ныне поистине глобальные масштабы, захватив все виды массовой информации: книги, кино, телевидение, театр, прессу, рекламу. Тенденция, подмеченная еще в начале семидесятых годов (в статье А. Беляева «Фантастика в кривом зеркале советологии»), использовать фантастику в откровенно антисоветских целях также получила ныне законченное воплощение.

Сравнительно недавно по американскому телевидению был показан фильм под названием «Третья мировая война». Эта телестряпня была напичкана грубейшими антисоветскими вымыслами — такими, как «вторжение» на территорию США, «нанесение Советским Союзом ядерного удара» и т. п. Кадры этого четырехчасового боевика изобилуют картинками рукопашных схваток между советскими и американскими солдатами, разного рода жестокостей в отношении американского населения.

Вот один из эпизодов: транспортный самолет, проносящийся над безжизненной снежной пустыней, выбрасывает десант. Едва приземлившись, десантники выстраиваются в боевом порядке. Идут титры: «Место действия — Аляска, время — будущее...» Становится ясно: Соединенные Штаты подверглись агрессии. Но кто агрессор? Вместо ответа камера крупным планом демонстрирует красные звезды на меховых шалках десантников.

Так же — в лоб — втолковывают зрителям, зачем русским понадобилась агрессия: оказывается, для того, чтобы захватить аляскинские нефтепроводы и, посадив Америку на голодный энергетический паек, поставить Вашингтон на колени.

Вот, по существу, и весь примитивный сюжет.

Провокационная суть затеи ясна — подстегнуть и без того накаленную антисоветскую военную истерию. Не гнушаясь грубых подделок, авторы фильма открыто пропагандируют идеи ядерной войны между США и СССР. Эта беспрецедентная акция стала возможной лишь в условиях нагнетания официальным Вашингтоном оголтелого антисоветизма и военного психоза. Телевидение выполняло «социальный заказ», усугубляя своей кинофальшивкой милитаристскую атмосферу, которую Вашингтон раздувает в стране,

дабы закамуфлировать собственные совершенно конкретные милитаристские устремления.

Надо ли говорить, что телефильмы «Третья мировая война», «Красный рассвет», «Америка» знаменуют собой очередной виток в использовании фантастики в качестве мощнейшего средства массовой пропаганды? Об этой тенденции, к сожалению, до сих пор не получившей у нас должной оценки, несмотря на неоднократные выступления в печати, и пойдет речь далее.

Указанный телефильм, всевозможные «сценарии» третьей мировой войны, зачастую оформленные под беллетристику, и даже пресловутый ядерный покер не являются изолированными звеньями. Это закономерная тенденция, и было бы ошибкой ее игнорировать. Но оставим пока пропагандистские поделки, паразитирующие на теле фантастики, и попробуем дать общий абрис ее особой роли в современном капиталистическом обществе.

Лет восемь назад один довольно популярный в США астролог предсказал на 1999 год конец света. Он, видимо, позабыл или же вовсе не знал о том, что подобный «прогноз» имел место добрую тысячу лет назад. Но если в 999 году одержимые суеверным страхом европейцы могли ожидать лишь неведомых всадников Апокалипсиса, то в современном мире страхи персонифицируются куда более конкретно. В сегодняшней Америке астрологи, держа нос по ветру, все чаще предсказывают ядерную войну.

Мысль о том, что искусство является зеркалом общества, а фантастика может быть уподоблена зеркалу гиперболическому, вряд ли покажется новой. Уже по самой природе фантастике свойственно гиперболизировать реальность, собирать ее отраженный свет в дымящийся фокус своей преднамеренной кривизны.

Отсюда и поразительные соответствия между непреднамеренными пророчествами фантастов и запланированными прогнозами футурологов. Порой футурологи, как, например, Роберт Юнг, даже отдают фантастике пальму первенства в прогностическом плане. Тем более что современная англо-американская фантастика все более отчетливо излучает направленный поток напряженности и страха.

Трагические коллизии повседневности заставили многих западных футурологов пересмотреть свои прогнозы, отбросить ставшие традиционными представления о «неограниченном прогрессе», «научно-техническом чуде» и даже о «безбрежной свободе личности».

Так, Герман Кан приходит к тому, что одна лишь усложненность высокоорганизованного общества 2000 года потребует радикальных качественных перемен. В частности, они выразятся в том, что личная свобода будет ограничена все более жесткими

рамками. Благо прогресс техники дает для этого невиданные прежде возможности.

Прогрессивная научная фантастика Америки и Англии не могла не ответить на брошенный вызов. И она ответила. Смутные кошмары, которые лишь мерещились Брэдли в шестидесятых годах, обернулись реальностью в семидесятых. Пожарные-поджигатели, ставшие символом присущего капитализму отчуждения, уже плохо вписывались в реально подступающий мир сплошной кибернетизации. К тому же призрак надвигающейся иерархической олигархии и несвободы стал приобретать все более конкретные и осязаемые черты.

Американским фантастам удалось создать новый совокулный мир, в котором зерна реальной угрозы дали страшные всходы. Вот его основные характеристики: чудовищная скученность обитателей городов-казарм, утрата таких чисто человеческих качеств, как любовь, милосердие, наконец, простая порядочность, резкое понижение стандарта жизни, полное порабощение личности и даже уничтожение отработавших свой срок «человекоединиц». Такую фантастику уже трудно именовать «научной». Она менее всего занята проблемами и идеями науки и даже не пытается заглянуть за горы времени, утратив последние надежды на светлое будущее.

Распад общества, отчуждение отцов и детей, угроза тотальной термоядерной войны, гибель цивилизации. Это повседневный кошмар и постоянно тлеющий в потаенных глубинах подсознания очаг возбуждения.

Нынешняя научно-техническая революция предстала в неразрывном единстве с коренными социальными преобразованиями, круто изменившими облик мира. Наванные чаяния, будто научно-технический прогресс, подобно чудодейственному компасу, проведет старый добрый корабль капитализма через все рифы и мели, развеялись. Успехи программы «Аполлон» и синтез первого гена не сняли проблем бедности и безработицы, электронно-вычислительные машины и третьего, и четвертого поколения не уберегли валютную систему капиталистического мира от потрясений. Одним словом, победы науки и торжество техники не излечили социальных язв. Скорее, напротив, еще сильнее растравили их.

Бездушные и отчужденность, которые нес с собой ранний капитализм, расцвели сегодня. Дремлющие в современном капиталистическом обществе напряженность и ужас готовы пробудиться в любую секунду. Нужен лишь повод. Все равно какой. Расовые волнения, зверские эксцессы на почве наркомании или просто нечто непонятное, что лишь случайно персонифицировалось в стальном фетише машинной цивилизации, пугавшем некогда темных приверженцев англичанина Луддса.

«Я стал молиться, чтобы все люди исчезли из города,— писал в шестидесятые годы Дж. Сэлинджер, художник поразительной чуткости и душевной чистоты,— чтобы мне было подарено полное одиночество, да, одиночество. В Нью-Йорке это единственная мольба, которую не кладут под сукно и в небесных канцеляриях не задерживают: не успел я оглянуться, как все, что меня касалось, уже дышало беспросветным одиночеством»^{*}.

Это, так сказать, свидетельство, причем взятое непреднамеренно, почти наугад, из произведения писателя-реалиста. Попробуем сопоставить его со столь же беглым наблюдением фантаста, увидевшего в серебристой параболической глубине мгновенные черты аборигенов одного из многих миров «Солнечного кольца».

«Это были лица людей, которые и минуты не могли пробыть наедине с собой, лица усталых людей, не сознающих своей усталости, лица испуганных людей, не подозревающих о собственных страхах... Всех этих людей грызло неосознанное беспокойство, ставшее составной частью жизни и заставлявшее искать какие-то психологические щиты, чтобы укрыться за ними»^{**}.

Как мы видим, фантасту даже не пришлось добавлять галактические мазки к сугубо реалистическому портрету своего современника.

Аналитическое исследование прорастающих зерен будущего неизбежно дает некий неожиданный результат, который очень часто «сбывается». Здесь нет никакого чуда, если не считать чудом самое искусство. Потому что именно искусству присущ обобщенный мгновенный синтез, который наука достигает кропотливым и долгим путем.

Предвидение возникает на стыке знания и воображения, на неуловимой грани, где наука и вообще реальная действительность тесно смыкаются с искусством. Если же искусство подменяется заданностью, а научный анализ уступает место «желтой» пропаганде, то нечего ждать и сколь-нибудь верных прогнозов. Именно здесь пролегает граница между собственно научной фантастикой и пропагандистским суррогатом, созданным для оглушения масс.

Произведения подлинных художников ныне теряются в книжных горах так называемой «тепличной фантастики», вторичной, беззастенчиво эксплуатирующей чужие находки, зачастую лежащей за пределами художественной литературы. Это — низкосортное бульварное чтение, наполненное ожившими трупами, призраками, всяческими монстрами, зверскими убийствами и порнографией. Оно

^{*} Сэлинджер Дж. Д. Повести и рассказы.— М., 1965.

^{**} Саймак Клиффорд. Кольцо вокруг солнца.— М., 1981.

призвано не столько развлечь, сколько оглушить читателя, посеять страх и неверие в свои силы, в самую возможность общественного прогресса.

Принято выделять три основные разновидности подобных поделок: серия ужасов и чудовищ, наполненная инфернальными, адскими, страшилищами, гигантскими радиоактивными насекомыми, которые либо обрушиваются на Землю из космоса, либо подстерегают людей на далеких планетах; серия безумных ученых, на разные лады воспевающая маньяков, грозящих уничтожением мира; и, наконец, серия вселенских катастроф, которым буквально нет числа. Здесь и столкновение с кометой из антивещества, и гибель Земли в волнах космического газа, и тривиальное вторжение адских ратей. Часто подобные кошмары являются не чем иным, как возрождением на атомном и космическом уровне самого махового оккультизма. Отсюда нездоровая тяга к всяческой мистике, рядящейся в самые разнообразные одеяния: от доминиканских сутан до черной униформы СС.

Не удивительно поэтому, что наиболее трезвомыслящие художники ищут разрешение тупиковых проблем современности в интенсивном освоении космического пространства. Однако в звездные бездны, на дальние форпосты цивилизации они почему-то посылают, как правило, заурядных своих современников, подчеркнуто вырванных из американской глубинки. В таком космическом зеркале возникает уродливый, чудовищно гиперболизированный облик американского образа жизни. Верные неписаному принципу примитивного перенесения, американские фантасты берут с собой на другие планеты даже преступный мир. Собственно, именно такое жесткое моделирование и позволяет им подменить социальный анализ хлестким парадоксом.

Будущее в американской фантастике, особенно в кинематографе, несмотря на трансгалактический размах, всегда является социальной копией современной Америки. Поэтому никакие суперизобретения не способны оградить его от преступления, изначально присущего природе капитализма. Даже возвращение на круги своя, к чистым родникам детской сказки, где добро неизбежно выходит победителем из схватки с миром зла, не изменило сложившейся расстановки акцентов.

ИЗНАНКА «ЗВЕЗДНЫХ СКАЗОК»

Превзойдя все известные доселе коммерческие рекорды, по экранам многих стран мира огненным вихрем пролетел фильм «Звездные войны», отснятый Джорджем Лукасом на студии

«XX век — Фокс». Казалось, для пустых еще вчера кинозалов наступил золотой век. Люди часами сидели на спальных мешках, дожидаясь своей очереди. Билеты перепродавались по пятьдесят долларов и выше. Всем хотелось поскорее посмотреть немудреную сказку про юного Джедая, который освобождает прелестную принцессу из лап терроризирующей галактику гангстерской шайки, которой командует чудовищный дракон, и спасает от уничтожения нашу планету. По самым скромным подсчетам, фильм просмотрело свыше миллиарда человек. Многие из них стремились вновь и вновь погрузиться в магию межзвездной бездны, столь виртуозно воспроизведенной компьютером.

На волне невиданного успеха не замедлила возникнуть новая кинокомпания «Лукас-фильм», поставившая на службу индустрии грез суперсовременную электронную технику. Независимо от традиционный «хэппи-энд» и все развязанные узлы сюжета, появилось продолжение «Звездных войн» — супербоевик «Империя наносит ответный удар», за которым не заставила себя ждать и третья лента — «Возвращение Джедая».

Мне довелось увидеть ее в Балтиморе, где проходил сорок первый конгресс научных фантастов англоязычных стран, собравший восемь тысяч участников. Впрочем, не о фильме речь. Ничего нового по сравнению с первой частью он не дал. Меня поразило другое: власть моды, турбулентность очередного поветрия. Впечатление было такое, будто вся молодая Америка, очертя голову, ринулась в маскарадные забавы.

По залам и коридорам грандиозного «Конвеншн холла», где в двадцати аудиториях обсуждались проблемы, так или иначе связанные с будущим человечества, сновали десятки стереотипных «принцесс», «джедаев» в средневековых плащах, толпы полуголых «волшебниц», целые роты «космических стражей» в черной униформе, «монахи», «инопланетные чудовища» — словом, все персонажи, размноженные в изобильном наборе копий. Поэтому никто ни на кого не обращал внимания. Даже роботы, которым в звездной сказке отводится весьма важная роль, катясь на урчащих колесиках сквозь разряженные сонмища, не привлекли любопытных взглядов. Напрасно мелькали неоновые лампы и надрывались вмонтированные в золотистый кожух динамики, старательно воспроизводя выстроенные синтезатором речи слоги. «Будущее», разумеется, в его специфически американском варианте, буквально путалось под ногами, не вызывая иных эмоций, кроме скуки и пресыщения.

Да и может ли быть иначе, если магазинные полки ломаются от сувенирной «Лукас-продукции»? Куколки с лицами полюбившихся героев и противостоящих им сил, средневековые и лучевые ме-

чи, атомные пистолеты и звездолеты, видеокассеты и значки, тапсыманы и механические — один к одному — модели. Я уж не говорю о реквизите. Костюмы, плащи, кокетливые золотые кружочки взамен лифчиков и соответствующая каждому образцу обувь. Какая-нибудь минута — и всякий желающий, выбросив, разумеется, недельную зарплату, может стать олицетворенным кумиром киногрез. Возникло даже движение: «Братство рыцарей Джедая» с «генералом», на манер иезуитского ордена, со главе и шестью степенями «посвящения». Не мудрено, коли «джедаев» этих пруд пруди и от полуголых девиц с золотыми змейками на груди некуда деться.

Впрочем, забавы забавам рознь. Киноленту «Недетские игры» в которой предприимчивый подросток, подключившись к секретному компьютеру Пентагона, чуть было не спровоцировал термоядерную войну, американцы смотрели всерьез. Слишком похоже было на правду. Особенно в накаленной атмосфере тех дней, когда все средства массовой информации раздували страсти вокруг инцидента с южнокорейским лайнером.

Что же касается следовавшего вскоре телевизионного фильма «На следующий день», поставленного компанией «Эн-би-си», то он поверг Америку в состояние шока. Шестьдесят миллионов зрителей могли видеть на своем домашнем экране, чем кончаются ракетные расписовки на сегодняшнем глобусе. Пример типичного американского городка, типичной американской семьи, звергнутой в огненный холакоост, произвел столь кошмарное впечатление, что президент Рейган счел необходимым выступить по телевидению с неуклюжими оправданиями насчет проводимого им курса.

Научная фантастика в США — дело чрезвычайно серьезное, и ее влияние на общественное мнение исключительно велико. Книжки — полторы тысячи названий ежегодно, десятки фильмов, реклама и многомиллионный сувенирный бизнес. Не случайно курсы научной фантастики читаются почти во всех высших учебных заведениях и колледжах. Есть даже специальные учебники, предназначенные для университетов и школ. Кроме того — и это, очевидно, главное — фантастика сумела завоевать признание как уникальный инструмент разведки будущего, причем в самых разнообразных сферах. Зачастую именно на нее опираются в своих футурологических прогнозах ученые и политологи. Особенно в таких традиционных областях, как освоение космоса или новые виды энергии.

Не удивительно, что фантастика, совершенно затмив окончательно обанкротившуюся футурологию, стала стратегическим оружием тотальной пропаганды. Кстати, первыми это поняли и со всей трезвостью оценили научные эксперты «Лукас-фильма», тесно связанные с могущественными электронными корпорациями. Ловко

наигрывая на клавишах страха, разумеется, в гомеопатических, щекочущих нервы дозах, индустрия развлечений, помимо прибыли, преследует и чисто охранительные цели. С чуткостью сейсмографа регистрируя страхи атомного века, она трансформирует их в красочные квазифантастические иллюзии, которые, однако, как бы накладываются на современность, косметически ретушируют ее неприкрытые язвы. Подобная фантастика, зачастую привлекательная и в каких-то частностях вполне приемлемая, всерьез не заинтересована в коренных социальных переменах. Переноса реальные опасения сегодняшнего дня в некое вероятное будущее, намеренно ограничивая масштабы тревожных явлений современности, она сделалась ныне мощным орудием «социальной гигиены». Отражая эхо разлитого в обществе напряжения, она смягчает его, выдвигая на передний план сказочного героя — простого американского парня, способного победить галактическую империю («Звездные войны») и гигантскую акулу («Челюсти»), разрушить планы ЦРУ («Три дня Кондора»), сорвать аферу с марсианской экспедицией («Козерог II»).

Вот почему, маскируясь под самый современный и наиболее популярный жанр, облегченная приключенческая фантастика находит дорогу к умам и душам сотен миллионов людей, которых стремится отвлечь и от серьезных размышлений о будущем, и от реальной битвы за свой завтрашний день. Так проникает, обманув биологическую защиту, вирус в здоровую клетку, чтобы в недрах чужого ядра воспроизвести заложенную в нем программу.

О том, что подобная стратегическая затея заслуживает самого пристального внимания, однозначно свидетельствовал такой факт, как участие в работе Балтиморского конгресса высокопоставленных армейских чинов, причастных к атомным и военно-космическим программам. И это тем более характерно, что тематика форума выходила далеко за рамки собственно научной фантастики. Из одиннадцати лекционных потоков литературе как таковой, в том числе и модным поделкам на темы магии и вампиризма, было посвящено только два. Да еще в одной аудитории любители «фэны», демонстрируя друг перед другом «звездный» реквизит, обсуждали животрепещущие вопросы, вроде «Сохранится ли в будущем порнография?». Зато проблемам, связанным с космосом, и перспективам наиболее радикальных научных разработок было отведено целых четыре постоянно задействованные аудитории, где лекции и дискуссии продолжались весь день, с кратковременным перерывом на чашку кофе.

Центральным событием программы «Спейс-1», или первого лекционного потока по теме «Космос», явились многочасовые дебаты по поводу милитаризации космического пространства. Они

проходили при переполненной аудитории и транслировались сразу по нескольким телевизионным каналам.

Застрельщиком завязавшейся вскоре ожесточенной полемики выступил генерал Д. Грэхем. Невысокий, подтянутый, с седым, чисто армейским ежиком, он орал в микрофон, словно выкрикивал команды на плацу. И то обстоятельство, что его отрывистая громкая речь была далека от заурядного солдафонства, лишь подчеркивало ее чудовищный смысл. Под логическими фигурами, нарочито отстраненными от реальных коллизий века, явственно прослеживались бездушные компьютерные построения. Стратегическая ЭВМ — не на экране, в жизни — продолжала вести безумные игры, подталкивая мир к огнедышащей бездне. Сухой инженерный язык, многопорядковые числа, за которыми скрывались жизни конкретных людей, невольно заставляли вспомнить набившие оскомину «Звездные войны». Казалось, что с трибуны под блицы фотокорреспондентов выступает не человек из плоти и крови, не землянин, а некий «дракон» из галактической империи или робот, принесший ультимативное послание с пиратского сверхзвездолета, взявшего нашу маленькую планету на прицел.

Впервые я видел в такой непосредственной близости рафинированного «ястреба», но не кондового политика, плетущего бессмысленные фигуры, а математика, инженера.

Программа, с которой в целях рекламы для выколачивания дополнительных средств ознакомил общественность Грэхем, носила ошарашивающее название «Хай франтир», что значит «Высотная граница». В проспекте, к которому был приложен отрывной чек, в коем значились цифры в 1000, 500, 250, 100, 50, 25 и 5 и, наконец, кто сколько может долларов, она объявлялась как «Новая национальная стратегия». Слово космос и впрямь можно опоясать колючей проволокой, точно дальний Запад времен первых колонистов.

Рекламные заголовки, обращенные не столько к сердцу и разуму, сколько к кошельку, были выдержаны в традиционном стиле: «Неядерный ответ на ядерную угрозу», «Высокая технология в ответ на экономическую угрозу», «Стратегия надежды для американцев и всего свободного человечества».

В чем же суть этой «новой» стратегии? Какие «надежды» лелеют ее творцы? На экране — выступление сопровождалось демонстрацией специально снятого ролика — Америка, разделенная прямыми линиями штатных границ, ее порты, аэродромы, военные базы. А вот и наша страна с городами, дорогами, объектами обороны. Мелькают цифры и диаграммы, где неравной высоты столбиками обозначено число ракет, атомных подводных лодок и прочих объектов. Смысл подобного сопоставления предельно ясен: пока-

зять, что сегодняшняя Америка почти безоружна перед «дьявольской империей», как назвал нас президент Рейган, давний поклонник голливудской терминологии.

Каков же вывод? В леденящем мраке неодукотворенного космоса появляется земной шар, опутанный витками бесчисленных орбит. Здесь и наша обитаемая станция, и «Челленджер», который в те дни совершал свой очередной челночный полет, и всевозможные спутники: коммуникационные, погодные, разведывательные. Проект «Хай франир» предусматривает вывод на стационарные орбиты множества сторожевых спутников, начиненных неядерными ракетами, предназначенными для уничтожения неугодных космических аппаратов. И хотя в фильме говорилось о баллистических и прочих ракетах, нацеленных на США, и ракетах СС-20, якобы угрожающих Западной Европе, генерал Грэхем с солдатской прямоотой пообещал очистить околосземелье от всякого чужого железа. Спутники-жандармы, спутники-истребители, поразительно похожие на барабаны излюбленного американским кинематографом револьвера системы Кольт, высказывали, как чертики из табакерки. Вместо полдюжины патронов тридцать восьмого калибра они были начинены полусотней автономных ракет, могущих, следует обратить внимание, нести и ядерную боеголовку.

Едва ли у кого-нибудь из слушателей возникли сомнения насчет этой лихой схемы, рассчитанной на 10 лет и «оцененной» в сотни миллиардов долларов.

«Стратегия надежды» обернулась стратегией агрессии, предназначенной для предотвращения возмездия после нанесения первого удара. Она превосходно вписывается в уже существующие системы, на вооружении которых находятся спутники-убийцы, ракеты, запускаемые на высоте 29 км с истребителей F-15, боевые космические корабли многоразового действия, лазерное оружие, пучки заряженных частиц и прочие творения архисовременной научной мысли.

О мирных инициативах Советского Союза, о нашей обширной программе мирного космоса, вынесенной на рассмотрение всех народов Земли, генерал, разумеется, даже не обмолвился. Бичуя «слепой» пацифизм, он воспарил в ораторском уповании к орбитам самых дальних планет. Ему мерещилась галактическая империя, протянувшая колючую проволоку от Земли до звезд, расставившая полосатые шлагбаумы на всех межпланетных трассах.

Любопытно, что в те минуты, когда демонстрировался агитационный ролик, в одном из кинозалов, где круглосуточно прокручивали ретроспективу фантастических лент, шел знаменитый «Метрополис».

Поставленная в 1926 году немецким режиссером Фрицем Лан-

гом, эта первая в мировом кинематографе социальная утопия побилла все тогдашние рекорды постановочной стоимости. Шестьдесят тысяч метров пленки, из которых Ланг смонтировал потом двухчасовую ленту, обошлись студии УФА в четыре миллиона марок.

Фильм начинался титрами: «Мы живем в мире материальных достижений, небывалого развития науки. Но что происходит с нашими сердцами и нашим разумом? Будет ли наше будущее таким, как в этом фантастическом городе?» И словно в ответ перед зрителем разворачивалась апокалипсическая сцена тотального вандализма, когда обитатели поверженного супергорода открывают шлюзы, и подземный бушующий поток сметает с лица Земли последние убогие лачуги, затягивая в водоворот отчаянно барахтающихся ребятишек. Как знать, может быть, именно эта сцена пришла на память мечущемуся в бункере имперской канцелярии Гитлеру, когда он отдал последний чудовищный приказ — пустить воды Шпрее в туннель метро, где укрылись от бомбежки тысячи берлинцев: женщины, дети, старики. Во всяком случае Гиммлеру «Метрополис» подсказал бредовые контуры будущего «государства СС», которое обер-палач планировал организовать в Бургундии, а молодому тогда Вернеру фон Брауну другой фильм Ланга «Женщина на Луне» подбросил кое-какие идейки насчет оформления ракетодомов.

Консультантом последнего фильма был, кстати, один из пионеров ракетной техники — профессор Оберт, нарисовавший эскизы пусковых платформ и баллистических ракет. Конструкция стартовых установок, которую разработал потом Браун для своих самолетов-снарядов «фау», оказалась настолько похожей на «киношную», что нацистские бонзы забеспокоились и гестапо на всякий случай наложило лапу на все копии фильма. Потом их обнаружили в подвалах управления имперской безопасности на Принц-Альбрехтштрассе, 8. История, особенно помноженная на прогностическую силу фантастики, преподносит подчас прелюбопытнейшие сюрпризы. Во всяком случае мне такое совпадение показалось весьма симптоматичным. Следя за витками барабанов «Хай франтир», я не мог отделаться от мысли о витках судеб и орбитах идей. Бывший штурмбаннфюрер СС фон Браун, как известно, сделался после войны одним из ведущих специалистов американской космической программы. Как там ни верти, а смрадный дух «третьего рейха» явственно ощущался в причудливых эволюциях спутников-жандармов, оцетинившихся пучками боеголовок, словно сторожевые башни нацистских концлагерей.

К чести многих американских коллег по перу, «стратегия надежды» вызвала в их среде негодующую реакцию. Проект «Хай

франтир» подвергся уничтожающей критике как со стороны писателей, причем таких крупных, как Джо Холдeman, так и ученых. Один из руководителей программы «Аполлон» доктор Р. Боумен не оставил от нее камня на камне, развеяв вздорные надежды на высосанное из пальца технологическое отставание Советского Союза от США.

— Вспомните, как было с бомбой! — раздался возмущенный выкрик из зала. — Тогда тоже говорили, что Россия отстала на десять лет.

— Выброшенные деньги, — проворчал сидевший рядом со мной профессор Хасслер из Кентского университета. — На ветер, в космический вакуум.

— Причем крайне опасно выброшенные, — уточнил крупнейший английский фантаст Джон Браннер.

Дискуссия, в которой участвовали ученые и писатели — Б. Боуа, Д. Бин, Д. Вебб, К. Минел и К. Расин, — затянулась до позднего вечера. Так или иначе, но почти все выступавшие, на каких бы позициях они ни стояли, сходились в одном: никакое, даже самое дорогостоящее оружие не может дать подлинной безопасности. Разрядке, разоружению поистине нет разумной альтернативы.

На фоне разнузданной антисоветской пропаганды, которая лилась с телевизионных экранов, это был ободряющий признак. Американцы, а в Балтиморе собрался весь цвет творческой и научной интеллигенции, не потеряли присущего им здравого смысла. Может быть, именно поэтому аудитория встретила жизнерадостным смехом и горячими аплодисментами реплику гостя из Испании:

— Вы рассуждаете так, — бросил он генералу, — словно, кроме США и СССР, никого больше нет. Но нас, остальных, на Земле четыре миллиарда! Мы тоже хотим участвовать в решении своих судеб. Космос принадлежит всем.

Очень уместное замечание.

Встречаясь с давними знакомыми, я пристально всматривался в их лица. Нет, несмотря ни на что, они не изменились в своих нравственных установках: А. Азимов и Х. Клемент, Ф. Пол и Р. Сильверберг, К. Гарднер и Д. Делани. Это их крылатая фантазия населила космос звездолетами и спутниками-крепостями, построила форты на Луне, подчинила человеку грозные, скрытые в глубинах материи силы. Теперь многое из того, что прозревалось в далеком грядущем, воплотилось в пугающую реальность.

Реакция на подобную метаморфозу, пожалуй, единодушна. Ее четко выразил Джо Холдeman:

— То, что порой разыгрывается на страницах наших книг, не должно повторяться в реальной жизни. Для этого мы и пишем свою фантастику.

«Звездные войны» хороши, если они вообще хороши, лишь на экране. В действительности же эти два слова семантически несопоставимы, ибо с незапамятных времен человечество связывало со звездами самые лучшие, самые высокие устремления. Звездное небо нельзя оградить имперским шлагбаумом. Можно лишь затмить на короткое время заревом термоядерного пожара.

Огненный хаос и разрушение, которые обрушил на головы зрителей американский квазифантастический кинематограф, выполняет вполне определенную социальную функцию. Тем более что, по словам кинокритиков, в такого сорта лентах запечатлена «поражительная красота опустошения». И это закономерно. За галактическим реквизитом прослеживается четко поставленная цель — приучить человечество к мысли о неизбежности глобального термоядерного пожара, взломать защитный барьер элементарного здравого смысла, помутить рассудок апокалипсической тягой к концу света.

«Что произошло? — пытается понять феномен «Звездных войн» Бен Бова, выступивший накануне открытия конгресса в популярной телепрограмме «Доброе утро, Америка». — Как сумела фантастика опередить все другие киножанры? Что заставляет вполне нормальных людей тратить 4—5 долларов, чтобы в шестой раз пойти на тот же фильм? ...Назовите это страхом перед будущим, техническим прогнозом или еще как-то, но американцы сейчас все чаще задумываются о завтра. Мы демонстрируем против сверхзвуковых самолетов, атомных электростанций и генетических экспериментов, опасаясь, что они могут принести много вреда в будущем. А оно и предстает перед нами в фантастических фильмах, или по крайней мере мы видим, каким оно может быть в разных вариантах. Бегство от реальности? Да, но, как говорит Айзек Азимов, фантастика — это «бегство в реальность». В период «великой депрессии» публика валом валила на комедии, а сейчас, когда Америка тоже переживает кризис, мы смотрим фильмы, которые говорят, что жить — значит постоянно меняться, что завтра будет совершенно не похоже на сегодня».

Мягко говоря, это не совсем так. Невзирая на сногшибательные трюки, голографические эффекты и компьютерные коллажи, завтрашний день человечества изображается как логическое продолжение нынешней, причем весьма идеализированной, мизансцены. Во всяком случае перемены не затрагивают главного: американского образа жизни. Более того, мещанским идеалам истэблишмента придается некий галактический размах.

Обозревая новинки научной фантастики, западногерманский критик Ганс Блюменберг замечает по этому поводу:

«Чем же объясняется успех фильма, который сделан совершенно в духе тридцатых годов и в традиции многосерийных лент Флэша Гордона и Бака Роджерса? Кажется, словно «Война звезд» отражает тягу Америки к упорядоченным, ясным отношениям, к почти религиозной идиллии, простая мораль которой перенесена в космическое пространство, где мелкие жизненные заботы не отвлекают от мыслей о будущем».

За исключением стыдливого упоминания о «мелких жизненных заботах» здесь нет места для спора. Облегченная звездная сказка спешит обойти стороной реальные коллизии века и раствориться в этой самой «религиозной идиллии», навевающей сладкие сны. Исследуя причины очередного каприза моды, голливудский продюсер Сэмюэль Эрсков тоже вынужден был остановиться на «интересе к псевдорелигиозным явлениям».

«Многие молодые люди,— констатирует он не без горечи,— ищут сейчас замену формальной религии. В шестидесятые годы они нашли — и вновь потеряли — свою Мекку, а теперь... После Уотергейта и Вьетнама они снова разочарованы. Притягательная сила научно-фантастических фильмов связана с поисками религии».

Во всем этом можно было бы усмотреть и некую полезную сторону, потому что «поиски религии» сами по себе свидетельствуют прежде всего о банкротстве официальных церквей, о полной их неспособности привлечь и удержать в своих тенетах ищущую, наконец разуверившуюся в прописных истинах молодежь. Однако не будем спешить с выводами.

Стоит внимательно приглядеться к тому, что подсовывает чуткая к спросу массовая культура взамен пустующих алтарей. Бога-астронавта в скафандре? «Космического тельца», заложившего якобы основы нашей цивилизации? Или низринутого с небес Люцифера, за коим тянется бесконечный сонм дьяволов, ведьм, оборотней, кровососов-вампиров и прочей нечисти?

Увы, игра идет на обоих столах. Причем идет по-крупному, с голливудским размахом. Примером тому «дьявольские» бестселлеры: «Экзорцист» Уильяма Блетти и «Ребенок Розмари» Айры Левина, по которым режиссеры Фридкин и Поланский поставили свои печально знаменитые кинобоевики. И есть уже продолжения в виде «Экзорциста II», подобно тому как обрастает копиями «Эмануэль».

Обгоняя друг друга, с экранов и книжных страниц хлынули рати дьяволов и пришельцев, чьи рожки неуловимо трансформировались в более отвечающие духу века антенны. В моду вошли растянутые на годы многосерийные «блоки», эксплуатирующие с незначительными вариациями один и тот же сюжет. Таковы, например, «Ужас Дракулы», «Невеста Дракулы» и «Дракула — князь

тмы» англичанина Теренса Фишера или «Носфертау — призрак ночи» западногерманского режиссера Вернера Херцога, воскресившего забытую ленту двадцатых годов.

«Дьяволы» (так называется фильм американца Кена Рассела) и «Ведьмы» (речь тоже идет о конкретной ленте Сирила Френкеля) в короткий срок совершенно заполнили белый прямоугольник экрана.

В этой inferнальной мешанине небезынтересно выделить своеобразную работу американского режиссера Френсиса «Дом ужасов доктора Террора», составленную из коротких киноновелл. В них действуют вампиры, обращающиеся в чаек, жрецы кровавого культа воду, черные маги и прочие дежурные персонажи. Есть даже отрезанная рука, которая подобно отвратительному крабу переползает с улицы на улицу, чтобы впитаться в горло намеченной жертве. Достойной внимания в этом фильме является лишь стержневая, связующая новелла, в которой действует адский посланец с колодой тарота в руках. Предлагая герою очередного эпизода вытащить карту, он трансформирует судьбы, пророка отчаяние и ужас.

Я усматриваю здесь далеко идущую символику. Нет, не случайно эзотерический тарот оказался в роковой близости с колодами мегатонного покера! Пронзая пласты современности, корни такого соседства уходят в глубины истории, причудливо соединяя эпохи и идеи.

Кое-какие связи в этой крошечной мгле мне бы хотелось высветить.

ДОМ ТЕНЕЙ

История — это не только прошлое, но и наш сегодняшний день. Более того, не зная сложнейшей системы, ее причудливых разветвлений, невозможно предвидеть будущее. О том, что отжившее свой век крайне неохотно уходит в небытие, я, разумеется, догадывался. Но лишь сравнительно недавно понял, что даже самые нелепые предрассудки почти никогда не исчезают окончательно, насовсем. А вместе с ними и институты, казалось бы, полностью потерявшие под ногами почву, напрочь утратившие не только перспективу, но и смысл своего существования.

Мне пришлось убедиться в этом воочию в Риме, Вечном городе, где оставили свой немеркнущий след чуть ли не все века и неприкаянные тени седой, пережившей себя старины никак не желают уйти на покой, бередя воображение, мучая короткую память мелькающих поколений.

Я жил неподалеку от центра, в небольшой уютной гостинице «Светлая месса», и каждое утро, сверившись с планом города, отправлялся бродить по легендарным улицам, неподвластным круговороту светил. Нет, туристическая эйфория не кружила мне голову, и глянцево-пылающий отражением солнца булыжник Аппиевой дороги не ослеплял глаз. Я замечал все: помпезные строения начала века, завитушки рококо, разноцветные надписи на камнях и на стенах. Фломастер явно не уважал старины. Пятная обсосанный веками каррарский мрамор, лозунги различных партий перекрывались фашистскими знаками, непристойными рисунками, признаниями кому-то в любви, символами спортивных клубов. Одно это могло вернуть на грешную землю и напомнить о дате в календаре. В Непале и Индии я видел ступы, воздвигнутые в третьем веке до нашей эры. Обряды в святилищах, расположенных вокруг этих внушительных колоколообразных сооружений, символизировавших изначальную пустоту Вселенной, не претерпели существенных перемен за долгие эти века. Шафрановые сангхаты монахов и разноцветные сари прихожанок тоже остались такими же, как и в эпоху Маурьев. Там бессмысленно было бы говорить о «возрасте» средневековья или вовсе античных времен. Нечему было возражать. Религия никуда не уходила. И в этом смысле не было принципиальной разницы между праздником чудесного рождения принца Сиддхартхи, справляемым в храме Сваямбунатх, и мессой в церкви Марии Маджоре на рождество.

Вечным стражем гордых теней висела каменная резная арка императора Константина, через которую двигался непрерывный транспортный поток. Но Ватикан с его швейцарской гвардией, чьи средневековые головные уборы словно были украдены у карточных валетов, но грандиозный собор святого Петра, где служил кардинал в раздвоенной, усыпанной самоцветами митре, — они были частью современного мира. У меня и мыслей не возникало усомниться в необратимости течения летейских вод. Недаром же физик Эддингтон столь образно упомянул, причем в серьезном научном труде, о «стреле времени»! Она вечно летит из прошлого в будущее и не может вернуться назад, несмотря даже на вероятную кривизну четырехмерного континуума Вселенной.

«В чем же дело тогда? — пытался я разобраться в своих ощущениях. — Если церковь — древнейшее, консервативнейшее, добавим, учреждение на Земле — продолжает шествовать сквозь века, сохранив исконную обрядность и чин, то почему должна вызывать удивление устойчивость «параллельного института»? «Другого ведомства» со всеми его жрецами, магами и дьяволопоклонниками!»

Это очень серьезный вопрос, ибо он затрагивает не какую-нибудь случайную, причем чисто внешнюю аналогию, но нерастор-

жимую взаимосвязь, диалектическое единство. На вере в существование дьявола и его козней веками покоилась реальная власть церкви над душами прихожан. И наш век примата науки почти ничего тут не изменил. Теологи-модернисты, предпочитающие избегать прямой персонификации дьявола, остроты вопроса не сняли. Подменив рогатого, с хвостом и раздвоенными копытами князя тьмы неким «злым началом», гнездящимся в природе и человеке, они просто перевели проблему на иной терминологический уровень.

«Библейский сатана — это персонифицированный грех», — пишет известный тюбингенский теолог Герберт Хааг. — Всюду в Новом завете, где говорится о сатане и дьяволе, это наименование можно с таким же успехом заменить словами «грех» или «зло».

Однако подобная замена никуда не ведет. Во-первых, она противоречит богословской традиции, духу и букве священного писания и отнюдь не разделяется большинством современных теологов, настаивающих на реальности хозяина преисподней. Во-вторых же — и это особенно важно в нашем случае, — злему началу, как и началу доброму, можно поклоняться с неменьшей искренностью, чем, скажем, святой троице, тоже включающей, как известно, довольно абстрактное понятие — святого духа.

Таким образом, на скорое «Расставание с дьяволом» (так озаглавил свою книгу Хааг) рассчитывать не приходится.

В принятой Вторым Ватиканским собором конституции «О церкви в современном мире» прямо говорится о дьяволе, повергшем человечество в рабство. Конституция «О церкви» констатирует, что проповедь должна послужить величию бога и «посрамлению дьявола». Привычная, отшлифованная еще первыми отцами церкви фразеология. Основанное в 1534 году Игнатием Лайолой «Общество Иисуса» тоже ни на йоту не изменило своего воззрения на интересующий нас комплекс.

«Разве позволительно сомневаться относительно существования ангелов и демонов? — вопрошает журнал иезуитского ордена «Чивильте каттолика». — Большинство теологов ответило бы, что в таком случае подвергается сомнению одна из религиозных истин».

Выходит, прав был Поль Гольбах, сказав, что, «не будь дьявола, многие набожные люди никогда не помышляли бы ни о боге, ни о его духовенстве»?

Каноническую идею персонификации зла отстаивает и высший в католическом мире авторитет — папа. Несмотря на то что в отличие от иезуитов, окостеневших в своем средневековом консерватизме, последние понтифики сделали кое-какие шаги навстречу современности, отношение к дьяволу не сдвинулось с мертвой точки.

На общей аудиенции 1972 года папа Павел VI, говоря о борьбе с мировым злом, назвал его первоисточником «темного враждебного агента, именно дьявола». Ссылаясь на Библию, где деятельность врага человеческого отражена достаточно широко, папа подчеркнул, что «враг номер один», подобно прочим созданиям, сотворен богом и «действительно существует».

И здесь мы вновь возвращаемся к существу поставленного вопроса: почему именно деятельность сатанистов заставила западную прессу заговорить о «возвращении дьявола», «креставрации средневековья»? Ведь если, как мы теперь видим, церковь традиционно продолжает поддерживать в душах сотен миллионов людей веру в ангельские рати и адские сонмища, то получается, что и дьявол никуда не уходил, и мир по сей день не расстался с колдовской практикой и нетерпимостью «века мушкетеров»?

Не будем торопиться с однозначным ответом. В разных формах и по разным поводам гамлетовский вопрос о «связи времени» еще не раз встанет на наших страницах. Поэтому оставим пока в стороне проблему дьявола как наделенного личностным разумом творения. Оставим и церковь, ведущую отсчет времени от рождения Христова, и орден иезуитов, который, утратив былое могущество, все же не исчез с подмостков мировой сцены.

Я хочу продолжить рассказ о личном прикосновении к непреодоленному прошлому, за которым стоят действительно волнующие тайны истории. Как ни микроскопично и как ни кратко было это касание, но оно не только позволило мне глубоко почувствовать изреченную выше мысль об устойчивости теней, отнюдь не претендующую на оригинальность, но и подсказало, как, перебросив мост между веками, восстановить связь времен.

Итак, в тот день, постояв на Кампо ди Фиоре, где 17 февраля 1600 года взошел на костер Джордано Бруно, я нашел на плане виа Кондотти, давно пленявшую мое воображение. Улица оказалась совсем близко. Почти напротив ступеней легендарной лестницы на площади Испании, заставленных вазонами с кустами роз, померанцев и бурно цветущей ромашки. Ворковали голуби, говорливые мамы прогуливали своих бамбино, бородатые художники и очаровательные художницы бойко писали моментальные портреты смущенных провинциалок, маменькиных сынков и жизнерадостных американских туристов. Это была вечная сцена с неизменными декорациями, на которой менялись лишь одежды статистов: колеты на камзолы, фраки на джинсы. Отсюда легко было скользнуть в затененный канал, где застоялось время, уподобившись мертвой позеленевшей воде.

Я скоро нашел солидный, хоть и слегка обшарпанный дом с опущенными по местному обыкновению жалюзи на окнах. Сначала

я было подумал, что ошибся, так как не ожидал встретить витрину с кожаной одеждой, дорогими чемоданами и шерстяными пуловерами. Однако все правильно: флажок под балконом, оббитый красно-белой тесьмой, и белый восьмиконечный крест на красном поле щита. Просто первый этаж сдавали под магазин, а так я попал, куда надо. Та же эмблема, только во много раз увеличенная, виднелась сквозь арку, за которой был залитый светом дворик, заставленный роскошными автомобилями.

Успокоительно улыбнувшись охраннику, я ступил под ее сень и остановился перед бронзовой дощечкой, где под тем же крестом ясно читались глубоко вырезанные и почти черные от патины литеры: «Военный орден мальтийского креста», далее следовало уже мелким шрифтом: «экстерриториальное владение».

Это было все или почти все, что осталось от некогда могущественного рыцарского ордена Иоанна Иерусалимского, основанного еще в одиннадцатом веке. Дом-государство без территории! Дом-посольство несуществующей державы!.. Нонсенс. Призрачный курьез. Я поразился, случайно узнав, что формально орден все еще существует. Собственно, это и заставило меня, когда появилась такая возможность, отыскать узкую улочку, ведущую от площади Испании на роскошную Корсо.

И вот я стоял перед дверью, что, как «Калитка в стене» Герберта Уэллса, вела в легенду. Память развертывала удивительную цепь, на которую были нанизаны крестовые походы, умирающие у стен Иерусалима паладины, тамплиеры, изрыгающие хулу на французского монарха из пламени костров, и где-то возле Инженерного замка заснеженный плац, на котором государь-император и самодержец Павел Первый муштрует своих гвардейцев с мальтийскими крестиками на супервестах. Какое потрясающее, почти невероятное сцепление звеньев! Страны, столетия, материки, острова... Стоит лишь сбросить со стопора, и поползет одно за другим, наследники альбигойских реликвий, родосское братство с его тайной символикой, восходящей к временам Минотавра... Я ведь касался этих увлекательных тем, достойных любого романа, но они представлялись мне занимательной игрой, бестелесной легендой.

Оказывается, ничего подобного. Дощечка и флажок со щитом могли послужить опорой для любого вымысла. Легенда не была бесхозным имуществом, ее передавали по наследству.

С нежданной яркостью я представил себе Ленинград и Павловск. Дворец с голубой залой для приема мальтийских кавалеров, здание бывшего пажеского корпуса, где собирался орденский капитул, когда православный царь столь неожиданно для многих принял сан гротескмейстера воинственного католического братства. Удивительные пассажи разыгрывает иногда муза истории

Клио. И ведь из ее партитуры, как из песни, не выкинешь ни ноты, ни слова. Тем более что все это и наше наследство, причудливо связавшее в прошедшие времена Мальту с Петербургом, Рим — с «Третьим Римом» — Москвой.

«За ней царить стал Павел, мальтийский кавалер, но не совсем он правил на рыцарский манер...» Очень точно схватил самую суть Алексей Константинович Толстой в своей «Истории государства Российского от Гостомысла до Тимашева». Но сколь долг был путь мальтийских паладинов от гроба господня до Северной Пальмиры!

Нет необходимости вспоминать здесь о перипетиях короткого правления Павла. После его смерти «от апоплексического удара... в виски», как остроумно была препарирована официальная версия, существование ордена в России стало бесперспективным. Александр Первый наотрез отказался от мальтийских регалий, оставив за собой лишь титул протектора. В 1817 году орден объявили несуществующим в пределах Российской империи, а вскоре мальтийцы потеряли опору и в немецких государствах. В 1834 году капитул переехал в Рим, и с тех пор судьба ордена тесно связана с Ватиканом. Время от времени усилиями крайних реакционеров вроде австрийского канцлера Меттерниха или прусского короля Фридриха-Вильгельма Четвертого восстанавливались ненадолго отдельные приораты, но в целом братство влечило жалкое существование. Даже великих магистров перестали выбирать. Лишь в 1871 году маркизу Санта-Кроче был дарован прежний титул.

Ныне орден превратился в пропагандистскую организацию, распространяющую среди молодежи капиталистических стран выхолощенные временем идеи воинствующего католицизма. Вернее, средневековой мистики, потому что рыцари давно утратили боевой пыл и, стараясь не слишком педалировать на слове «католицизм», порой обходят и понятие «христианство».

Это связано с тем, что сегодня кавалером или кавалерственной дамой ордена могут стать лица любого вероисповедания, в том числе и прежние недруги — мусульмане.

Сочетая противоестественные качества — замшелость идеологии и гибкость на путях ее распространения, — орден не слишком преуспевает в своих начинаниях.

Быть может, он просто затаился и ждет, когда наступят более благоприятные времена. Современные маги и сатанисты льют воду на его мельницу. Кто знает, куда качнутся качели общественного мнения, дойдя до крайней точки? Что если люди, отшатнувшись от дьявола, вновь кинутся в спасительные объятия матери-церкви?

«Девять столетий!» — мысленно подсчитал я, выходя на шумную, мигающую вывесками магазинов Корсо.

Нет, не только на улицах Вечного города смешались и перепутались времена...

Права старинная английская поговорка:

What is hits is history,
And what is mist is mystery.
(Что в цель попало, то история,
А где туман, там тайна.)

Туманом, тайной были окутаны, в частности, долго скрываемые от общественности связи Мальтийского братства со штаб-квартирой ЦРУ в Лэнгли, с резиденцией НАТО в Брюсселе.

Тайные шпионские операции во всех концах мира и торжественные процессии с хоругвями крестоносцев. Евроракеты и туман масонских обрядов. Казалось бы, несопоставимые вещи, разминувшиеся на перекрестках времен, невзирая на прелестную игру слов: hits — mist, history — mystery. Что ж, быть может, и несопоставимо, а потому особенно чудовищно. Стоит подумать о «достопочтенных мастерах» масонства, вроде бывшего президента США Джимми Картера или, того пуще, главаря чилийской хунты Пиночета, как охватывает оторопь. Сложность проблем современности никак не совместима с мистическим взглядом на человека и мир. Социальная опасность мистицизма прямо пропорциональна научно-технической вооруженности человечества, могущей обернуться всеобщим благом или непоправимой бедой. Здесь уместно напомнить некоторые подробности о деятельности ложи «П-2», объединившей в преступном заговоре против Итальянской Республики министров, генералов, руководителей секретных служб, сенаторов, депутатов, банкиров, фашистских главарей, «крестных отцов» мафии и обитателей известного нам дома на улице Кондотти.

Ближайший друг Джелли Умберто Ортолани, имевший ранг камер-юнкера папского двора, был официальным представителем Мальтийского ордена в Монтевидео. Сопоставив найденные списки 926 членов ложи «П-2» с матрикулами Мальтийского ордена, репортеры еженедельника «Эспрессо» обнаружили, что начальник генерального штаба адмирал Торриззи, генералы Грассини и Сантовито, возглавлявшие параллельные службы безопасности, и бывший шеф военной разведки Аллавена сочетали принадлежность к «черному масонству» с рыцарским служением по обряду иоаннитов.

Едва ли здесь нужны подробные комментарии.

В любой среде могут оказаться преступники и авантюристы. Среди масонов, в том числе итальянских, было много выдающихся ученых, писателей, художников, прогрессивных политических деятелей. Членами лож состояли, в частности, пламенные революционеры Мадзини и Гарибальди. Что общего, кроме внешних

условностей ритуала, у них с Джелли и его бандой? Ровным счётом ничего. Столь же неправомерно было бы поставить знак равенства между тем же банкиром Ортолани и, допустим, писателем Яном Потоцким.

Несопоставимые фигуры, несопоставимые имена.

Однако факт использования такой «крыши», как масонская ложа или Мальтийский орден, фашистскими заговорщиками, террористами, бандитами-мафиози говорит сам за себя. Он свидетельствует не только о глубине перерождения столь древних братств, но прежде всего о неизлечимом недуге буржуазных институтов власти и правосудия.

ЗАГРОБНЫЙ КАРНАВАЛ

Американцы, в общем, трезвый народ. По-настоящему интеллигентные люди брезгливо сторонятся сатанистов, справедливо причисляя их к подонкам общества: сексуальным маньякам, наркоманам, фашистам. Но недооценивать представляемую ими опасность было бы близорукостью.

Пережившие тысячелетия магия и астрология и не думали умирать, они лишь на какое-то время укрылись в тени, чтобы, дождавшись своего часа, буйно расцвести бок о бок с ракетами, радиотелескопами и компьютерами, которые чуткая на малейшие движения моды массовая культура быстро поставила на службу большому бизнесу.

Нурсийский некромант, Сабинский маг
Тебе шлет преданности изъявления.
От смерти отделял его лишь шаг,
Трещал костер, огонь лизал поленья.

Я припомнил эти строчки из гётевского «Фауста», когда серебристо-голубой шевроле вез меня в филиал фирмы «Астрофлаш», разместившейся на одном из этажей знаменитого небоскреба «Эмпайр стейт билдинг», уступившего пальму первенства ультра-модерновому «Уорлд трейд сентер». О каком костре, более того, о какой вере и какой ереси могла идти речь, если обязанности звездного оракула принимал на себя электронный мозг?

Оказавшись в ярко освещенном зале, напоминающем то ли банк, то ли транспортное агентство, я подошел к вырезанному в стекле окошку и, уплатив требуемую сумму, получил бланк-заказ. Отойдя к стойке, над которой висела карта мира, разграфленная на пронумерованные ячейки, нашел уголок, где приблизительно должен был находиться мой родной город, и быстро заполнил

нужные пункты: место и точное время рождения (год, месяц, час). Щеголеватый клерк в модном блейзере грациозным мановением спрятал листок в сверкающий контейнер и куда-то отправил его по пневмопроводу, скорее всего к программистам.

Не прошло и пяти минут, как из щели трансмиттера поползла перфорированная лента и задвигалась каретка соединенной с дисплеем электрической печатной машинки, а еще через минуту я держал в руках подробное руководство к действию на ближайшую неделю. Вернее, к бездействию, потому что судьба благоприятствовала мне лишь на любовном фронте, тогда как от решительных движений в сфере бизнеса и длительных путешествий следовало воздержаться. Может быть, я бы так и поступил, если бы уже не вложил почти весь свой наличный капитал в сомнительную операцию «Астрофлаш» и в моих авиабилетах не стояли сакраментальные «о'кей».

В зале находилось человек сорок, хотя люди постоянно менялись. Одни, прочитав гороскоп, бережно складывали его и уносили с собой, другие небрежно бросали на пол, словно обесцененные бумаги на бирже или проигравшие билетики на бегах.

Хоть и не принято совать нос в чужие тайны, но я украдкой подобрал три или четыре бланка. В одном из них тоже содержалась рекомендация переждать неопределенную конъюнктуру.

— Поступает ли в ваш компьютер биржевая информация? — осторожно спросил я девушку, скучавшую в информационной кабинке. В конце концов это был мой последний шанс на куртуазном лоприще.

— Зачем? — искренне удивилась она.

— Но разве предсказания компьютера не обусловлены деловой активностью?

— Эта деловая активность зависит от сочетания светил, — терпеливо растолковала она азы своей науки. — Как и вообще все, — добавила заученным тоном и обворожительно, как это умеют американки, улыбнулась.

— И любовь?

— О, любовь! В любви успех больше зависит от человека, от двоих, я хотела сказать, хотя случай, везение и прочие неопределенности имеют колоссальное значение.

— А как обстоят дела вашей фирмы? Ей, надеюсь, звезды благоприятствуют?

— В прямом и переносном смысле! — поняла она с полуслова. — Мы, можно смело сказать, процветаем. Филиалы компании открываются еще в двух районах Нью-Йорка. Вы знаете, что наша главная квартира в «Грэнд сентрал»? — она вручила визитную карточку с планом города. Но я не собирался отыскивать астрологи-

ческую Мекку. И так все было ясно, да и времени оставалось в обрез.

Будь в моем распоряжении лишний день, я бы лучше, для сравнения, обратился к конкурентам. Тем более что компания «Зодиакроникс сервис», в чьем названии удачно сочетались слова «электроника» и «зодиак», обслуживает клиента на дому. Стоит приобрести соответствующий абонемент, и вас поставят на телефонное обеспечение. Кроме ежедневного гороскопа, «Зодиакроникс» дает специальные консультации. Можно узнать, как продвинуться по службе, завоевать симпатию влиятельных людей, уладить семейный конфликт. Однако, как говорится, телефонный разговор к делу не подошьешь, и многие предпочитают печатную продукцию с замысловатыми чертежами и таинственными знаками. Нью-йоркская корпорация «Ти-би-эс компьютер сентрс» наладила конвейерное производство таких «индивидуальных» гороскопов всего по 15 долларов за штуку. Это намного ниже суммы, которую требуется уплатить за самый пустяковый совет юристу или врачу. Почти в каждом штате создана сеть магазинов, где за 20 долларов можно заказать месячные гороскопы, которые будут аккуратно доставляться по почте. Можно, наконец, приобрести собственный астрологический мини-калькулятор.

«Математическая машина все знает значительно лучше, чем вы,— утверждает реклама,— Так позвольте ей руководить вашими шагами».

Это же так здорово, когда кто-то берется за какую-нибудь двадцатку провести твой терпящий бедствия челн через все рифы и мели моря житейского. Особенно в столь неверную и переменчивую погоду, как ныне, когда рушатся устои и катастрофически теряют сусальную позолоту привычные ценности. Компьютеру и вправду виднее, как тут быть.

«Современная ворожея в нашей стране,— отмечал по этому поводу репортер агентства «Уорлд пресс»,— должна избегать стеклянных шаров, черных котов и других устаревших реквизитов. Раньше сила чернокнижия заключалась в магической палочке, теперь — в электронном мозге компьютера».

Репортер, сделавший столь превосходную рекламу прибыльному бизнесу «Зодиакроникс», плохо, однако, разбирался в массовой психологии, а о «чернокнижии» судил по волшебным сказкам. Ворожеи в его стране не только не избегают «устаревших реквизитов», но буквально гоняются за ними по антикварным лавкам, чтобы воссоздать столь импонирующий деловому американцу колорит средневековой Европы или подчеркнуть вычурный «ретро-стиль». Другое дело, что это ничуть не мешает бойкой торговле гороскопами, отпечатанными на перфорированной ленте.

Как, в свою очередь, «кибернетическая» астрология не отбивает куска хлеба у звездочетов, работающих по старинке.

Сферы охоты обозначены четкими границами достатка. Компьютер, где производство поставлено на поток, обслуживает сравнительно небогатую клиентуру; «ремесленники» в стиле великих магов средневековья Нострадамуса и Руджери — элиту большого бизнеса. Гонорары, которые получают такие «звезды небесной науки», исчисляются десятками тысяч долларов. Крупных астрологов зачисляют штатными консультантами, а иногда даже вводят в советы директоров. Их прогнозами пользуются для составления конъюнктурных сводок, при подборе кандидатов на руководящие должности, в рискованной биржевой игре.

Причуды капризной Клио! Финансовые короли, подобно владыкам древнего мира, прежде чем сделать решающий шаг, обращаются к звездочетам. Это уже не тяга к средневековью, а ностальгический прыжок куда-то в бронзовый век. Раскопки убедительно показали, что уже в третьем тысячелетии до новой эры аккадские, шумерские и халдейские цари держали при себе жрецов, которые постоянно следили за перемещением небесных светил.

Впрочем, не будем забираться столь глубоко в дебри истории, а задержимся ненадолго на Нострадамусе, чья книга, напичканная антисоветскими комментариями всевозможных оккультных светил, стала форменным бестселлером наших дней.

Нострадамус воспринимал мир в единстве не только оккультном, но и мифологическом. Его «Астрономические четверостишия» были обращены не столько вперед по стреле времени, сколько назад — к истокам мистерий. Из всех предсказаний Нострадамуса в какой-то мере сбылось лишь одно, когда английский парламент отправил на казнь своего короля. Путь сильных мира сего всегда проходит по лезвию меча и, напрогносив им беду или же торжество над врагами, легче всего попасть в яблочко.

В августе 1914 года немецкий астролог Книпф опубликовал следующее стихотворение, приписываемое Нострадамусу:

Коль грянет глас чудесной птицы,
Звучащий грозною протяженностью органа,
Людей на мясо резать, как баранов,
Понудит век и не купить пшеницы.

Реминисценции с Апокалипсисом здесь очевидны. Столь же ясен и горький — на все эпохи — исторический подтекст последних строф. Питомцу пропахшей кровью и дымом провансальской земли, не дожившему каких-нибудь пяти-шести лет до Варфоломеев-

ской ночи, едва ли пришлось на сей раз чрезмерно напрягать фантазию.

Книпф между тем истолковал стих в духе милитаристско-шовинистической атмосферы первых дней мировой войны. В Чудесной птице он сразу распознал цеппелин, подобно тому как увидели аэропланы в железных птицах откровения от Иоанна, а в органном гласе различил шум пропеллера.

Факт предсказания Нострадамусом столкновения между тройственным согласием и Антантой был, таким образом, очевиден, а победа германского оружия подразумевалась сама собой. Но на войне, как на войне. Патриотически настроенные астрологи противостоящей стороны, к тому же соплеменники пророка, быстро разыскивали другой стишок, из которого, как дважды два, вытекала победа Франции.

Когда к власти пришел Гитлер, нацистские идеологи взяли на вооружение мистическо-пропагандистский опыт прошедшей войны. На состоявшемся в 1936 году в Дюссельдорфе Всемирном съезде астрологов рейх был провозглашен ведущей страной небесного оккультизма. Усиленно раздуваемый миф о том, что фюрером «повелевают звезды», нашел «научное» подтверждение в книге некоего Рейсмана «Астрология и культ политического вождя».

Звездочеты со всего мира, в том числе и тибетские тантрики, бросились искать счастья в Берлин. В 1937 году в Германии обосновался и швейцарец Карл Эрнст Краффт. Его первые публикации по «астробиологии» сразу же привлекли внимание министра пропаганды Геббельса, слывшего среди нацистских бонз многогранным интеллектуалом, чуть ли не рафинированным интеллигентом. Занявшись расшифровкой, естественно, в удобном для национал-социалистов направлении, пророчества, Краффт, едва началась новая мировая война, уверенно предрек Франции поражение под Седаном — давно лелеемый прусскими милитаристами реваншистский акт — и падение Парижа. Успех этих тщательно спланированных в германском генеральном штабе «предсказаний» вскружил бедному астрологу голову, и он наделал каких-то глупостей. В 1941 году Краффта арестовали. В одиночке на Принц-Альбрехтштрассе, 8 ему было о чем задуматься. Когда после года тюремного заключения его освободили и направили в распоряжение все того же министерства пропаганды, он, вместо того чтобы бежать сломя голову, вновь вошел в опасную близость с тайными махинациями нацистов.

На сей раз астролога подчинили СД, где он занялся своим прямым делом: составлением гороскопов. Краффт, не жалея сил, «ставил генитуры» высшего генералитета, вычислял конstellляции своих и чужих, Роммеля и Монгомери.

Узнав, что в своих оперативных решениях, а также в кадровой политике Гитлер и вправду частенько руководствуется «повелением звезд», прагматики из британской «Секрет интеллидженс сервис» тоже завели у себя астрологов, пытаясь предугадать по гороскопам гитлеровских военачальников очередное назначение или замену.

Иногда такие прогнозы оказывались успешными, хотя и не повлияли сколь-нибудь заметным образом на положение на фронтах. По крайней мере до высадки в Нормандии, когда исход войны уже не вызывал сомнений.

Но возвратимся к Крафту, который не извлек урока ни из собственного, ни из чужого опыта и, по всей вероятности, так и не понял, что куда лучше было бы продать душу дьяволу, чем связаться с черным орденом рейхсфюрера Гиммлера.

В 1943 году астролог был вновь арестован и отправлен в концлагерь под Ораниенбургом, а незадолго до конца войны убит выстрелом в затылок по пути в Бухенвальд.

Странная и большая книга Нострадамуса, чьи метафорические четверостишия вновь с увлечением берут на вооружение милитаристы и реакционеры, многократно издавалась со всевозможными добавлениями и каждый раз приспосабливалась к злобе дня. В Америке она продается во всех больших магазинах. Даже в далеком «пятидесятом штате» — на Гавайях я обнаружил вездесущий оракул.

Когда незадолго до Великой французской революции «Астрономические четверостишия» вышли с добавкой, содержащей указание на гибель римско-католической церкви, очевидно, масонского происхождения, лапа включил книгу Нострадамуса в список запрещенных.

Помимо достижения прямых и, конечно же, неблагоприятных, поджигательских целей, работающие под Нострадамуса невидимки льют воду на мельницу суеверной легенды, будто великий мистик продолжает дополнять свое творение из потустороннего далека.

У каждой исторической эпохи свое обличье. При всем сходстве недугов, поражающих время от времени общественное сознание, есть и у нашего века только ему присущие отличительные черты.

Вполне уместно поэтому, прежде чем поставить, как принято говорить, последнюю точку, вернуться ненадолго к некоторым из «героев» наших дней — живым и покинувшим свет. Это отнюдь не лишне, потому что каждый день привносит что-нибудь новое в их биографии.

Начнем с современников... Например, с тех из них, которые значились в секретных списках ложи «П-2», извлеченных при обыске из сейфа на вилле «Ванда».

Бежал из швейцарской тюрьмы «великий мастер» Личо Джелли. Другой «черный масон» Микело Синдона — подручный главы американского гангстерского синдиката Лэки Лючано — ждет суда. При таинственных обстоятельствах убит банкир Роберто Кальви, слишком много знавший о заговоре против Итальянской Республики. Но это лишь верхушка айсберга, плавающего в грязных водах политики, поставившей на службу своим преступным целям замуфлированный мистическим флером терроризм. Ее вдохновители и стратеги по-прежнему таятся в тени правительственных кабинетов и конспиративных квартир всевозможных «служб безопасности». «Джелли потерпел поражение,— отмечают в этой связи Джанни Росси и Франческо Ломбрасса в недавно опубликованной в Италии книге «Именем «ложки»,— и на него возлагают ответственность, которую должны нести те, кто им руководил, или те, кто в течение многих лет никак не мешали его действиям. Хирург, которому поручили при помощи ланцета вырезать раковую опухоль на теле итальянского общества, ограничился только тем, что надрезал кожу. Империя Джелли осталась в неприкосновенности. Она только ждет, когда ее возглавит новый император...»

За «императором» дело, надо думать, не станет. Тайными покровителями главаря ложи «П-2» по-прежнему владеет «братская» солидарность. «Братьями» Джелли по масонству шотландского ритуала были такие видные деятели, как директор ЦРУ Аллен Даллес, генеральный секретарь НАТО Манлио Брозио, мэр Нью-Йорка Ла Гуардия и даже американские президенты Гарри Трумэн и Джеральд Форд. Ничего не скажешь, громкие имена! Конечно, кое-кого уже нет в живых, а остальные отошли от активной политической деятельности, но ведь есть и другие, еще неназванные. Они-то и помогли бежать заговорщику. Нет нужды напоминать, что поле их деятельности охватывает не одну Италию. Уже упомянутый банкир Кальви, издававший при Муссолини фашистскую газетенку, погиб при загадочных обстоятельствах в Лондоне. Убивают, идя на любой риск и не считаясь с расходами, не только сообщников. Любой потенциальный свидетель автоматически превращается в дичь, на которую ведется безжалостная облава.

Пулями неизвестных убийц был прошит директор журнала «Обсерваторе политико» Мино Пекорелли. О причинах можно не спрашивать. Неписав статью «Правда о достопочтенном мастере масонской ложи «П-2», он в буквальном смысле слова напросился на пулю. Не прошло и нескольких дней, как его убрали, несмотря на все меры предосторожности. Подоплека убийства станет пре-

дельно ясно, если обратиться к статье итальянского журналиста, к его предсмертным словам:

«Промышленники и финансисты, политические деятели и судебные чиновники, принося клятву верности масонству, тем самым становятся на службу ЦРУ США, чтобы любым путем преградить ИКП доступ к власти».

Здесь каждое слово звучит как обвинительный приговор.

В своей зоологической ненависти к коммунизму, к прогрессивным движениям вообще реакция не брезгует ничем. В том числе и шутовским гардеробом мистических «братьев». Извлеченные из мусорной ямы истории реставрируются, наспех подновляются под современность самые отвратительные лохмотья.

Пряча под ними автоматы и бомбы новейшего образца, встают под бесславные знамена всевозможные «рыцари» и «кавалеры». Едва ли можно посчитать случайным тот факт, что за время пребывания у власти нынешней вашингтонской администрации в несколько раз выросла численность «Невидимой империи ку-клукс-клана». Ныне ее ударные отряды насчитывают около пятидесяти тысяч активных членов. Впервые с 1925 года клан осмелился открыто пройти по улицам американской столицы. И удивляться тут нечему. «Кавалеры» — так именуют себя погромщики — восприняли объявленный президентом «крестовый поход» против коммунизма как руководство к действию. Огненные кресты пылают ныне чуть ли не в каждом втором штате. И рвутся пластиковые заряды, и свистят бандитские пули, и падают в почтовые ящики отравленные расовой ненавистью прокламации.

Вновь наливаются кровью вставшие из могил вампиры. Все идет в употребление, ничьи истлевшие останки не остаются без внимания реаниматоров, так или иначе связанных с ЦРУ. Неутраченный скандал вокруг ложи «П-2» все же сорвал кое-какой маскировочный реквизит. И белые с черным крестом балахоны клана, и черные с белым крестом мальтийские плащи оказались из одного пошивочного ателье. Выяснилось, в частности, что «американская колония» мальтийских рыцарей, насчитывающая свыше трехсот членов, скомпрометировала себя не только сотрудничеством с Джелли, но и прямым пособничеством агентам ЦРУ. Не лишне заметить по этому поводу, что многие руководители американской разведки, как бывшие, так и нынешние, и сами состоят в рыцарском сане, пройдя все требуемые церемонии по древнему обряду иоаннитов. Примечательный факт!

Кто только не подвизается теперь на охваченной истерией сцене шутовского балаганчика! Каких только теней не вызвали из повопленных гробов ретивые «некроманты»! Вновь появляются на орбитах лотустороннего карнавала самозванные ганнусены, вещают

через приладочных медиумов распутины и калиостро, публикуются фальшивые «дневники» Гитлера и «письма» Муссолини, причисляют к лику святых Николая Романова, Гнусный, полахивающий мертвецкой фарс.

Не остается без работы и наш старый знакомец Мишель Нотр-Дам — Нострадамус. И дня не дают отдохнуть почтенному магистру из Монпелье. То один, то другой шарлатан заставляет плясать его под свою дудку.

Проживающий в США французский астроном Морис Шателен поставил в этом деле своеобразный рекорд, опубликовав в «Пари-Матч» очередное толкование Нострадамусовых «Астрологических центурий». На сей раз это нелегкое бремя было возложено на беспристрастную электронную память, благо Шателен трудится в НАСА и имеет доступ к компьютеру.

Впрочем, ничем принципиально новым ЭВМ не порадовала. Да и могло ли быть иначе, если даже у двоичного кода оказался набивший оскомину антисоветский акцент? «Русские вторгнутся в Европу», — гласил машинный вариант расшифровки. Вот, оказывается, каким провидцем был придворный астролог Екатерины Медици! Но подобным откровением прогностическая мощь отнюдь не исчерпывается. И обычно весьма пессимистически настроенный Нострадамус спешит порадовать благополучной концовкой: оккупированной Европе, оказывается, поможет обладающий совершенной военной техникой заокеанский союзник. Одним словом, готовься принимать американские ракеты, старушка Европа, и все будет о'кей! Можно подумать, что покойного лейб-медика зачислили в штат Пентагона. Такая уж выпала ему горестная планίδα служить ширмой беспардонной политической клеветы.

«И снова, как в прошлом, Париж освободили американцы», — бесстыдно врёт от его имени печатающее устройство. Нострадамусу простительно было ошибаться, проницая дали времен. Прошрое, о котором идет речь ныне, таилось от него за горизонтом далекого будущего. Однако сегодня любой француз знает, что американцы никогда не освобождали славную столицу Франции. Ее освободили сами восставшие парижане, подняв трехцветное знамя не только до прихода американских войск, но и до вступления французской танковой бригады генерала Леклерка! Кстати сказать, под актом о приеме капитуляции вместе с Леклерком поставил свою подпись и герой Сопротивления коммунист Роль-Танги. Именно это прошрое, дорогое всем честным патриотам, тщится оболгать мосье Шателен, выставляя жалким пугнишкой раздерганного всяческими спекулянтами Нострадамуса и впутывая в бесчестные махинации даже бесстрастный машинный интеллект. Таковы парадоксы века кибернетики и атома.

Резонансное совпадение пароксизма сатанинских и прочих культов средневековья с термоядерной лихорадкой — закономерный синдром.

В материалах XXVII съезда КПСС подчеркивалось, что «мы имеем дело с искушенным классовым противником, политический опыт которого разнообразен, измеряется по времени веками» и что мы не имеем права забывать о том, что «психологическая война» — это борьба за умы людей, их миропонимание, их жизненные, социальные и духовные ориентиры...». Именно поэтому в идеологической борьбе нет и не может быть никаких компромиссов.

■ МЕРИДИАНЫ ФАНТАСТИКИ

Хроника событий Январь — июнь 1986 года

ПО СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ

21 апреля состоялся Пленум Совета по приключенческой и научно-фантастической литературе правления СП СССР на тему «Роль научно-фантастической литературы в ускорении социального и научно-технического прогресса в свете решений XXVII съезда КПСС». Пленум открыл председатель Совета А. П. Кешоков. С основным докладом выступил заместитель председателя Совета Е. И. Парнов. В прениях приняли участие Д. А. Биленкин (зочно), С. А. Снегов, В. Д. Михайлов, А. Н. Стругацкий, Е. Л. Войскунский, О. Н. Ларионова, А. П. Казанцев, Н. Б. Славинский, Г. И. Гуревич, В. Т. Бабенко, А. И. Шалимов, В. Н. Фирсов, В. Л. Голман.

Юбилей 1986 года

100 лет со дня рождения Георгия Борисовича Адамова (1886—1945) — одного из первых советских писателей, посвятивших все свое творчество фантастике, автора известных романов «Победители недр», «Тайна двух океанов», «Изгнание владыки».

60 лет со дня рождения Генриха Сауловича Альтова (Альтшуллера) — известного писателя-фантаста и изобретателя, автора теоретических работ по методологии изобретательства, автора научно-фантастических рассказов и повестей, вошедших в сборники «Легенды о звездных капитанах», «Опалаяющий разум», «Создан для бури», романа «Третье тысячелетие», отрывок из которого был опубликован в альманахе «НФ-14».

100 лет со дня рождения Фатиха Зарифовича Амирхана (1886—1926) — татарского писателя, публициста-просветителя, зачинателя татарской научной фантастики.

70 лет со дня рождения Петрония Гая Алатуни (1916—1982) — писателя, сочетавшего в своем творчестве сказочную фантастику (повести «Маленький летчик Пирон», «Чай — победитель волшебников», «Требуется король») и научную фантастику (трилогия «Гаяна»).

80 лет со дня рождения Кирилла Константиновича Андреева (1906—1968) — литературоведа, критика, исследовавшего творчество

В. Немцова, И. Ефремова, но главным образом Жюль Верна. Жизненному пути знаменитого французского фантаста посвящена книга «Три жизни Жюль Верна».

90 лет со дня рождения Владимира Григорьевича Брагина (1896—1972) — автора научно-фантастического романа «Страна дремучих трав».

70 лет со дня рождения Евгения Павловича Брандиса (1916—1985) — литературоведа, критика, автора множества работ о советской и зарубежной научной фантастике.

60 лет исполнилось Анатолию Федоровичу Бритикову — литературоведу, критику, автору работ по теории научной фантастики и истории научной фантастики в СССР. Его книга «Русский советский научно-фантастический роман» — первое в советском литературоведении историко-литературное и типологическое исследование романной формы в отечественной фантастике.

95 лет исполнилось со дня рождения Михаила Афанасьевича Булгакова (1891—1940) — замечательного писателя, прозаика, драматурга, автора гротескно-фантастических повестей «Роковые яйца» и «Диаболиада», многопланового романа «Мастер и Маргарита», в котором соединились различные стороны дарования М. А. Булгакова — сатирика, реалиста, фантаста.

70 лет со дня рождения Ариадны Григорьевны Громовой (1916—1981) — писательницы, критика и теоретика научной фантастики, автора научно-фантастических повестей «Глеги», «В круге света», «Мы одной крови — ты и я», романов «По следам неведомого» (в соавторстве с В. Комаровым), «Поединки с собой».

65 лет со дня рождения Николая Александровича Дашкиева (1921—1976) — автора научно-фантастических романов «Торжество жизни», «Властелины мира», «Зубы дракона», «Гибель Урании».

90 лет исполнилось Юрию Александровичу Долгушину — автору известного научно-фантастического романа «Генератор чудес» («ГЧ»).

60 лет исполнилось Юлию Иосифовичу Кагарлицкому — литературоведу, критику, доктору филологических наук, исследователю творчества Герберта Уэллса. Главное произведение в области фантастиковедения — книга «Что такое фантастика?».

80 лет со дня рождения Александра Петровича Казанцева — писателя-фантаста, автора научно-фантастических романов «Пылающий

остров», «Арктический мост», «Мол «Северный», «Купол надежды», «Фазы», «Сильнее времени», повестей «Лунная дорога», «Планета бурь», историко-фантастических романов «Острее шпаги», «Клокочущая пустота». А. П. Казанцев — лауреат премии «Аэлита» (1981).

50 лет исполнилось Виктору Дмитриевичу Колупаеву — автору повестей «Качели отшельника», «Фирменный поезд «Фомич», «Толстяк» над миром», научно-фантастических рассказов, вошедших в сборники «Случится же с человеком такое!» и «Седьмая модель».

240 лет со дня рождения и 160 лет со дня смерти русского писателя, переводчика, ученого Василия Алексеевича Левшина (1746—1826) — автора утопического произведения «Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белёве», в котором герой строит летательную машину из орлиных перьев, проволочек и пружин и отправляется на Луну.

65 лет со дня рождения литературоведа, критика, очеркиста, библиографа Бориса Валериановича Ляпунова (1921—1972) — автора многочисленных работ и обзоров научной фантастики, статей, очерков, киносценариев. В области фантастиковедения главный труд — уникальное критико-библиографическое издание «В мире мечты» (второе издание — «В мире фантастики»).

80 лет со дня рождения известного писателя-фантаста Георгия Сергеевича Мартынова (1906—1983) — автора научно-фантастических романов «Каллист», «Каллистяне», «Гость из бездны», «Спираль времени», «Гианэя», «Сто одиннадцатый», трилогии «Звездоплыватели», фантастико-приключенческой повести «Кто же он?».

70 лет со дня рождения Виталия Григорьевича Мелентьева (1916—1984), работавшего в основном в области детской научной фантастики. В. Г. Мелентьев — автор повестей «33 марта 2005 год», «Голубые люди Розовой земли», «Черный свет», сказки «Обыкновенная Мемба».

75 лет исполнилось Михаилу Петровичу Михееву — автору научно-фантастических книг «Вирус «В-13», «Далекая от Солнца», «Милые роботы», научно-фантастических рассказов, вошедших в сборник «Год тысяча шестьсот...»

100 лет со дня рождения Вадима Дмитриевича Никольского (1886—1941) — автора научно-фантастического романа «Через тысячу лет», герои которого переносятся в будущее на машине времени — хрономобиле.

80 лет со дня рождения Леонида Дмитриевича Платова (псевдоним, настоящая фамилия Ломакин, 1906—1979) — представителя гео-

графического и историко-этнографического направления в советской фантастике, автора научно-фантастических романов «Архипелаг исчезающих островов» и «Страна семи трав».

50 лет со дня рождения армянского советского писателя Карэна Арамовича Симоняна — основателя школы армянской советской фантастики. На русском языке выходили книги «Фантастика», «Аптекарь Нерсес Мажан».

70 лет исполнилось Наталье Викторовне Соколовой — автору научно-фантастической повести «Захвати с собой улыбку на дорогу», фантастико-юмористической сказки «Пришедший оттуда», сборника «Осторожно, волшебное».

75 лет исполнилось Николаю Владимировичу Томану — автору повестей «MADE IN...», «Неизвестная земля», «Преступление магистра Травицкого», «В созвездии трапеции», сочетающих острую сюжетность с элементами научной фантастики.

90 лет со дня рождения известного драматурга, писателя, кино-сценариста Евгения Львовича Шварца (1896—1958), работавшего в жанре театральной сказки. В пьесах Е. Л. Шварца «Голый король», «Красная шапочка», «Тень», «Дракон», «Обыкновенное чудо» органично соединяются реальное и условно-фантастическое, обыкновенное и чудесное, злободневное и вечное.

90 лет со дня рождения Николая Николаевича Шпанова (1896—1961) — автора фантастико-приключенческих романов и повестей «Земля недоступности», «Первый удар», «Тайна профессора Бурого», «Война невидимок», «Ураган».

95 лет со дня рождения известного русского советского писателя Ильи Григорьевича Эренбурга (1891—1967) — автора философско-сатирического романа «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников», фантастического романа «Трест Д. Е.».

ЗА РУБЕЖОМ

С 27 по 29 мая в Ванкувере (Канада) проходила очередная конференция Всемирной ассоциации научной фантастики, на которую съехались делегации научных фантастов 11 стран. Советский Союз представлял заместитель председателя Совета по приключенческой и научно-фантастической литературе правления СП СССР Е. И. Парнов. При перевыборах новым президентом Всемирной ассоциации научной фантастики стал Джанфранко Вивиани — руководитель миланского издательства «Норд» (Италия). Вице-президенты организации остались прежние — Е. И. Парнов (СССР) и Фредерик Пол (США).

Юбилей 1986 года

Венгрия

70 лет со дня рождения Лайоша Мештерхази (1916—1979) — знаменитого венгерского писателя, лауреата премий А. Йожефа и Л. Кошута, автора ряда фантастических произведений, в том числе историко-фантастического романа «Загадка Прометея».

Польша

65 лет со дня рождения крупнейшего польского фантаста Станислава Лема — автора многочисленных научно-фантастических произведений, из которых наиболее известны сборники рассказов «Сезам», «Звездные дневники», «Вторжение с Альдебарана», «Ки-бериада», «Сказки роботов», «Рассказы о пилоте Пирксе», романы «Астронавты», «Магелланово облако», «Эдем», «Возвращение со звезд», «Солярис», «Непобедимый», «Голос неба», «Дневник, найденный в ванной», «Насморк». С. Лем — также автор сборника рецензий на несуществующие книги «Идеальный вакуум», труда о философских аспектах прогнозирования будущего «Сумма технологий», обзора современной фантастики «Фантастика и футурология».

225 лет со дня рождения Яна Потоцкого (1761—1815) — польского писателя, историка и просветителя, автора сатирико-философского антиклерикального романа «Рукопись, найденная в Сарагосе».

85 лет со дня рождения Бруно Ясенского (1901—1941) — польского и русского советского писателя, деятеля международного революционного движения, автора романа-антиутопии «Я жгу Париж».

Великобритания

75 лет со дня рождения Уильяма Голдинга — классика современной литературы, автора философских романов-притчей «Повелитель мух», «Наследники», «Шпиль», историко-фантастической повести «Чрезвычайный посол».

100 лет со дня рождения Олафа Степлдона (1886—1950) — одного из виднейших английских фантастов, представителя философской фантастики, автора романов «Первые и последние дни», «Творец звезд», «Удивительный Джон», «Сириус», «Последние люди в Лондоне», «Человек разделенный».

120 лет со дня рождения и 40 лет со дня смерти Герберта Джорджа Уэллса (1866—1946) — родоначальника научно-фантастической литературы XX века, автора научно-фантастических романов «Машина времени», «Остров доктора Моро», «Человек-невидимка», «Война миров», «Когда спящий проснется», «Первые люди на Луне»,

«Пища богов», «В дни кометы», «Война в воздухе», «Освобожденный мир».

США

70 лет исполнилось Форресту Аккерману — одному из наиболее видных деятелей движения американских любителей фантастики, основателю и владельцу крупнейшего в США Музея истории научной фантастики и фэнтези (Голливуд).

60 лет со дня рождения Пола Андерсона — крупного писателя-фантаста, автора большого количества романов и нескольких сотен рассказов, лауреата пяти премий «Хьюго» и двух премий «Небьюла».

65 лет со дня рождения Джеймса Бlishа (1921—1975) — видного писателя-фантаста, автора большого количества романов и сборников рассказов. Наиболее известны серия «Города в полете» — о летающих городах, управляемых антигравитационными устройствами, и роман «Дело совести», получивший премию «Хьюго».

80 лет со дня рождения Фредерика Брауна (1906—1972) — известного писателя-фантаста, тяготевшего к юмористической и сатирической фантастике. Наиболее значительное произведение — роман «Что за сумасшедшая Вселенная», повествующий о параллельной Земле, на которой сюжеты фантастических книг становятся реальностью.

75 лет со дня рождения Джека Финнея (псевдоним Уолтера Брейдена Финнея) — автора рассказов, вошедших в сборники «Третий уровень», «Я люблю Гэлесберг весной», и романов «Похитители плоти» и «Меж двух времен».

90 лет со дня рождения Мюррея Лейнстера (псевдоним Уильяма Фицджеральда Дженкинса, 1896—1975) — одного из наиболее значительных американских фантастов-новеллистов. Успех Лейнстеру принесли рассказы, из которых наиболее известны «Первый контакт», «Одинокая планета», «Отряд исследователей» (премия «Хьюго»). Ославив идею невозможности контакта различных звездных рас, выдвинутую М. Лейнстером в рассказе «Первый контакт», советский фантаст И. А. Ефремов написал рассказ «Сердце Змеи».

75 лет со дня рождения Кэтрин Мур — писательницы, внесшей большой вклад в развитие американской фантастики. Много рассказов и несколько романов написала в соавторстве с Генри Каттнером, за которым была замужем с 1940 года до его смерти в 1958 году. Лучшие рассказы, написанные самой Мур, собраны в сборниках «Ночь страшного суда», «Шамбло и другие», «К северо-востоку от Земли».

Материал подготовлен В. БАБЕНКО и В. ГОПМАНОМ

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	3
ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ	
Дмитрий Биленкин. Сила сильных	7
Анатолий Мельников. Один из дней творения	79
Вячеслав Рыбаков. Пробный шар	112
ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА	
Айзек Азимов. Уродливый мальчуган. Перевела с английского Светлана Васильева	131
Филип Дик. Из глубин памяти. Перевел с английского Вла- димир Баканов	175
Генри Слизар, Харлан Эллисон. Единственная возможность. Перевел с английского Владимир Баканов	192
ПУБЛИЦИСТИКА	
Еремей Парнов. Звездное помрачение	198
МЕРИДИАНЫ ФАНТАСТИКИ	232

Литературно-художественное издание

СБОРНИК НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ВЫПУСК 31

Составитель

Е. И. ПАРНОВ

Главный отраслевой редактор В. П. Демьянов

Редактор В. М. Климачева

Мл. редактор Н. П. Терехина

Худож. редактор М. А. Гусева

Художник Г. Ш. Басыров

Техн. редактор И. Е. Жаворонкова

Корректор Н. Д. Мелешкина

ИБ № 7737

Сдано в набор 25.08.86. Подписано к печати 02.03.87. А09864.
Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бумага кн.-журнальная. Гарнитура жур-
нально-рубленая. Печать высокая. Усл. печ. л. 12,60. Усл. кр.-отт.
13,02. Уч.-изд. л. 15,66. Тираж 150 000 экз. Заказ 6—2723. Цена
1 р. 30 к. Издательство «Знание», 101835, ГСП, Москва, Центр,
проезд Серова, д. 4. Индекс заказа 877705.
Головное предприятие республиканского производственного объ-
единения «Полиграфкнига», 252057, Киев, ул. Довженко, 3.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

О роли литературы в жизни советских людей, об их нравственном, эстетическом воспитании, о новых исследованиях литературоведов, о крупных юбилеях писателей рассказывают брошюры серии «Литература».

Эти книжки помогут ориентироваться в огромном книжном мире, дадут возможность быть в курсе литературных событий.

Авторами брошюр выступают видные литературоведы, критики, публицисты. Серия адресуется преподавателям, студентам, старшеклассникам, слушателям народных университетов, всем читателям, интересующимся литературой.

Каждый месяц выходит одна брошюра (всего 12 книжек в год).

В 1987 году были выпущены такие брошюры:

Белов С. Б. Современный американский роман о войне.

Пушкина И. Г. А. И. Герцен (175 лет со дня рождения).

Гончаров Б. П. Анализ поэтического произведения.

Фризман Л. Г. 1812 год в русской поэзии.

Лаврин А., Пластов М. Молодая советская поэзия.

В 1988 году должны выйти:

Ужанков А. Н. Творчество авторов древнерусской литературы.

Николай Огарев (175 лет со дня рождения).

Сохряков Ю. И. Природа и человек (по материалам современной литературы).

Кроме того, будут и другие брошюры. Брошюры не продаются. Серия подписная. Подписная цена серии на год — 1 руб. 32 коп. Индекс серии в каталоге «Союзпечати» — 70069.

1 р. 30 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

